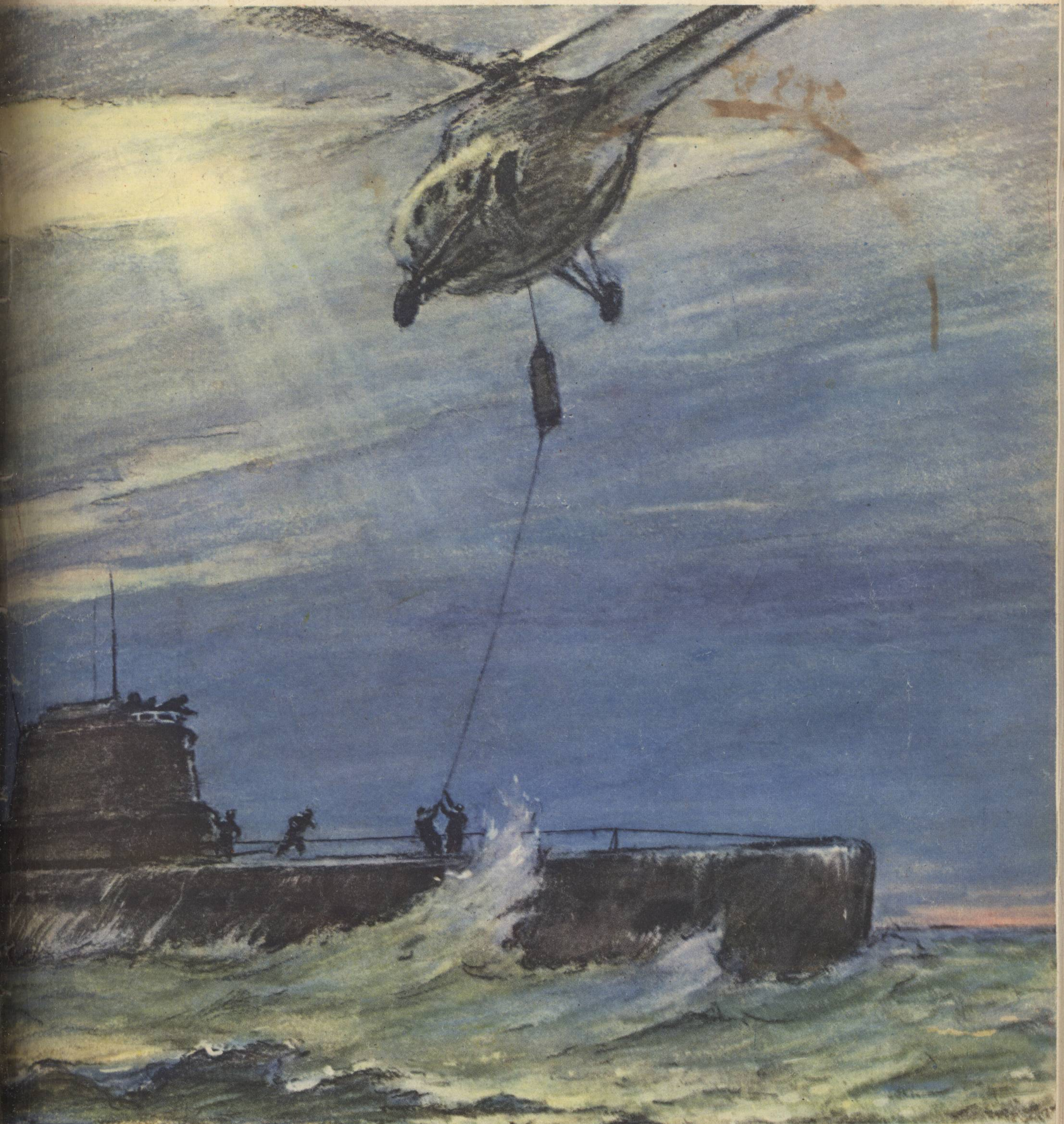
ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год 2

— Вон за ту высотку шли большие бои...

Рисунок М. Самсоно

ПИОНЕР

ВСЕГДА ГОТОВ!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 35-й

ФЕВРАЛЬ

№2 1958 г.

В этом номере:

На вклейках:

В тылу врага. Картина В. Хохрина.

Утро на привале. Картина А. Мазитова.

В тундре. В горах Путорана. Гравюры на линолеуме В. Мешкова.

На обложке:

Рисунок П. Кузьмичева «На маневрах».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дом имени Карла и Розы

Повесть

Наталия ЛОЙКО

Рисунки Ф. Лемкуля.

НОЧНАЯ МОСКВА

По старому стилю еще ноябрь, по новому — декабрь. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Зима впереди, а московские улицы и переулки уже так завалены неубранным снегом, что трудно пробираться между сугробами. Вечерами прохожие благодарны каждому светящемуся окошку, возле которого хоть немного расступаются потемки.

В небольшом особнячке, занимаемом Алмазовыми, плотные шторы тщательно задернуты, свет пробивается скупо, словно не желая служить посторонним. А в переулке мрак, ни одного зажженного фонаря.

Только что на крыльцо особнячка, неслышно притворив за собой дверь, выскочила худенькая, тонколицая девочка. Зовут ее Асей. По метрике — Анастасией Овчинниковой, год рождения 1906-й.

Лишь пробежав палисадник, стукнув калиткой, Ася догадалась застегнуть пальто. Пальцы сразу окоченели, еле справились с тесемками капора. А глаза тем временем — черные, сердитые — вглядывались в покинутый ею дом. Он еле виден, зато на его темном фоне явственно проступает опушенный снегом литой узор ограды.

Девочка с наслаждением вдыхает сухой, морозный воздух, будто вырвалась из заточения.

Пусть в кухне Алмазовых в этот час перед ужином топится плита, булькает в кастрюле каша. Пусть...

Асе предстояло пробыть у родственников все то время, пока ее мать не выпишется из больницы; но случилось так, что девочка нарушила материнский приказ. Не помня себя, выскочила, очутилась под хмурым, беззвездным небом, среди сугробов и тьмы. Теперь один путь — домой! Путь долгий: из района Тверских-Ямских до Замоскворечья, до Пятницкой улицы.

Скользко, приходится бежать мелкими шажками, а хочется скорее выбраться туда, где не так безлюдно. Вчера у Алмазовых были гости; вперемежку с анекдотами про новую власть за столом рассказывали истории, от которых мороз подирал по коже. Еще бы! С тех пор, как разогнали полицию, в любой момент вас могут раздеть на улице, ворваться в вашу квартиру.

Василий Мироныч, провожая гостей, похвастал новым хитрым замком на входной двери. Замков и задвижек устроили столько, что до верхних он, коротышка, доставал лишь на цыпочках. Асе было смешно, а гости знай восхищались. Хорошо, что верхний крюк служит только по ночам, а то, бог знает, как бы Ася сейчас выскользнула.

Ася вдруг запнулась на полном ходу. Она только что оставила эти знаменитые двери чуть не нараспашку! Нарушила все правила. У Алмазовых строго-настрого полагалось предупреждать, если выходишь на улицу. За тобой мигом повертывался ключ, щелкала задвижка, гремел нижний крюк.

Что, если грабители уже подстерегли, уже проскользнули в прихожую?

Прижав к груди подвешенную на шнурке муфту, как бы желая унять заколотившееся сердце, Ася идет обратно, поднимается на парадное крыльцо.

За дубовой дверью никакой суматохи. Тихо... Неожиданно Ася чувствует разочарование. Втайне она представляла себе картину: кто-то в большом картузе (нет, в таинственном черном капюшоне!) воспользовался ее оплошностью, прокрался в кабинет хозяина, где висят самые ценные картины и хранятся старинные золотые часы, которые нельзя трогать... Здорово бы струхнул Василий Мироныч...

А в доме, видно, ее пока не хватились, думают, что она преспокойно спит в комнатушке рядом со столовой. Тетя Анюта со своим Василием Миронычем, вероятно, до сих пор сидят у обеденного стола под самой яркой лампой. Сидят, переговариваются...

Переговариваются, как и несколько минут назад, когда Ася лежала на диване. Едва она проснулась, как ее уже бросило в жар: в столовой за неплотно притворенной дверью шел разговор о ней, о том, что в тяжелое время в доме совсем некстати лишний рот. Насчет лишнего рта беспокоился, конечно, Василий Мироныч. Вежливо беспокоился, своим тихим, липучим голоском, которого так боится тетя Анюта. Она не спорила, только оправдывалась:

— Мы же пока не нуждаемся...

Хорошо, что из комнатушки вторая дверь ведет в прихожую, Ася смогла незаметно выскользнуть. Если бы у нее вдруг не отнялся язык, она бы крикнула напоследок:

— А раньше зачем притворялись?

В детстве (сейчас, дрожа от обиды, Ася чувствует себя совсем взрослой) она любила бывать в гостях у Алмазовых. Ее баловали, закармливали крендельками, и она, глупая, верила каждой ласке... А может, и не было притворства? Может, правда, это теперь все очерствели? Есть такие, что и бога забыли.

Но Ася помнит о нем, всемогущем! Она решительно дергает рукоятку звонка, барабанит в тяжелые двери, сигналит обидчикам: запирайтесь на сто замков!

Теперь, когда за дверью послышались суетливые шаги, можно исчезнуть, нырнуть в темноту... Бог видел: она не подвела людей, которые как-никак давали ей приют.

Плутая, спотыкаясь, она идет переулками, спешит, чтобы поспеть на Пятницкую до одиннадцати, пока во всех домах не выключат электричество. В тревоге Ася спрашивает:

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, который час?

Вопрос задан чрезвычайно вежливо. Прохожий, идущий навстречу, наверное, человек воспитанный: на нем инженерская фуражка. Однако — хорош! — взглянул угрюмо и прошел мимо. Обернувшись в

сердцах, Ася застывает на месте. Прохожий тянет за собой салазки, на них — небольшой гроб. Тянет и даже не поглядит назад, хотя санки кренятся набок, прыгают по бугристой, похожей на застывшие волны мостовой. Наверно, гробик еще пустой.

Мама говорила, что главное теперь — сохранить детей. Только бы продержаться, пока не настанут лучшие времена. Больше ничего и не надо... А сама не продержалась, захворала. Но она сказала, что выживет, что ей никак нельзя умирать, потому что Аське тогда конец.

И верно. Германская война отняла у Аси отца. На Андрея, маминого брата, нечего рассчитывать. Мама часто говорит, что ему самому требуется нянька. В начале революции он прекрасно окончил техникум в Приозерске, мог бы поступить на хорошее место даже в Москве, везде взяли бы способного электрика, но Андрей захотел работать на Черных Болотах на Торфострое, а там землянки, бараки и первобытные условия. Где ему заботиться об Асе! Выходит, что маме никак нельзя оставлять Асю. Есть еще Варька. Она живет у Овчинниковых и любит их всех без памяти, но она чужая и малокультурная. Правда, как говорит мама, малокультурные сейчас всеми делами вершат... И никому нет дела до чужих детей, до чужих ли в такое время?

Пожалуй, мама знала, что̀ за родственнички эти Алмазовы. Она так странно, так нерешительно сказала:

— В случае чего помни, что у тебя есть приют, что тетя Анюта — папе родная сестра. В случае чего, понимаешь?

Ничего Ася не хочет понимать! Выпишется мама из больницы, Ася признается ей, до чего она ее любит, как скучала. А потом посмешит. Изобразит коротышку — теткиного мужа, его испуг, что Асю навяжут им на шею.

Перебежав Садовую, попав наконец на Тверскую, людную, хоть не щедро, но освещенную — даже можно разглядеть все впадинки и бугры на пути,— Ася припустила во весь дух. Не бежит, а летит.

Бац! С Асей иначе не бывает. Разыграется, разойдется — и обязательно заработает щелчок по носу. Ну почему ее угораздило грохнуться со всего размаху, почему налетела на какую-то тетку в платке?

Женщина, угодившая в сугроб, вместо того, чтобы обругать Асю, рассмеялась:

— Мы с тобой ни при чем. Виноваты буржуи, что никак не выучатся по-людски чистить тротуары.— Она отряхнула своей большой рукавицей Асино пальто.— Ленту не оброни, сердитая. Потеряешь — влетит от матери.

Это верно, что влетит. Ася схватилась за косы. Теперь ленты не купишь. Варька говорила, что все ленточные фабрики закрыты. Как не имеющие государственного значения.

То ли снег, набившийся за шиворот и в башмаки, охладил возбуждение Аси, то ли взяла свое усталость, но девочка уже не шла, а едва тащилась. В мыслях неотвязно всплывала картина — тетя Анюта раскладывает по тарелкам кашу. В особнячке к каше всегда подают масло. Настоящее масло...

Издали, как мираж среди мрака, завиднелись взвивающиеся искры и язычки костра. Костер освещал площадь, расступившуюся перед губернаторским дворцом, что теперь занят Московским Советом. Прибавив шагу, Ася вспомнила, как вдвоем с Варькой приходила сюда перед самым маем; как у них на глазах, словно отслужившую мебель, убирали с площади чугунного генерала, сидевшего на чугунном коне; как возмущались некоторые прохожие, что синие дощечки с надписью «Скобелевская площадь» заменены красными, сообщающими, что площадь переименована в «Советскую».

Костер пылает ярко, зовет к себе. Но как подступиться, если вокруг солдаты? Возможно, караул, приставленный к Совету; возможно, патрули, которых Ася почему-то побаивается. Эти люди нисколько не напоминают тех аккуратных солдатиков, что отдавали честь Асе и ее отцу, когда он надел офицерскую форму, став военным врачом. Не похожи теперешние солдаты и на тех, что появились в прошлом году,— бородатых, оборванных, называвшихся демобилизованными.

Потоптавшись, набравшись, наконец, храбрости, Ася проскользнула к костру, к самому жару. Пришлось у всех на виду протягивать к огню то одну, то другую ногу в неуклюжих, уродливых башмаках. Варькиной работы башмаки. Скроены из оставшейся от отца гимнастерки.

Кто-то сломал пополам доску, швырнул в костер. Пламя разгорелось, вымахнуло вверх. На розовой стене бывшего дворца стали различимы выбоины, следы пуль.

— Эка, зазевалась!

Один из солдат отвел в сторону Асин башмак: толстая войлочная подошва начала дымиться.

— Оплошала, барышня.

Под общий хохот Ася в растерянности пробормотала:

— Извините, пожалуйста.

Солдат, спасший ее башмак, пробасил:

— Деликатная! Штиблетики-то офицерского сукна.

Тетя Анюта предупреждала Асю, что нынешняя солдатня не щадит офицерское сословие. Съежившись, стараясь стать незаметной, девочка отошла от костра. Еще больше потянуло домой, хотя там, конечно, нетоплено и вряд ли найдется ужин. Только бы Варька была дома, только бы не пришлось дожидаться на каменных грязных ступеньках...

На углу Охотного ряда Ася остановилась, взглядом распрощалась с Тверской. Еще были различимы отблески костра, собравшего вокруг себя солдат. Возможно, эти самые солдаты и сшибли вывеску с углового дома. Вот она болтается на одном крюке.

Ася помнит каждое слово:

«Магазин офицерских вещей Ольдероге.
Существует с 1882 года».

Давно существует... Кажется, все было давным-давно... Железная вывеска жалобно дребезжит, словно хочет напомнить Асе, как та приходила сюда с отцом вскоре после того, как началась война.

А вот и Красная площадь. Велика она и обширна. Попробуйте перейти ее быстро, если ноги окоченели, не слушаются. Важная площадь. Сюда в праздники сходятся манифестанты. Рассказывали, что Первого мая весь народ, проходя мимо братских могил, склонял знамена и музыканты играли торжественный марш. Только Ася ничего не видела: ее не пустили дальше двора.

Зато уж они с Варькой вознаградили себя в ноябре, в праздник первой годовщины революции! Веселье началось еще накануне, многим в тот вечер не сиделось дома. Просто одетые люди шли с песнями, взявшись за руки. Варька сказала, что теперь так и надо ходить, что под ручку ходить совестно, особенно парочкой, что это буржуйская привычка. Рядом двигались экипажи, разукрашенные гирляндами и флажками, в экипажах сидели дети. Пролетарские дети, как пояснила Варя. Из-за угла показался грузовик, он ехал медленно, чтобы все могли разглядеть чучело международного капитала в картонном цилиндре.

Кругом заговорили, что надо расходиться по пло-

щадям, что повсюду будут фейерверки и обещано символическое уничтожение старого строя, что художники изготовили из тряпья и соломы генералов, городовых, попов... На Красной площади, на Лобном месте, где в старину казнили людей, готовились сжигать старый строй.

От толстого чучела кулака-мироеда несло керосином. Волосы, стриженные «под горшок», сделанные из пакли, вспыхнули прежде всего, когда к чучелу поднесли горящий факел. По правде сказать, Ася боялась шевельнуться, чтобы не упустить какой-либо подробности, но кричать от восторга, как вся эта толпа, она не стала и петь тоже не пожелала. Вслед за оркестром множество голосов подхватило «Интернационал», но Ася молча смотрела, как над пеплом старого строя водружали красное знамя...

Набравшись храбрости, Ася проскользнула к костру.

Сейчас площадь пуста. Ветер, да снег, да глухая стена с высокими башнями, с которых все еще смотрят на город двуглавые когтистые орлы. За этой древней кремлевской стеной живет Ленин, Владимир Ульянов, тот, кто устроил революцию.

Теперь он подписывает декреты. Конечно, и лозунги он составляет. В октябрьские праздники на многих домах были расклеены лозунги. Асе запомнился один: «Борьба за социализм — борьба за счастье детей».

А знает ли Ленин, каково сейчас детям?

В ДОМЕ НА ПЯТНИЦКОЙ

В ряду других домов на Пятницкой улице стоит и тот, до которого добирается, но все еще не добралась Ася. Электричество уже выключено, и большая часть окон в этом ничем не примечательном доме, как и повсюду в городе, черна. В редком сквозь слой инея угадаешь мерцание коптилки, различишь огонек керосиновой лампы. За стеклом крайнего во втором этаже окошка брезжит, порою вдруг разгорается красноватый свет. Там, видно, топится печка.

Маленькую «буржуйку» разожгла Варя, раскалила ее так, что железные бока стали малиновыми. Находясь эти дни в одиночестве, Варя экономила, почти не прикасалась к скудному запасу сырых, сложенных на кухне дров. Но сегодня она щедра: она тем более может себе это позволить, что гость, ради которого печурка обильно источает тепло, сам приволок толстенный, расколотый на чурбаки, высушенный солнцем пень. Провез в служебной теплушке.

Обычно быстрая, порывистая в движениях, Варя сейчас не разрешает себе лишний раз шелохнуться, боится потревожить того, кто уснул сидя, неуклюже согнув ноги в больших валенках, от которых на паркет натекли лужицы. Темноволосая голова спящего тяжело опустилась на руку, лежащую на спинке стула.

Андрей (для Вари он Андрей Игнатьевич) сегодня приехал в Москву по ее вызову. Проводив в тифозный барак Ольгу Игнатьевну, Варя стала изыскивать способ, как вызвать ее брата с Черных Болот. Телеграфу особой веры не было, и Варя, движимая чувством долга и еще одним чувством, которое она хотела бы скрыть от других, бросилась на поиски оказии. Была в Главтопе, в Главторфе и добралась наконец до старика-рабочего, отправлявшегося в этот день на Черные Болота с оборудованием для кузницы.

За этим последовали иные хлопоты. Придя с фабрики, Варя стирала, прибирала, вымораживала тюфяк после больной. Огрубевшими за последний год пальцами Варя подштопала свою шерстяную кофточку, ее она и накинула прошлой ночью, когда еще до рассвета постучали в дверь. Застегивая кофточку, слышала, как сильно заколотилось сердце.

Андрей расспрашивал о сестре, даже не догадавшись сбросить на пол привезенную вязанку чурок. Согнувшись под нескладной, огромной ношей, он нерешительно улыбнулся Варе, как бы прося у нее добрых вестей. На его щеках, докрасна исщипанных морозом, давненько небритых, проступили ямочки и исчезли: Варя ничего хорошего сообщить не могла. Она приняла из его рук в негнущихся больших варежках мешочек с провизией и лукошко, полное мерзлых, постукивающих, словно костяные пуговки, клюквин. Андрей немного согрелся, пока Варя готовила для больной морс. Вышли вместе. Варя — на фабрику, Андрей — в больницу.

Сейчас Варя оберегает его покой. Пристроившись на коврике, она не дает смолкнуть веселому треску полешек, временами отворяет заслонку, длинной кочергой мешает жар. В такие минуты ее пышные, отливающие темной бронзой волосы вспыхивают рыжиной. Сердце Вари полно жалости и горячего желания доказать свою преданность Андрею. Она мечтала об этом с той поры, как впервые увидела его весной шестнадцатого года. Самой ей тогда только что стукнуло шестнадцать лет...

...Незадолго до войны Варю отдали в мастерскую мадам Пепельницкой. Не в пример другим ученицам она как-то ухитрялась правдами и неправдами постигать премудрое швейное мастерство. В свободную от множества поручений минуту Варька хитростью или лаской добивалась настоящего дела. Тоненькой шелковой ниткой подрубала подол, пришивала крючки один к одному густым, ровным рядом. Слушая россказни мастериц, мечтала когда-нибудь, как мадам Пепельницкая, выйти замуж за богатого приказчика.

Модной мастерской и в дни войны хватало заказчиц. Правда, иные, сшив траурное платье, больше не появлялись, но зато дамы, чьим мужьям привалила удача, заказывали наряд за нарядом. Заказчица Овчинникова Ольга Игнатьевна и прежде шила нечасто, а с четырнадцатого года и вовсе пропала. И вдруг весной шестнадцатого объявилась, выбрала фасон и все повторяла, что пришло письмо от мужа из действующей армии с обещанием скорого приезда — в отпуск, на побывку. Когда закройщица снимала с Овчинниковой мерку, та шутя поторопила:

— Меня внизу брат дожидается.

Несколько женских голосов отозвались также шутливо:

— Пускай поднимется к нам, не съедим.

О своем единственном брате заказчица как-то, еще давно, выложила целый короб сведений: охотник, рыболов, вообще «покоритель природы».

Варе, ни разу по-настоящему не насладившейся природой (была один раз в Нескучном саду, и все), оставалось лишь восхититься.

Сейчас она звонче всех закричала:

— Пусть поднимется к нам!

Но Овчинникова засмеялась:

— Что вы, девушки... Это серьезнейший мужчина. Он презирает тряпки.

Варя как раз протирала окно, она имела возможность наклониться и поглядеть на «покорителя природы» и в то же время серьезнейшего мужчину. Он сидел в забрызганной грязью пролетке, читал газету, вернее, целый ворох газет. Варя выждала, когда он в нетерпении взглянул на окно мастерской, и увидела очень молодое и очень загорелое лицо. Черноглазого, черноволосого брата заказчицы можно было принять за цыгана, но какой же цыган станет читать газету? Варька так сильно высунулась из окна, что молодой человек вскрикнул и вскочил, даже пролетку накренил набок. Он и руки протянул, словно собирался подхватить Варьку, когда та будет падать со второго этажа. Но Варька цепкая, она не свалится. Она была счастлива, что вызвала улыбку у серьезнейшего из мужчин. Правда, он тут же снова уткнулся в газету и больше не поднимал головы.

Ушла Овчинникова, извозчик тряхнул вожжами (Варя совсем свесилась, держась за косяк раскрытой рамы), и тут пассажир пролетки вдруг привстал, помахал Варе газетой.

В мастерской о любви говорилось и пелось без устали. Варю до слез волновали песни, где прославлялись настоящая любовь и обязательное в каждой любви страдание. Под такие напевы думалось не о том, чтобы найти стоящего жениха, а о том, каким должен быть тот, кто наполнит ее, Варину, жизнь страданием и любовью.

С той минуты, как Варя проводила глазами свернувшую за угол пролетку, ей все стало видеться по-иному.

Все дальнейшие дни стали необыкновенными. Стоило Варе приметить в руках той или иной мастерицы голубовато-серый поплин, из которого скроили платье Овчинниковой, у нее теплело на сердце.

Не случайно Варька подвернулась хозяйке, когда готовую вещь надо было отправить заказчице на дом. Глянула в зеркало, подхватила фанерную коробку и припустила на Пятницкую.

Сама не своя шла она по этой солидной, купеческой улице, знаменитой своими церквами — святой Параскевы Пятницы, святого Климента, святого Иоанна Предтечи. Заказчица куда-то вышла. Варе было предложено подождать в прихожей. Куда девались обычные мысли: получит ли она на чай и сколько сможет купить себе семечек и монпансье? Варя напряженно прислушивалась ко всякому звуку в комнатах. Ей нестерпимо хотелось узнать: кто там сейчас? Кто дома?

Дома оказалась забавная черноглазая девочка, с которой Варя ловко повела разговор. Девочке накануне подарили галчонка. Не просто подарили, а привезли с Черных Болот. Дядя Андрей привез.

— Дядя?!

В горле у Варьки пересохло. Она страстно пожелала взглянуть на галчонка. Она уверила девочку, что всем птенцам на свете всегда предпочитала галчат.

Оставив в прихожей перетянутую ремнем желтую лакированную коробку, волоча ослабевшие ноги, Варя, следуя приглашению, пошла в комнату.

Там она сразу охватила взглядом: распахнутое окно, небо, как синька, нежная зелень листвы и у окошка он, брат заказчицы.

Андрей мельком приветствовал Варю. Кивнул и вновь склонился над подоконником, где что-то мастерил. Не изумился, не выказал радости. Похоже, и не узнал!

Варя прижала к себе галчонка, а он забился, затрепыхался, будто был в такой же тревоге, как Варино сердце.

Ася погладила птенца.

— Мамин земляк. И Андрея тоже, приозерский житель.

Выяснилось, что серьезнейший мужчина родом из Приозерска, учится в приозерском техникуме, на лето поступил электриком на лесопилку, около Чер-

ных Болот. А сейчас — посмотрите-ка! — девочка повела Варю к окну — делает особенный фонарь, вроде велосипедного, чтобы ловить по ночам рыбу. Однако, хотя Варя и увидела этот хитрый фонарь, на нее — такую нарядную, с розовой ленточкой в волосах — никто и не взглянул, не обернулся. Еще не обменявшись со своим избранником ни единым словом, Варя ощутила к далеким Черным Болотам нечто похожее на ревность. К болотам, озерам, кишащим рыбой, даже к приозерским галчатам.

Водворив птенца в ящик, застланный ватой, Варя завела разговор, предназначенный не только для Асиных ушей. Стараясь походить на старшую мастерицу, она заговорила несколько в нос, защеголяла словечками: либерти, стеклярус, грило́, но, к сожалению, рассказы ее заинтересовали одну лишь девочку. Тогда Варя щегольнула номером, которым умела насмешить даже суровую закройщицу Марью Карловну. Надо привстать, засеменить ногами, пройтись, как модница в длинной узкой юбке. Чуть переступишь — рвется.

Ася хохотала до слез:

— Еще, еще!

И наконец потребовала:

— Андрей, погляди же!

Тот отложил напильник, уставился на Варю так, что ее храбрость вдруг куда-то сдунуло.

— А чему-нибудь дельному вас обучают? — услышала она.

У Вари чересчур нежная кожа. Чуть что, шея, лицо заливаются краской; руки, и те розовеют. От слов Андрея ее словно ожгло. Она, не ответив, опустилась на стул. А он повторил ее тоном, вернее, тоном старшей мастерицы:

— Либерти. Стеклярус. Грило́. — Затем рассмеялся. — Ну, а если товар погрубее — холст, парусина?

В смущении Варька брякнула:

— Мужское не работаем.

Молодой человек разложил на столе видавший виды рюкзак.

— Как думаете, послужит еще сезон?

Варя вновь порозовела. Теперь от радости.

— Иголку дайте и суровую нитку.

Пока Ася разыскивала требуемое, Варя догадалась взяться за оконное стекло, задать хитрый вопрос:

— Окошко не требуется протереть?

Тот понял, узнал. Вздумал сделать занятой вид — не вышло! Раз глянул на Варю, другой...

Варя не дала ему молчать. Поскольку ее руки взялись за рюкзак, владельцу этого старенького заплечного мешка пришлось порассказать о ночной ловле щуки. Так и пахнуло рыбой, озером, густой болотной травой. Душная мастерская мадам Пепельницкой вдруг показалась Варе доверху наполненной тоской, и навсегда расхотелось выходить замуж за приказчика, даже очень богатого...

С той поры все Варины помыслы были связаны с семьей, проживающей на Пятницкой. Она, припрятав шелковые лоскутки, сшила мантилью для Асиной куклы, простегала атласное одеяльце. Заявилась к Овчинниковым в троицын день, уверив Ольгу Игнатьевну, что Ася ей до смерти полюбилась. Тут же перебрала девочкин гардероб, предложила зайти в следующее воскресенье, кое-что переделать. Просто так, из симпатии. Кстати, Варя и свои скромные платьица, как могла, обновила, причесалась по-новому — пышно. Ну, точно как одна из заказчиц, что сама удивлялась, откуда у нее столько поклонников.

Однако сколько Варя ни забегала в дом, ставший для нее самым притягательным, самым значительным не только в городе, но и на всей земле, некому было, кроме Аси и ее матери, удивляться переменам во внешности скромной ученицы.

Стоило Варе вырваться из мастерской, она мчалась в Замоскворечье, обшивала кукол, обучая шитью девочку, черноглазую, черноволосую, похожую на своего молодого дядюшку. Каждый раз ухитрялась выведать хоть небольшую подробность о нем — об Андрее Игнатьевиче Кондакове.

Перед рождеством из действующей армии пришло горестное известие. Варя оказалась незаменимой в тяжелые для осиротевшей семьи дни. Вскоре Ольга Игнатьевна предложила ей перебраться на Пятницкую.

Потом, чтобы быть вечерами свободной и помогать по хозяйству, Варя бросила мастерскую, поступила на фабрику Герлах, где шили воинское обмундирование.

Дни Февральской революции принесли Варе долгожданное счастье. Вдвоем с Андреем Игнатьевичем, примчавшимся из Приозерска, они ходили к Спасским казармам, то есть не вдвоем, а со всей процессией. Вместе со всеми срывали трехцветные флаги, втаптывали в снег синие и белые полосы. Варин спутник, словно вина хлебнул, говорил разные непонятные слова и называл ее жертвой эксплуатации. А вечером...

Из печки с треском выскакивает уголек, заставляет Варю вздрогнуть, вернуться к действительности. Варе самой непонятно, как это она могла так забыться, задуматься. К месту ли сейчас вспоминать о радостных минутах? Самой совестно.

Варя со вздохом ворошит жар, косится в сторону гостя. Сегодня особенно надо беречь его сон, дать ему передышку... И все же с того мига, как у него сомкнулись глаза, она ждет его пробуждения, ждет, когда можно будет напоить его чаем, сказать хоть несколько слов утешения...

Красные, чуть распухшие Варины руки ставят на «буржуйку» безнадежно прокопченный чайник, аккуратно нарезают настоящий ржаной, испеченный на Черном Болоте хлеб. Тоненькие ломтики раскладываются по краям железной печки: пусть прогреются, подрумянятся. Кто же еще позаботится об Андрее Игнатьевиче? Некому, их только двое. Он и она...

К отчаянию Вари, кто-то настойчиво стучит с лестницы в дверь. Так колотит, что Андрей просыпается, недоуменно вскидывает голову. Варя в смятении бросается открывать. Кого там еще принесло?

— Кто там? — чуть не плача спрашивает Варя.

— Это я... Ася...

Ошеломлены Варя и Андрей. Ошарашена Ася.

— Андрей? Ты приехал, а за мной не зашел...

Ася протягивает руки к печке, опускается на пол.

— Я туда никогда не вернусь, — бормочет она, стуча зубами. — Буду вместе с вами дожидаться мамы.

Девочка не заметила замешательства взрослых, она обиженно бубнит:

— Родственничек у нас... Врет, будто Варя нарочно забыла дать мне с собой карточки, чтобы моим хлебом воспользоваться...

Теперь не только Асю, но и Варю трясет озноб. Дрожащими руками она отворяет тумбочку, достает тщательно завернутый хлеб.

— Вот он... По детской карточке... Берегла, думала — Ольгу Игнатьевну подкормлю.

Упомянув об Ольге Игнатьевне, Варя испуганно умолкает. Но Ася, ничего не поняв, счастливо улыбается.

— А я думала, что Варя давно легла... Что дома холод...

Ее сразу сморило в тепле. Она почти спит, пока ей растирают пальцы, поят чаем с клюквой, всовыва-

ют в рот теплый, душистый хлеб. Андрей и Варя хлопочут возле нее в полном молчании. Оба думают о том, что завтра предстоит самое страшное: сказать девочке, что сегодня под вечер ее мать умерла.

ЖИЛЬЦЫ «АПЕННИН»

Эту же ночь неспокойно провела еще одна семья. Ничего удивительного: на долю семьи Григория Дедусенко (партийная кличка «Дятел») редко выпадали спокойные ночи, так же редко, как безмятежные дни.

Сегодняшней ночи предшествовал хлопотливый, полный волнений день. Татьяна, жена Григория, собирала его в дальний путь. Шурик, их семилетний сын, был так возбужден, столько раз в течение дня поминал Сибирь, Колчака, Восточный фронт и, главное, столько раз переворошил отцовский вещевой мешок, что мать наконец не выдержала:

— Слушай, атаман, ступай в коридор.

Коридорами гостиницы «Апеннины» владели дети. За исключением номеров в первом этаже, забронированных за делегатами многочисленных конференций и съездов, оба верхних этажа были отданы тем, кто недавно приехал в столицу из ссылки, из эмиграции. Многие селились с семьями, а где семьи, там и детвора, даже у людей, посвятивших себя политике.

— Слышал? — Глуховатый, низкий голос Татьяны загремел в полную силу.— Я кому разрешила сегодня играть в коридоре? Ведь разрешила же? Ну...

Мальчик недоумевал, чем он так досадил матери. Неужели тем, что старался отправить на фронт как можно больше полезных вещей. Но спорить не рискнул, ушел.

До сих пор Татьяна избегала выпускать сына в помещение, где носящимся без удержу мальчишкам случалось сбивать с ног взрослых, а те ведь иной раз несут кипяток из кубовой. Но впредь не убережешься, впереди вереница дней и месяцев, когда замусоренный коридор станет для Шурика клубом, школой, местом прогулок. Мальчик останется без присмотра. Татьяна распрощается с мужем и поступит работницей на фабрику, бывшую Герлах. Она уже побывала в цеху мотористок, видела длинный стол, за которым ей предстоит работать, познакомилась с несколькими будущими товарками. Одна ей особенно запомнилась — Шашкина Варя. Миловидная, с пышными рыжеватыми волосами, забранными под розовую косынку, Варя отнеслась к ней покровительственно. Услышав, что Татьяна никогда не работала на моторе, знала лишь свой ножной «Зингер», обещала научить ее всей премудрости; похвастала, что сама постигла все «в два счета».

Еще тогда, на фабрике, Татьяна с грустью подумала, что Варе легко быть веселой и бойкой. Ей не приходится думать о ребенке, брошенном без присмотра...

Шурик не маленький, но он не привык оставаться без матери. Даже когда Дедусенко был схвачен охранкой, когда, бежав из ссылки, жил в эмиграции, Татьяна, вынужденная трудиться целыми днями, не расставалась с сыном. Она шила на магазинчик готового платья, работала на дому. А теперь придется уходить на целый день. Впрочем, надо радоваться, что удалось добиться места на фабрике. Москве недоставало кочегаров, кузнецов, зато среди швей по вполне понятным причинам была безработица. Татьяну приняли лишь потому, что муж, кончив командные курсы, уезжает на передовую.

Муж... Нахмурив широкие светлые брови, Татьяна спускается в вестибюль, чтобы в который раз за сегодняшний день взглянуть на часы. С трудом различив на циферблате положение стрелок, она убеждается, что ранние декабрьские сумерки наступили не преждевременно, а в положенный час. Зато Григорий Семенович Дедусенко запоздал.

В полутьме вестибюля поблескивало украшенное позолоченными амурами трюмо. Тусклое, давно не протиравшееся зеркало отражало крупную женскую фигуру; как ни исхудала Татьяна, а тонкой не стала — кость широка. Татьяна не любительница разглядывать свое отражение, она никогда не считала себя красавицей, а теперь и подавно: щеки впали, скулы торчат.

Татьяна оборачивалась всякий раз, как хлопала входная дверь и в нетопленный вестибюль волной, окатывающей ноги, врывалась уличная стужа. Но ожидание было напрасным. Прошагал матрос с винтовкой на ремне, дулом вниз; плача, проскочила девочка с пустым ведерком; просеменила старуха Куницина, известная на всех трех этажах тем, что днем она регистрирует частные библиотеки, а вечерами докучает всей гостинице описанием виденных ею книжных сокровищ.

Затем вошла пара, заставившая Татьяну вскрикнуть:

— Агафонов? Вы?

Агафоновы, как и Дедусенко, были жильцами «Апеннин». Сам он, человек не старый, но поседевший на поселении в сибирской деревушке, теперь оканчивал те же курсы, что и Дедусенко. Этому бывшему ссыльнопоселенцу завтра предстоял обратный путь в Сибирь.

Увидев Агафонова вместе с женой, Татьяна не на шутку встревожилась.

— Вас давно отпустили?

Низенькая, по самые глаза повязанная шалью жена Агафонова высвободила подбородок, ответила:

— С двух часов командую им. У матери побывали: прощался.— Развязав шаль, стряхнув с нее приставший снег, она спросила: — А ваш где? Не пришел разве?

Татьяна ответила вопросом:

— Может, его куда послали?

— Постойте, постойте.— Агафонов дважды обозвал себя старым ослом.— Он же просил передать, что заглянет в Союз...

— Зачем? — ревниво перебила Татьяна.

— С товарищами попрощаться. Он и сапоги мне всучил, а я, уж простите... В номере они у меня...

— Какие сапоги?

— Обмундировали все-таки...— Агафонов щелкнул новенькими каблуками.— На Григория не сердитесь. Отпуск у нас большой, на целые сутки.

«Целые сутки,— хмуро подумала Татьяна.— После нескольких лет разлуки!..»

Войдя в номер, посеревший от сумерек, она устало опустилась на диван, машинально погладила его плюшевую обивку. Под руку попадались то гладкие залоснившиеся полосы, то слипшиеся жесткие кустики ворса. Вероятно, диван частенько обливали вином, пачкали закуской.

Вопреки всякой логике Татьяна мысленно обрушилась на Союз пищевиков. Профсоюзники вдруг превратились в ее представлении в скопище людей, не желающих понимать, что у человека, кроме товарищей по работе, есть семья, имеющая право провести с ним последние сутки. Охотно вспомнила она и о том, как Дедусенко поначалу противился, когда Московский Комитет партии предложил ему поработать на отнюдь не романтическом поприще — в профсоюзе пищевиков. Сам подтрунивал над тем, как нежданно подвела его после Октябрьского переворота давняя работа слесарем на паровой мельнице

под Екатеринославом. Посчитали пищевиком, объяснили, что здесь-то и требуются особо честные люди, насчет романтики посмеялись вместе с ним.

Сидеть без дела Татьяна не умела. Едва включили свет, вновь принялась за хлопоты. Стол был накрыт торжественно, в центре его на чистом полотенце с вышитыми краями красовалась тарелка с тремя разложенными веером воблинами. Татьяна и сама принарядилась, верная правилу: в минуты разлада особенный порядок во всем.

Чтобы и Шурка был на высоте, мать извлекла его из коридора в самый разгар игры в казаки-разбойники, умыла, нарядила и усадила играть тремя оставшимися от давних времен оловянными солдатиками.

Однако Шурка-то и испортил все дело. Мало того, что он не вытерпел, потребовал свою рыбину, он захотел ее сам очистить. А могла ли Татьяна позволить кому-либо портить ценный продукт? В семье она одна артистически управлялась с воблой: трахнет по подоконнику — мигом отлетает голова, словно отпиленная.

В самую неудачную минуту, когда Шурка концом вышитого полотенца вытирал слезы, в номер вошел глава семьи.

Весь вид его: шинель, на которой таял снег, превращаясь в прозрачные, повисавшие на ворсе капли, новые, лишь сегодня выданные неширокие ремни, крест-накрест пересекающие грудь, багровое с мороза лицо, мокрый ледок на концах коротко стриженных темных усов — все остро напомнило Татьяне о том, что впереди у него неведомая солдатская судьба, сибирская стужа, фронт. Сердце ее заныло, но язык сделал свое злое дело:

— Решил и к своим снизойти?

В семье было известно, что Татьяне свойственно порою действовать наотмашь, не разобравшись. В таких случаях Григорий не тратил слов, молчал. Молчание было тем упорней, чем несправедливей вела себя жена. Сейчас лицо его стало каменным. Разделся он рывком, шинель повесил, словно бросил. Притянул к себе сына.

Татьяна уже остывала, но не знала, как нарушить невеселую тишину. Однако Григорий вдруг сказал просто:

— Принес оправдательный документ. Получай!— Он нашарил в кармане гимнастерки сложенные вчетверо листки папиросной бумаги с отпечатанным на машинке текстом, протянул жене. Затем помедлил, попридержал их.— Уложи атамана, тогда и прочтешь.

— Не получится!— твердо сказал Шурик.— Не уложите.

— Получится. Уложим,— еще более твердо возразил отец.

Мать стелет на диване пышное пуховое одеяло, выстеганное завитушками на купеческий лад, но с командой ко сну не торопится: много ли в жизни отец и сын бывали вместе? Пусть наговорятся...

Когда они рядом, сходство между ними особенно разительно. Даже коротко подстриженные усы Григория не помеха. Оба — отец и сын — тонколицы, кареглазы, темноволосы и, как убеждена Татьяна, красивы. Сама она — это тоже для нее несомненно— выглядит рядом с ними малоинтересной, неуклюжей. Татьяна не понимала, что ее широковатое, открытое лицо имеет особую прелесть, так же как и сильная, крепко сколоченная фигура.

Отец прикалывает к мальчишеской куртке красную жестяную звезду — прощальный подарок.

— Ты теперь один останешься с мамой,— тихо произносит он.— Будь мужчиной!

Шурик поправляет на груди звезду. Жестяной острый луч должен глядеть строго вверх, никуда не уклоняясь. Мальчик понимает, что отец говорит не просто о мужчинах, а о таких, которые носят красную звезду. Он негромко отвечает:

— Буду!

Татьяна притихла, боясь помешать разговору.

Как изменился Григорий с того далекого дня, когда она, недавняя гимназистка, которую пригласили преподавать русский язык в вечерней рабочей школе, впервые разговорилась с ним! Давно он ее перерос. Пусть он и сейчас восхищается ее «ученостью», почерпнутой из учебников и книг, но чего стоит все это рядом с теми знаниями, что дала ему жизнь, полная напряженной борьбы? У Татьяны тоже была борьба, но борьба за кусок хлеба. Ребенок... Швейная машинка... Нет, теперь, когда жизнь для всех повернулась по-новому, ей тоже хочется настоящего дела! Теперь отставать нельзя. Муж вернется и не узнает своей Татьяны...

В этот вечер Шурика уложил отец, прилег с ним на диване.

— Спи... Мы с мамой тоже хотим наговориться.

Татьяна помахала мужу листками папиросной бумаги, погасила свет и вышла из комнаты, чтобы, пока сын будет засыпать, прочесть эти листки.

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

В кубовую то и дело заходят жильцы, кто с чайником, кто с кувшином. Татьяна ничего не замечает. Пристроившись на высоком табурете, поближе к тусклой лампочке, она с трудом разбирает бледный, нечеткий шрифт. По требованию Дедусенко письмо это размножили сегодня под копирку, чтобы разослать повсюду, где можно рассчитывать на помощь.

Письмо адресовано правлению Союза рабочих и служащих города Москвы по выработке пищевых продуктов.

Начиналось письмо официально [1]:

«Отдел детских домов Наркомсобеса просит Союз пищевиков оказать содействие для получения продуктов на детские дома г. Москвы и пригородов».

Пока один из обитателей «Апеннин», сотрудник «РОСТА», цедил в голубую эмалированную кастрюлю уже простывший кипяток, Татьяна дала передышку глазам. Но дальнейший текст письма был таков, что стоило кому-либо подойти к кубу, заслонить ей свет, как она в нетерпении соскакивала с табурета.

«Питание детей в детских домах теперь более чем скудно. Слышен вопль заведующих, что нечем кормить детей. Они приходят в Народный Комиссариат и плачут, говоря, что некоторые детишки уже не стоят на ногах, что приходится во избежание лишней траты сил не выводить их на прогулки, что нельзя занять ничем детей, ибо они тянут: «Кушать хочу». Наиболее отзывчивые говорят, что не могут выносить чахнущих детей, и оставляют службу».

— Странная отзывчивость!— пробормотала Татьяна, и двое военных, вооруженных чайниками, недоуменно переглянулись.

«Особенно сказывается это недоедание на младшем возрасте, от трех до восьми лет».

У матери Шурика, которому недавно стукнуло семь лет, сжалось сердце. Но она с тоской подумала и о более старших детях, о долговязых, тянущихся вверх подростках: эти должны страдать еще ощутимей. Что таким, даже и в мирные времена вечно голодным, полфунта хлеба в день?!

«В приютах, только что посещенных заведующей

[1] Это письмо хранится теперь в Центральном архиве Октябрьской революции.

Отделом детских домов (Первый Знаменский пер. и распределительный пункт в Грузинах), дети поражают своей исхудалостью, слабостью. Восьмилетние дети по росту и весу напоминают скорее пятилетних. Их тонкие шеи, обтянутые кожей, бледные личики, их вялость, неподвижность говорят красноречивее всяких слов...»

Обняв руками все еще теплый, отдающий металлическим запахом медный бачок, Татьяна задумалась о маленьких изголодавшихся гражданах молодой республики и о тех взрослых, которые, как успел пожаловаться Григорий, равнодушно отнеслись к их нуждам, оставили письмо, случайно попавшееся на глаза ее мужу, без всякого ответа...

Вернувшись в номер, Татьяна никак не могла успокоиться. Григорий сказал:

— Может, нехорошо беспокоить Надежду Константиновну, но я одну из копий письма послал ей...

— Крупской?!

— Да. Правда, она непосредственно детскими домами не ведает, но близка к этим делам. Не может она не тревожиться о детях! Помнишь, я рассказывал, как расспрашивала в Кракове о Шурике?

Затем Дедусенко перечислил, что успел сделать за день.

— У пищевиков все переворошил. Оттуда — по красноармейским частям. Завтра артиллеристы и конники собираются митинговать. Сухарей наберут, сахару... Хоть на первые дни...— Он провел рукой по волосам жены; круглый гребень, скользнув по ее шее, упал на коврик.— Не сердишься, что запоздал к тебе в последний день?

...Шла последняя ночь. Гостиница угомонилась: никто не гремит чайником, не спешит в кубовую за кипятком. За окнами темь и тишина. Разве что донесется стук копыт, дружный шаг патрулей.

Шурик спит крепким детским сном, не мешая родителям обсудить все свои дела. Однако и они наконец засыпают...

— Ты теперь один останешься с мамой,— тихо произносит отец.— Будь мужчиной!

Под окнами «Апеннин», грохоча самым бессовестным образом, пронесся и остановился где-то поблизости мотоцикл. Татьяна очнулась, подтянула шинель, сползшую с атласного одеяла, проверила, не разбудил ли ее мужчин шум с улицы.

— Дышат,— улыбнулась она, подумав о том, что нет для нее лучшей минуты, как слушать сонное дыхание обоих.— Дышат!

Вскоре к Дедусенко постучали, прозвучал голос Агафонова.

— Григорий! Спешная побудка.

— Что такое? Входи!

— За нами, понимаешь! Связной приезжал на мотоцикле.

Григорий одевался, Агафонов скороговоркой объяснял:

— Эшелон подан, тронется в путь на рассвете.

— Не дожидаясь дня?— вырвалось у Татьяны.

Григорий в темноте отыскал ее руку.

— Война, Таня... Засвети-ка огонь.

Агафонов вышел. Татьяна, поставив на обрезок картона коптилку, приподняла ее, чтобы осветить всю комнату. Боясь, чтобы муж в спешке чего-либо не позабыл, она переводила взгляд с предмета на предмет, осматривала все углы. Коптилка двигалась вместе с ней. Двигались и тени — нелепые, неправдоподобные. Татьяне казалось: не пламя, не огонек мечется с места на место, а вихрь нахлынувших на нее мыслей. Почему так, почему жизнь вечно сметает ее планы, врывается самым нежданным образом? Почему сейчас она вторглась так безжалостно, приблизила разлуку?..

Прошла минута, две. Татьяна — это уже выработано в ней — обрела спокойствие. Она нашарила на полу гребень, пригладила волосы. Взялась обеими руками за кусок картона, подложенный под коптилку, поднесла огонь к шинели, висящей на гвозде, деловито проверила взглядом, все ли пуговицы на месте.

Жест, каким она приподняла коптилку, воскресил в памяти Дедусенко другую ночь, давнюю.

Тогда его Тане было не многим больше двадцати лет. В ту ночь в их комнатушку ввалились жандармы, и самой тревожной мыслью было: найдут ли они листок бумаги, которому никак нельзя было попасть в руки охранки: от этого зависела судьба не только Григория, но и ряда товарищей. Листочек с шифром, как знала Татьяна, хранился в обложке за-

дачника по геометрии. Татьяну осенило: она поставила на задачник лампу и стала послушно светить жандармам, переворачивающим все до последней книжки. Хитрость удалась. Юная Татьяна с редким хладнокровием провела эту операцию, эту маленькую войну нервов: рука, а вместе с нею лампа задрожала лишь после того, как за жандармами захлопнулась дверь.

В номер вернулся Агафонов.

— Растяпы мы с тобой, Григорий, а не солдаты. Обмундирование-то заночевало у меня.

Он поставил возле дивана пару новеньких армейских сапог, к ним, охнув, потянулся проснувшийся Шурик, к ним приблизился огонек, мерцающий в руках Татьяны. Ее развалившиеся ботинки, тоже вырванные из мрака, выглядели рядом с блестящими сапогами особенно жалко.

Дедусенко нагнал в коридоре Агафонова.

— Как ты думаешь, не преступление, если я оставлю жене свои сапоги? Совсем босиком...

— Новые сапоги?

— Новые.— Зная, что Татьяна втайне стесняется размера своих ног, он добавил.— Конечно, они ей будут страшно велики...

— Нельзя,— ответил, подумав, Агафонов.— Ты теперь красный командир. Выдали тебе.

Выход был найден. Татьяна прошлась по комнате, стуча стоптанными, но все же годными к носке старыми сапогами мужа. Она давно не была так тепло обута. Желая развеселить своих мужчин, Татьяна подбоченилась, притопнула:

— Видали? Кот в сапогах!

Оставшись вдвоем с сыном, мать тут же задула коптилку: мальчик не должен видеть ее слез.

КУДА ДЕВАТЬ АСЮ!

То, что стряслось с Асей, всегда, с первых лет детства пугало ее, как самая огромная, но и самая невероятная, невозможная беда. Такое могло случиться с любой девочкой, только не с ней.

В пальто, с незаплетенными косами, Ася слоняется по квартире. На похороны ее не взяли. Ася не стала спорить: не хочется ей разговаривать, даже есть не хочется...

Из кухни несет погребом, из детской — мышами. Асе странно, что почти все осталось на своих местах. Игра «Рич-Рач», большой красно-синий мяч и маленький мячик, серый. С обоев по-прежнему улыбается множество девочек в голландских чепчиках и деревянных башмаках, по-прежнему машут крыльями ветряные мельницы. Эти обои, веселые, желтые, казавшиеся постоянно облитыми солнцем, теперь вспучились, покрылись пятнами и потеками, но Асе они милы: их выбирали всей семьей. Давно это было, еще до войны, когда и не думалось ни о каких горестях...

Только что заходил какой-то старик из черноболотцев, просил передать Кондакову, что в обратный рейс их теплушка отправится завтра к вечеру. Ася сказала: «Ладно»,—а он все топтался, медлил, видно, знал, из-за чего Варя вызывала Андрея, и хотел узнать, что с мамой...

За свою коротенькую жизнь Ася проглотила немало книжек, где самым несчастным ребенком был круглый сирота. Асе не надо чужой жалости. Она потому и не стала разговаривать со стариком, ничего ему не сказала...

Может быть, она в той же теплушке уедет с Андреем на Торфострой. Пусть в первобытные условия, пусть в барак или землянку. Все лучше, чем к Василию Миронычу.

А вдруг... На это она почти не надеется. Вдруг Андрей решит переехать в Москву, чтобы ей остаться в своем доме, чтобы она не была такой круглой сиротой.

В детской, на подставке, купленной под цветочный горшок, стоит Асин глобус. Давно она к нему не подходила. Материки, пестреющие равнинами и возвышенностями, кажутся серыми от пыли; и водные пространства посерели. Ася провела пальцем по Ледовитому океану, остался четкий голубой след. Она написала четыре буквы: «МАМА»,— и заплакала. Не в первый раз за эти дни, но впервые наедине с собой. Жгучие, горькие слезы капали на глобус, и поверхность его из пыльной стала грязной.

Андрей и Варя пришли замученные, окоченевшие. Варя взялась за печку, даже не поправив прически, хотя растрепавшаяся прядка свисала ей прямо на глаза. Андрей растопырил перед огнем большие красные руки и, казалось, не замечал ни Вари, ни Аси. Лишь после того, как все напились чаю, Ася передала насчет старика и теплушки.

Присев против заслонки, Варя проверяла кочергой, не затаилась ли под жаром головешка. В ответ на Асины слова она спросила чужим голосом: «Завтра?» — и, забывшись, выгребла на пол несколько раскаленных углей.

Андрей бросился подбирать угли и виновато пробормотал:

— Война закончится скоро, вот увидишь...

— При чем тут война?— быстро спросила Ася.

Тут она узнала, что Андрей еще неделю назад, когда на Торфострое шла профсоюзная мобилизация в армию, записался добровольцем. Он поспешил пояснить:

— Собственно говоря, не совсем добровольцем. Ведь это все-таки мобилизация, хотя и профсоюзная. Собрался рабочком, вот какая штука.— Когда Андрей принимался что-нибудь доказывать или просто волновался, он обязательно употреблял свое любимое: «Вот какая штука».— Собрались и постановили: все члены рабочкома, годные к военной службе, записываются первыми... Что же, разве я не годен?

Ася не раскрыла рта. Варя сказала:

— Теперь уж хода назад нету, теперь погонят...

— Любишь ты бабьи словечки! — досадливо сказал Андрей.— Нас гнать никто не собирается. Отправят в ближайшие дни маршевой ротой со станции Приозерск.

— Ну и хорошо!— В Андрея впились злые детские глаза. На покрасневших веках рельефно вырисовывались слипшиеся кустики ресниц.— Нужен ты нам...

Отойдя от печки, девочка поплелась к постели, укрылась с головой материнским фланелевым халатом. В комнате стало тихо, как среди ночи. Андрею и Варе было не по себе: им предстояло нанести Асе еще удар, объяснить, что выход для нее только один — вернуться к Алмазовым.

Варя так тревожилась за Асю, что собственные горести временно отошли на второй план. А разве малое горе, если человек, уходя на фронт, ничем не показывает, что ты ему дорога, что ему невмоготу расстаться с тобой? Варе много не надо, молвил бы слово: «Жди»... Правда, на кладбище он все норовил заслонить ее от ветра, но это, возможно, просто по доброте...

Понятно, что Андрею Игнатьевичу сейчас не до нее. Хоть и спорил он постоянно с сестрой, хоть и ругались из-за политики, а все же родная... У Вари одна надежда на последнюю минуту прощания. Улыбнется грустно и спросит:

— Будешь ждать? Всякого? И покалеченного?

У Вари ответ готов. Только спросит ли?

Варя сознательная, она не против переворота, обидно лишь, что Андрея Игнатьевича словно приворожили за этот год. Особенно он переменился с лета, когда поступил на Торфострой. События все дальше уводили его от родных, от Вари, которую он не так давно звал Варенькой и уверял, что скучает по ней на своих Черных Болотах.

Варе горько, что в последние дни, когда она так старалась, так хлопотала, Андрей Игнатьевич и вовсе отдалился от нее. Сегодня шли с кладбища, а он поднял воротник и ни слова. А тут еще Варя некстати сказала, что вот, слава богу, все устроили по-людски. Он и отрезал:

— Люди бывают разные.

Получилось, что она зря устроила такие замечательные похороны. Он считает, что все это дурман и поповский обман.

Возможно, она перестаралась. Но ведь не для себя же, для покойницы. Она даже пробовала торговаться, только батюшка разъяснил, что не по его и не по божьей воле церковь лишили помощи, или — как он мудрено выразился — отделили от государства. Варьку он приструнил:

— Кто истинно верует, не станет рядиться из-за копейки.

Пришлось отсчитать клиросным пятьдесят рублей, за чтение псалтыря столько же, двести на церковные расходы. А за крест? А за отпевание?! Легко ли Варьке было толочься на Сухаревке, продавать с рук разные вещички, выручать несчастные рубли?

Сейчас, глядя на застывшую в отчаянии Асю, Варя сама приходит в отчаяние. Не отвали она на «приличные похороны» все, что выручила за вещи, отложенные в семье про черный день, и даже все, что привез из съестного Андрей, можно было бы не спешить с отправкой Аси к Алмазовым, подержать девочку при себе, дать ей выплакаться в родном доме.

Остыла печка, надвинулся вечер. Ася все молчит. Она не оборачивается даже тогда, когда Андрей роняет стул, снимая с него тулуп. Ася не желает знать, куда он собрался.

...У ограды особнячка, в котором Андрей Кондаков за всю свою жизнь бывал лишь два или три раза, и то подростком, кого-то дожидались извозчичьи сани, дожидались, как видно, давно: снежная пороша сплошь укрыла медвежью полость.

Асина тетка вскрикнула, когда Андрей за дверью назвал себя. Она сразу поняла, что привело его к ним. Руки, ставшие непослушными, долго возились с крюком и задвижками. Она и дальше все суетилась, потащила Андрея в кухню, в эту мирную обитель, благоухающую яблоками и кофе, заставила подержать руки под краном, чтобы отошли от мороза, а затем подала умыться живительной теплой воды, которой вдосталь хватало в бачке, вмурованном в плиту.

— Теперь подкрепитесь, голубчик.

Поставив перед Андреем тарелку борща, Анна Ивановна вспомнила о сметане, но, покосившись на дверь, ведущую в комнаты, предпочла о ней забыть. Оглушенный впечатлениями дня, отупевший от потрясений и усталости, Андрей не сумел отказаться от еды, хотя дал себе слово не размякать у богатых родственников. Гость работал ложкой, а хозяйка осушала платком свои все еще прекрасные глаза, оплакивая сразу и покойного брата и его жену, думая о предстоящем разговоре с мужем.

— Вы не обиделись, что я вас не в комнаты?

В сравнении с общежитием Торфостроя теплая, чистая кухня Алмазовых была царским дворцом. Андрей только плечами пожал.

— К чему мне комнаты?

— Понимаете... У Василия Мироныча гостья.

Судя по тому, что на будничное платье Алмазовой была накинута дорогая кружевная шаль, гостья была важная. Но хозяйка к ней не торопилась, только приглядывала, чтобы не выкипел самовар. Она подробно расспросила про то, как болела «бедная Ольга», каковы первые признаки сыпняка. Андрей обратился к ней без обиняков:

— Анна Ивановна, сможет Ася пока побыть у вас? Не пока, а довольно долго...

Красивые глаза хозяйки стали жалкими.

— Обязательно у нас. Разве я дам ребенку пропасть?

Асин отец еще в юности прозвал свою старшую сестру Лапшой. Когда сестра вышла замуж, прозвище это закрепилось за ней: она ни в чем не перечила мужу. От ее доброты окружающим было мало толку.

— Поговорю с Василием Миронычем.

— Придется упрашивать?— угрюмо спросил Андрей, и рука его, потянувшаяся было за хлебом, упала на колени.

— Обиделся он. Нехорошо тогда Асенька... Устроила нам переполох на ночь.

— Обеспокоился, что девочка ночью бежала одна?— Тете Анюте стало не по себе от взгляда таких же, как у Аси, черных, пытливых глаз.— Такое было волнение, что после и справиться никого не прислали? Не заблудилась ли племянница? На замерзла ли?

— Я-то хотела, да он из принципа...— Лапша затеребила край кружевной шали.— Не говорила вам Асенька, на что обиделась? Может, услышала что?

Андрей промолчал. Тетка Аси доверительно шепнула:

— Сегодня он сговорчивый. Вот проводит гостью... Сама пожаловала... За советом...

— Вот кто у него!

Андрей усмехнулся. Должно же было так случиться, что именно сегодня дом Алмазовых посетила Казаченкова, одна из наследниц Фомы Казаченкова.

Прославленный родоначальник фирмы приобрел известность не только как удачливый московский коммерсант, но и как покровитель искусств. Умер он в конце прошлого века; по его завещанию наследники выстроили в Москве так называемую Казаченковскую больницу. Румянцевскому музею отошла Казаченковская картинная галерея. Андрею довелось слышать, что наследники могущественного Фомы — его дети и внуки — неуклонно следовали семейным традициям. Толково ведя текстильное предприятие, они оставались покровителями искусств, с должной широтой пеклись о неимущем люде. Добрая слава фамилии помогла им более или менее благополучно пережить последний, грозный год.

Известно было, что Казаченковы издавна ценили житейский ум, жизненную хватку Алмазова, который много лет заведовал лабораторией на их предприятии. Не удивительно, что до сих пор бывшие хозяева Василия Мироныча обращались к нему за советом.

По пути сюда Андрей мучился, сомневался, вправе ли он принять помощь у того, кого в спорах с сестрой сам называл прислужником буржуазии, вправе ли отдать девочку в такой дом. Но это было единственной возможностью устроить Асю. Лучше не ломать голову, не сбивать себя с толку перед отъездом.

Привалившись к теплой плите, чистой, как гладильная доска, Андрей дремал, ожидая ухода Казаченковой. Та не спешила. Андрей не без яду подумал о том, что, видно, потомкам Фомы даже с по-

мощью опытного советчика не легко найти безопасный способ существования при новой власти.

Хозяйка отнесла в комнаты поднос с чаем, со сластями, припасенными к особому случаю. Вернувшись, сокрушенно оглядела дремлющего Андрея: ведь был недурен. А сейчас? Сквозь черную, давно ожидавшую бритвы щетину видны ввалившиеся щеки, губы растрескались, руки совсем мужицкие.

Едва она успела посочувствовать современной молодежи, на долю которой выпало столько испытаний, как увидела на измученном лице Андрея странно-счастливую улыбку. Это изумило и обидело ее. Лапша не могла проникнуть в путающиеся мысли задремавшего гостя, не могла знать, что мысли эти кружатся не только вокруг печальных семейных событий.

Даже в полусне Андрея не оставляло то состояние тревожного счастья, что в последний год стало у него постоянным и давало столько сил, что ни голод, ни продуваемый всеми ветрами барак на Торфострое, ни маячившие впереди треволнения, опасности фронта не были ему страшны. Торфостроевец, строитель электростанции на торфу, он ощущал себя и строителем нового мира, частицей революционной власти. Эту власть он пойдет отстаивать, утверждать оружием.

Надо лишь устроить жизнь осиротевшей девочки. Ради этого, сжав зубы, он пошел на поклон к Алмазову, ради этого терпеливо сидел на кухне, ждал трудного разговора. То и дело пробуждаясь, как пассажир поезда, тормозящего на полустанке, он вновь и вновь брал с себя слово: не сорваться, быть дипломатом.

АНДРЕЙ В РОЛИ ДИПЛОМАТА

Наконец в коридоре послышались шаги, раздался голос Василия Мироныча:

— Анюта, провожай гостью!

Едва жена Василия Мироныча оправила на себе шаль, готовясь выйти на зов мужа, как на пороге кухни показалась Казаченкова. Андрей, приняв независимый вид, стал разглядывать потолок.

— Не беспокойтесь, милая Анна Ивановна, попрощаемся здесь,— сказала вошедшая.

Андрей не выдержал, покосился на нее: хотелось видеть, как выглядит с а м а. Его почему-то рассердило, что она (собственница, буржуйка!) обладала столь мелодичным, богатым интонациями голосом.

— Да не беспокойтесь же...— звенел этот голос.— Вы, я вижу, заняты.

Казаченкова посмотрела в сторону Андрея и, хотя явно приняла его за мастерового, вызванного по хозяйственной надобности, мило, без всякой важности кивнула и ему.

Она так и держалась — просто и мило. Андрей вынужден был отдать ей должное: по типу она никак не принадлежала к тем представительницам буржуазии, что служат натурой для сатирических рисунков, как, например, госпожа Спрыгина — владелица черноболотской лесопилки. Худощавая, стройная, одетая во все черное, что выгодно оттеняло ее раннюю седину, Казаченкова скорее была похожа на начальницу гимназии или даже на игуменью.

— Счастливица вы, Анна Ивановна,— с чувством сказала Казаченкова.— Муж ваш — редкая умница. Золотая голова.

Тот, кого она нахваливала, предпочел остаться в дверях. Он не без любопытства поглядел оттуда на родственничка, обросшего, в грубой фуфайке, который, выйдя из отроческого возраста, перестал оказывать честь его дому своими посещениями.

Василий Мироныч, маленький человечек с большой головой, держался так величественно, что казалось, раз навсегда решил не замечать своего крошечного роста. А жена его, видная, до сих пор еще красивая женщина, в его присутствии приходила в такое замешательство, что на каждом шагу совершала неловкости. Она и сейчас, к неудовольствию мужа, представив гостье Андрея, стала перечислять беды своей родни.

— Анюта,— вежливо, но твердо остановил ее Алмазов.— Валентина Кондратьевна спешит.

— Бог с вами, Василий Мироныч,— отозвалась Казаченкова.— Ведь горе в семье... Столько горя кругом, столько сирот!— Она укоризненно взглянула на бывшего заведующего лабораторией, своего постоянного советчика, не без участия которого летом удалось схлопотать охранную грамоту на усадьбу «Фомичево», названную так в честь знаменитого Фомы.— И тут горе и в деревнях. Там ведь тоже, кроме всего, сыпняк...

Андрей узнал, что Казаченкова лишь вчера вернулась из своей усадьбы, и понял, откуда на широком кухонном подоконнике еще не распакованные деревенские гостинцы — ящичек антоновки и гусь с двумя торчащими из кулька красными лапками.

В мелодичном голосе Казаченковой Андрей уловил искреннее участие:

— Ужасно, что количество сирот продолжает расти... В приюты очередь. Я слыхала, по одной Москве дожидаются места около двух тысяч детей!— Гостья повернулась к Андрею:— Глубоко сочувствую вашему горю. Хотелось бы что-нибудь сделать для вашей сиротки...

Последние слова Андрей предпочел пропустить мимо ушей. Он не подозревал, что наступит время, когда сердобольная Лапша напомнит Казаченковой о высказанном желании. Следующая фраза куда больше заинтересовала Андрея. Она была адресована Алмазову:

— Девочка, как я понимаю, переходит под ваше крылышко?

Василий Мироныч вынужден был ответить:

— Разумеется... Куда же еще?

Когда Андрея пригласили в парадные апартаменты, он еще раз поклялся себе ни за что не сбиться с учтивого тона.

Убранство комнат свидетельствовало о том, что Алмазовы разделяли со своими бывшими хозяевами пристрастие к искусству. Среди других холстов, заключенных в изящные рамы, был портрет молодой Анны Ивановны; она задумчиво опиралась на столик красного дерева, и ее воздушные рукава отражались в полированной столешнице, что удивительно ловко передал художник.

Остановившись перед пейзажем, изображавшим озеро, в котором разросшаяся ива купала свои ветви, Андрей ощутил холодок восторга и не сумел это скрыть. И тут он невольно оказался дипломатом: ничто так не действовало на Василия Мироныча, как признание его художественного вкуса. Если бы не разительная разница в росте, он бы, того и гляди, обнял гостя за талию. Вместо этого он доверительно шепнул: «Малявин. Подлинник». И подвел Андрея к небольшому эскизу.

Хозяйка, стоя вблизи картины, изображавшей ее в расцвете молодости, созерцала мирную, приятную сердцу сцену. На мужа нашла одна из лучших его минут.

— А это... Правда же, в духе Менье?

Андрей с искренним восхищением уставился на могучий, набросанный углем торс кузнеца, взмах-

нувшего кувалдой, действительно сделанный в манере знаменитого бельгийца.

— Мне этот набросок и прежде страшно нравился,— сказал он, как бы напоминая этим о давнем знакомстве.

Усевшись в глубокое, покойное кресло, Андрей внутренне одобрил свою выдержку. Ни одной бестактности, могущей отбросить его от цели! Был он доволен и тем, что не сунулся сразу с заранее припасенными доводами, вроде, например, того, что при уплотнении большевики оставляют на ребенка лишнюю комнату.

Куда уместнее, куда более по-родственному оказалось ввернуть (это он и поспешил сделать), что Ася недурно рисует, что от матери она унаследовала талант к ручному труду.

— Ася — одаренная девочка,— с доброй улыбкой проговорила Анна Ивановна и вдруг стала похожа на свой прекрасный портрет.— У нас ее вкус разовьется...— Она признательно взглянула на мужа и осеклась.

В чертах лица Василия Мироныча проступило знакомое ей оцепенение. То самое оцепенение, что мигом ввергало ее в безмолвие. Она знала, что сейчас зазвучит спокойный, вежливый голос.

— В общем, приводите... Если, конечно, девица осознала свою вину. Пусть просит прощения.

Наступила очередь оцепенеть и Андрею. Он бросил взгляд на хозяйку, скисшую, уже не напоминающую свой портрет, словно ища у нее совета. Как объяснить этому удивительному человеку состояние девочки, только что потерявшей мать?

— Понимаете, Василий Мироныч... У нее в данный момент обострены все рефлексы... Она и вообще-то была возбудима, нервна...

Алмазов остановил его саркастической усмешкой:

— Мать баловала, нам расхлебывать?

Хозяин дома, подобно многим бездетным людям, твердо знал, как следует воспитывать детей, и особенно твердо, как не надо им потворствовать. На эту тему он и пустился в рассуждения, откинувшись на кожаную спинку дивана. Диван, сделанный по заказу, был высок, он как бы восполнял недостаточный рост хозяина: тот, восседая на нем, чувствовал себя не только в буквальном, но и в переносном смысле «на высоте».

Не кипятясь, методично Алмазов принялся доказывать необходимость особо строгих мер воспитания теперь, в обстановке всеобщего хаоса.

— От заразы надо оберегать. И лечить. Не потакать, упаси боже! — Крупная, сильная фигура Андрея раздражала его, и он четко выговаривал: — Растленное время... Советская педагогика... Каленчене детских душ...

Андрей принуждал себя к молчанию. Идя сюда, он твердил: «Иного выхода нет. Революция требует жертв»,— но внутренний голос подсказывал ему: «Жертвовать-то в конечном счете будет маленькая Ася».

Он и сейчас твердил себе: «Терпи! Надо выдержать!» — и слушал Василия Мироныча с любезно-каменным выражением лица.

С первых дней революции Андрей старался побороть в себе черты, которые в те времена звались «интеллигентщиной». Правда, большевистские газеты подчеркивали, что «интеллигенция делится на жирную и тощую». Правда и то, что Андрей Кондаков принадлежал к самой отощавшей части технической интеллигенции, но он взыскательно и сурово искоренял в себе всякие следы мягкотелости и нерешительности.

Алмазов разглагольствовал, наслаждаясь замешательством гостя. Бедная Лапша ерзала на низеньком пуфе, ее голубые глаза перебегали от желчного лица мужа на застывшее, потемневшее лицо Андрея.

— Закон таков,— журчал голос хозяина,— кто кормит, тот воспитывает. Не взыщите, если к девчонке наше прилипнет. Постоишь на ветру — обветришься; под дождем — вымокнешь. А вообще-то, приводите. Не голодранцы пока, слава богу.

Андрей встал, выпрямился во весь рост. Теперь ему снова был виден набросок «в духе Менье» — суровое лицо кузнеца.

— Одно знайте...— хрипло выговорил гость.— Все вам возмещу сторицей. Если вернусь... Все, что уйдет на Асю. Каждый кусок!

— Что значит — вернусь? — живо спросил Алмазов.

— В армию ухожу.

— Призывают? — прищурился Алмазов.— Или как?

— Конечно, призывают,— поспешила вставить его жена.— Не вина молодых людей, если их забирают.

Асина тетка недвусмысленно подсказывала Андрею разумный ответ. Надо было подтвердить: «Призывают»,— и беспомощно развести руками, как это только что сделала она. Но в комнате, которую плотные, тщательно задернутые шторы отгораживали от чужих глаз, прозвучало:

— Добровольцем иду.

— Браво!— со странной усмешкой отозвался Василий Мироныч.— Может быть, вы и правы.

— Знаю, что прав.

Алмазов разглядывал гостя, как некое диковинное существо, затем взялся за нижнюю пуговицу его неказистого, под стать фуфайке пиджака.

— Кто знает, пожалуй, комиссаром вернетесь? Так от родни не отвертывайтесь. Порядочные люди платят долги.

— Я же сказал: все возмещу.

Хозяин тряхнул головой.

— Кому это надо, все? Найдем другой способ посчитаться. Времена сложные... Поняли?

Андрей понял. Перед ним стоял человек, который брался не только кормить, но и воспитывать Асю. По спине пробежал холодок. Ведь действительно что-то «прилипнет»...

— Нет,— сказал он.— Не понял.

«Моллюск»,— подумалось ему. Андрей не помнил точно, что значит это слово, но почему-то именно оно подвернулось в эту минуту. Будучи от природы застенчив, Андрей отличался неловкостью в словесных перепалках; если ему и приходило на ум обидное, меткое слово, он поносил им противника после, когда перебирал про себя все перипетии происшедшего горячего разговора. И все же он бросил:

— Моллюск! — И, кинувшись прочь из комнаты, добавил: — Думали из девочки сделать моллюска?!

Рванув с вешалки тулуп, пропитавший овчинным духом всю переднюю, еле дождавшись, пока трясущиеся руки хозяйки одолеют сложную систему замков и задвижек, Андрей наконец соскочил с крыльца, жадно глотнул морозный воздух. Хлопнув калиткой, остановился, пробормотал:

— Вот какая штука.

ДОБРАЯ ФЕЯ

Утро прошло в полной растерянности. Чтобы не разбудить заспавшуюся Асю, Варя и Андрей обсуждали ее судьбу в промерзшей, промозглой детской. Андрей успел побриться, обтереться ледяной водой — мобилизовался, по собственному выражению. Но придумать ничего путного не мог.

Варя в конце концов сказала:

— Оставляйте ее на меня. Как-нибудь продержимся. Может, с нового года легче станет.

— Легче? Быстрая ты, Варенька... Нет, вдвоем вам оставаться нельзя: пропадете обе.

— Обеих жалко?

— Конечно... Глупый вопрос.

Вновь всколыхнулись Варины надежды. Он назвал ее Варенькой, он и о ней тревожится. Главное, глупый вопрос! На бритых щеках должны бы показаться ямочки, но лицо, каждую черточку которого Варя хочет запомнить, сковано бедой, как морозом, глаза застывшие... И все же Варя ждет, не может не ждать. Сейчас будет сказано то. Сейчас все решится.

Но Андрей, пораздумав, говорит совсем о другом:

— Слушай внимательно. Я завтра же вышлю тебе письмо за подписью военного комиссара. Ты с этим письмом пойдешь... Я укажу, куда надо идти, кажется, в Комиссариат призрения. Может, и не сразу устроишь ее, но устроишь. Говорят, в детские дома очереди. Много сирот

— В приют хлопотать? В сиротский?!

— Приют — прежнее слово. Асю им не пугай. Помни: детский дом.

— Моллюск! — крикнул Андрей Алмазову и кинулся прочь из комнаты.

— Все одно приют!

Варю с малолетства страшило это слово. Она едва избежала участи попасть в одно из прославленных учреждений ведомства императрицы Марии, в эти казармы для детей низших сословий. Варя шепчет:

— Аська приютская! — и поднимает глаза к отсыревшему потолку.— Каково покойнице слушать?!

Долго философствовать на эту тему не пришлось: помешал приход почтальона. Горько было вскрывать конверт, адресованный Ольге Игнатьевне Овчинниковой. На листочке штамп: «РСФСР. Народный комиссариат просвещения». Ниже: «Отдел единой школы». Далее следовало приглашение зайти для направления на работу.

Варя рассказала, что Ольга Игнатьевна с месяц назад выбралась на Остоженку, в Наркомпрос, просить работы. Варя помнила ее прошение чуть не наизусть.

Ольга Игнатьевна перечислила все, чему могла научить школьников в качестве преподавательницы ручного труда: плетение, лепка, вырезывание, металлопластика. Не забыла написать и про частную группу, которую вела перед самой революцией.

И вот... предлагают место. Даже в Замоскворечье, как она и просила.

Пока Ольга Игнатьевна еще не впала в беспамятство, она не раз повторяла: «Пришлют ответ, а я валяюсь». И все сожалела, что слушала кого не надо — тех, кто испугался новых школьных порядков, из-за кого она так поздно решилась пойти на Остоженку...

— Да, поздно...— глухо сказал Андрей.

Варя не сразу решилась нарушить гнетущее молчание.

— И Асю с собой брала...— сказала она.— Когда с прошением...

Да, да... Асю...— Андрей стряхнул задумчивость. День отъезда был слишком занятым днем.— Так вот, Варя, выход один: приют, то есть детский дом! Если ты не добьешься толку в Комиссариате призрения, или, как его, обеспечения, ступай в Наркомпрос.— Андрей повертел в руках запоздавшее письмо.— Прихватишь его. Спрячь.— И пошел говорить с Асей.

Наступил час проводов. На вокзальной площади была толкучка. Множество подошв утаптывало подсолнечную шелуху, окурки, перемешивая их со снегом. Ася всегда побаивалась людских сборищ, брани, толкотни; всегда сторонилась тех, кого мать называла уличными мальчишками, но сейчас ей, понуро бредущей рядом с Андреем и Варей, остро захотелось затеряться в толпе, ускользнуть неизвестно куда.

«Заделаюсь уличной девчонкой»,— мелькнуло в голове. Но тут же Асю снова сковало безразличие. Она и утром смолчала, узнав, что ее решили сбагрить в приют. Пусть. На то она и к р у г л а я с и р о т а...

Двери, ведущие в помещение бывшего первого класса, получив от новых властей право впускать пас-

сажиров всех сословий, не испугались ни овчинного тулупа, выданного управлением Торфостроя, ни валенок, ни заплатанного рюкзака. Они спокойно впустили Андрея и обеих его понурых спутниц.

— Ждите меня здесь, в зале,— распорядился Андрей.— Разузнаю насчет теплушки и вернусь к вам.

Вокзальная суета, едкие запахи карболки и махорочного дыма оглушили Асю: она остановилась, равнодушная к тому, что ее толкают и ругают — не тамде и не так стоит.

Варя лихорадочно выискивала местечко, куда можно было бы усадить Асю. Пристроить ее — означало развязать себе руки. Наконец удалось втиснуть девочку между чьими-то мешками, поставить у ее ног туго набитый рюкзак. Злоумышленники не могли знать, что содержимое рюкзака никак не является приманкой для их брата, что в нем лишь кипа брошюр, которые Андрей по дороге на вокзал захватил в издательстве ЦИК; поэтому Варя шепнула:

— Если отойду, следи. Народ такой, что из-под седока лошадь уведут.

Правда, ближайшие соседи Аси выглядели совсем безобидно. Неподалеку, опершись на трость, дремал вполне приличный господин; рядом восседала на сундучке молодая бабенка, поглощенная заботой о собственном добре. Ее сынишка, в длинной, до полу, поддевочке, не давал ей минуты покоя, ему не сиделось; мать то и дело ловила его за концы красного широкого кушака. Однако, следя за мальчишкой, она ни на миг не забывала о своем скарбе. Нога ее была словно пригвождена к сундучку, неотрывно стерегла его.

«Так вот и я,— грустно подумала Варя.— Что бы ни делала, думы все об одном. Никуда не денешься». И встрепенулась: не прозевала ли возвращения Андрея Игнатьевича?

С той секунды, как он снова вошел в зал, для Вари во всей толпе, во всем огромном помещении не существовало никого, кроме него. Она бы не поверила, если бы ей сказали, что в зале ничего не изменилось, что никто и не заметил его, рослого, бледного, с черными блестящими глазами. Беда была в том, что глаза эти, казалось, избегали ее глаз. Пробираясь сквозь людскую толчею, работая локтями, Андрей Игнатьевич прокладывал дорогу шедшему сзади бородатому Емельченко. Тому самому старику-слесарю, что по дружбе заходил вчера сказать насчет теплушки; тому, кто осенью приволок на Пятницкую полмешка черноболотской мелкой картошки и назвал Варю несколько раз барышней: «Посторонитесь, барышня... Я уж сам, барышня».

Прежде Варе льстило такое обращение, но в последнее время это слово приобрело обидный смысл; она почувствовала, что старый слесарь не случайно так величал ее, что он в ней чего-то не одобрил. А ведь она так старалась понравиться ему! Она надеялась, что, вернувшись на Торфострой, он скажет что-нибудь ей в похвалу, ну, например, так: «Кто это принял у меня картошку? Вроде артистка такая...»

Модная мастерская была своеобразным Вариным «университетом». Пытливая девчонка жадно прислушивалась к дамской болтовне, копировала жесты, походку, не сомневаясь в их неотразимости. Но вся эта женская хитрость по причинам, Варе неясным, не действовала на Андрея, вернее, действовала вовсе не так, как предполагалось. Варя и сейчас робела, не уверенная в эффекте, который должны были вызвать локоны, что она навила себе, пользуясь раскаленным в «буржуйке» гвоздем. Ей показалось, что, выйдя из дому, Андрей как-то странно взглянул на нее. А горжета, наброшенного на плечи поверх пальто, словно бы испугался. Странно... Она столько надежд возлагала на этот кусочек меха, недавно купленный по дешевке...

Варя вздохнула, вспомнив, как когда-то Андрей сказал ей, что с ней не сравнится ни одна разряженная девица. Давно это было... Сейчас у него думы об ином.

Она видит, что он остановился, указал Емельченко на группу матросов, то ли отправляющихся на фронт, то ли являющихся боевым продотрядом. Этого достаточно, чтобы причинить ей страдания, всколыхнуть ревность ко всему новому, что вторглось за последний год в жизнь Андрея, заслонило от него Варю.

Андрей шел к двери, ведущей на перрон. Варя перемахнула через чьи-то пожитки и устремилась за ним.

Ася решила сидеть неподвижно, пока взрослые не вспомнят о ней. Вот так и прождет их, уставившись в стену, к которой прибита полоска картона со стрелой и с непонятной надписью: «Центропленбеж».

Когда Ася узнала о смерти отца, ей тоже долго не хотелось ни с кем разговаривать, только маме пожаловалась: «У меня внутри все устало». А теперь и этого некому сказать.

Временами до Аси доносился разговор соседей. Больше всех тараторила мать малыша, обряженного в поддевочку.

— Отец-то в плену пропал,— сообщила она.— Едем к родне, на деревенские корма.

Ася сидела сгорбившись. Ей отчего-то вспомнилось, с каким волнением она наблюдала однажды— это было еще в те времена, когда на углу их улицы стоял городовой,— шеренгу приютских ребят. Они были похожи на маленьких старичков, а рослая басовитая воспитательница смахивала на мужчину. Дети в серых длинных пальто парами проследовали мимо Аси и ее матери, и ни один не улыбнулся. Каждый взглянул не то со злом, не то с завистью. Мама, когда они завернули за угол, сказала: «Какие отупевшие, безжизненные лица... С малых лет их заставляют знать свое место. Вот что значит дети казенные, призреваемые...»

— Ты что пригорюнилась, девчушка? — спросил Асю незнакомый ласковый голос.

К ней склонилась женщина, немолодая, в беличьей истершейся шубке, в такой же шапочке; женщина так приветливо улыбалась, что Ася вскочила, готовая уступить ей место, но уступать не пришлось: та выкроила крошечную долю скамьи, пристроилась рядом.

— Вижу грустное личико и подошла...

Асе, легко смешивающей жизнь и книжку, вдруг представилось, что на выручку к ней, как в отчаянную минуту и положено, поспешила добрая фея. Ну да, сейчас, словно в «Золушке», все примет иной вид... Добрая фея ловкой рукой поправила Асин съехавший набок бархатный капор.

— Ты совсем утонула в своем чепце... Что у тебя за печаль?

И Ася, безучастно молчавшая все эти дни, внезапно оттаяла. Иной раз чужой участливый человек добивается больше, чем свой, привычный. Прижавшись щекой к пушистому беличьему меху, Ася отвечала на все расспросы. Про маму, про Андрея, про приют...

Неведомо из-за чего Ася прониклась надеждой, что ее слушательница придумает что-то такое, после чего все переменится, как по мановению волшебного жезла, но та ничего не придумала, только удивилась жестокосердию Андрея. Среди разговора женщина шутливо приподняла рюкзак.

Один за другим отправлялись эшелоны на фронт.

— Его имущество?

— Его. Военная литература про «Максима» и еще про ружье-пулемет «Львицу».

О книжках женщина слушала рассеянно: ее заинтересовал мальчик с красным кушаком. Но тот отмахнулся от нее и стал о чем-то шептаться с матерью.

Мать осмотрелась и обратилась к Асе:

— Постереги, миленькая.— Она пододвинула к Асиным ногам сундучок и узел; затем, помедлив, водрузила ей на колени кошелку из тех, что кухарки берут на рынок.— Не обманешь: сама сирота.

Подхватив сына, женщина стала пробираться в глубь вокзала. У Аси засосало под ложечкой: она учуяла дух ржаного хлеба, пахнущего квашней, подобно чернолотским хлебцам, испеченным покрестьянски, на закваске. Вспомнив о предупреждении Вари, Ася крепко обняла вверенное ей сокровище. Женщина в беличьей шубке зло посочувствовала:

— Деревенщина бестолковая! Навалила тяжесть на слабенькую девочку.— Не пожалев шубки, она переставила объемистую кошелку к себе на колени и приказала: — За узлами следи! Чужое.

Ася не сразу выпустила из рук драгоценный хлеб, но услышала:

— Слушайся взрослых!

Сказано это было маминым тоном, и Ася повиновалась. Женщина к тому же попросила рассказать, как они с мамой ходили в Наркомпрос. Было горько вспоминать про ту прогулку, про маму, особенно оживленную в тот день. Вдруг добрая фея, не дослушав, вскрикнула:

— Ах, началась посадка!

Вскрикнула и исчезла, не менее неожиданно, чем появилась. Ася не заметила никаких признаков начавшейся посадки, она растерянно искала глазами беличью шубку, что словно сквозь землю провалилась; искала, не разрешая себе подумать недоброе. Из столбняка ее вывел голос молчавшего до сих пор господина.

— Знакомая твоя, что ли?

— Нет... но она...

— Она-то ловкая дама, да ты ворона. Доверили тебе...

— Где она? Где?!

Господин чуть заметно приподнял трость, как бы указывая направление в сторону выхода на площадь, а затем всем своим видом показал, что его это дело не касается.

Выскочив на площадь, Ася бросилась туда-сюда. Хотя уже начало смеркаться, ее зоркие глаза все отлично различали. Заметили они и беличью шубку возле заколоченного ларька. Ася очутилась у ларька, еле удерживая крик, но женщина как ни в чем не бывало спросила:

— Что ты, детка? — И развела руками, в которых не было никакой кошелки.

Ася опешила.

— Понимаете... вы куда?..

— Ступай, ступай...— оборвала ее женщина.— Видишь: спешу.

Какие-то новые нотки в ее голосе, что-то тревожное, мелькнувшее в лице в тот миг, когда Ася ее настигла, заставило не отступить. И потом... Почему она на площади, если ждала посадки?

Девочка крепко вцепилась в беличий рукав.

— Где хлеб? Он же чужой!

Рядом шумела, жила своей жизнью толкучка. Мимо ларька то и дело сновали люди, но все они, как определила в горячке Ася, имели разбойничий вид. Она не звала на помощь еще и потому, что из-под беличьей шапочки на нее глядели недоумевающие, невинные глаза.

— Господь с тобой, глупенькая. Пусти...

— Понимаете...— Тон, взятый женщиной, не давал Асе возможности отбросить деликатность.— Понимаете... вы случайно... нечаянно...— Наконец она выдохнула: — Обманывать грех!

— Дура! — взъярилась женщина, пытаясь стряхнуть Асю со своей руки. Видно, убоявшись скандала, она прошипела совсем тихо: — Дура... Почаще развешивай уши, выучат люди.

Трясясь от гнева, Ася намертво повисла на беличьем рукаве. Она ненавидела себя за то, что расчувствовалась, что и впрямь оказалась дурой, попавшейся на приманку, дурой, поверившей притворной ласке. Нет! Теперь уже она никогда никому не поверит. Все взрослые — обманщики!

— Ведьма! — Асе именно этим словом захотелось хлестнуть ту, кого она посчитала доброй феей.— Ведьма! Притворщица! Воровка!

Вырвавшись из Асиных рук, воровка с силой грохнула ее оземь. Беличий рукав выскользнул из сведенных морозом детских пальцев, в них остались лишь клочья серого пуха.

ЧАС ПРОЩАНИЯ

Как же были потрясены Варя и Андрей, когда, вернувшись в зал первого класса, не застали там Аси! У скамьи, где она раньше сидела, валялся развязанный кем-то рюкзак, белели разбросанные брошюрки. Громко плакала женщина с мальчиком на руках.

Выслушав невнятные объяснения господина, размахивающего тростью, Андрей и Варя кинулись на площадь. К Асе они подошли в тот миг, когда, брошенная оземь, потерявшая из виду беличью шубку, она пыталась подняться. Невыносимо болел локоть, но плакала Ася не столько от боли, сколько от обиды, от страшной мысли, что больше нельзя никому верить.

— Аська! — бросилась к ней Варя.— Расшиблась?

Трудно было что-либо толком понять в несвязном рассказе девочки.

— Ну, обманули,— пытается утешить ее Андрей.— Не все же на свете такие...

— Все! Все хороши! — Ася не говорит, а кричит, словно вознаграждая себя за молчание предшествующих дней.— И вы не лучше! Думаете, пойду в приют? Попробуйте — убегу!

Варя что-то шепнула девочке и отвела Андрея в сторону.

— Чего вы все от меня требуете? — почти в истерике дернулся Андрей.— Разве я могу остаться?

— Мы сами знаем: мужское дело — воевать, а не только читать газеты. Никто вас не удерживает.

Голос у Вари непривычно строгий. Андрей, приученный к тому, что Варя всегда лишь несмело советуется с ним, несколько уязвлен. Варя рассуждает, как... как равная! Андрей чуть было не срезает ее, и вдруг острое чувство стыда заставляет его опустить глаза. Он понимает, что до сих пор и не позволял ей держаться как равной. Он, можно сказать, солдат Красной Армии!

— Что же ты, Варя, советуешь? — пристыженно спрашивает Андрей.— И вообще, почему ты говоришь мне «вы»?

Обширную площадь пересекала группа красноармейцев. На ветру бился лоскут кумача, в сумерках совсем темный, скромный, суровый флаг отряда. Грозно звучали удары солдатских подошв об утоптанную мостовую. Андрей выпрямился, проводил взором тех, кто шел к эшелону, отправляющемуся на фронт.

Выпрямилась и Варя, она тоже не отрывала взгляда от тех, для кого ее руки изо дня в день готовили воинское обмундирование.

Когда последняя шеренга бойцов завернула за угол, Андрей вновь спросил:

— Так что же ты советуешь?

Варя не советует, а почти приказывает:

— Вы...— произнести «ты» она все-таки не сумела.— Вы, Андрей Игнатьевич, бейте Деникина и вместе с ним и всю эту Антанту. О нас не думайте, мы проживем. На фабрике же многие с детьми. Завтра, к примеру, начнет работать жена Дедусенко, не слышали такого? Партийный... Он на фронт, а она здесь, с ребенком...

Ася стоит отвернувшись, стихнув, растеряв свое возбуждение, изнемогая от горьких дум. Перед нею площадь, почти опустевшая с наступлением сумерек; перед ней город, в котором полно недобрых людей. Всякий может ее обидеть, перехитрить. В ушах ее звучит: «Выучат люди».

Снова к вокзалу приближается воинский отряд. Снова сотни ног отбивают шаг. Голоса красноармейцев выводят песню:

> Со всех концов земного шара
> К нам угнетенные идут...

Земной шар... Огромный голубой глобус... Асе трудно противиться песне, противиться волнению, которое, как она видит, охватило Андрея и вот-вот охватит ее. Но она не дается. Она слишком больно ушиблась о землю. Вся земля теперь неприютная, как эта площадь,— замусоренная, взъерошенная, чужая.

Земля плоха. Плохи люди. Даже звезда, светлая, иглистая, первой вспыхнувшая в небе, кажется злой, колючей...

— Аська,— шепчет подошедший сзади Андрей.— Скажи словечко.— Он повернул колесико зажигалки, заветной, выменянной у слесарей механической мастерской на пачку табака. Но лицо девочки не оживилось в свете огня.— Аська... Нельзя же сердиться на весь мир...

— А что в нем хорошего?

Не верит Ася, что можно жить, радуясь песне, звездам, радуясь тому, что живешь... Зачем Андрей утром столько наобещал, выдумал, что завоюет ей счастье? А главное — ей! Кому она нужна?!

— Аська, живи с огоньком! — Андрей протягивает Асе зажигалку с мерцающим фитильком.— Это тебе. Вспоминай одного красноармейца.

Варя настороженно ждет.

— А тебе спасибо за Асю. Ты, Варя, хороший товарищ.

Товарищ — это теперь главное слово. Она, Варька, *хороший товарищ*! И все же хочется услышать и другие слова. Однако Андрей круто повора-

чивает к темному зданию вокзала, к еле освещенной двери, ведущей в первый класс, где разбросаны брошюрки про «Максима» и про ружье-пулемет «Львицу».

СУП ИЗ БАРАНИНЫ

Печка раскалена, в кастрюле варится суп из бараньей грудинки. Не из селедки, не из конины, не из солонины, а из свежей баранины.

Тепло лишь у самой печки, поэтому Ася, как всегда, в пальто. Она сидит на корточках против заслонки и заготавливает косариком мелкие чурки. Бурлящий суп благоухает так, как, вероятно, благоухал в сказке о маленьком Муке. Постукивая косариком, Ася напевает в такт:

Стол накрыт, суп кипит.
Кто войдет, будет сыт...

С того дня, как уехал Андрей, прошло полтора тяжких месяца. Тяжких — это значит голодных, потому что от холода легче спрятаться, чем от голода. Если очень морозно, Ася может остаться дома, забраться под все одеяла и пальто, полеживать, пока Варя не придет с фабрики.

Однако школу лучше не пропускать: на этом теряешь тарелку чечевицы, а иной раз и больше того. Когда присылают дополнительное питание, Асе дают ломтик хлеба с топленым маслом: это из-за локтя, ушибленного «доброй феей». Ранка, образовавшаяся при падении, мокнет, болит, не заживает. Школьный врач объяснил, что все это от худосочия, от недостатка питания. Мальчишки дразнят, что скоро у Аси рука отсохнет, и она не знает, верить им или нет. Варя, пожалуй, верит: уж очень она переживает; словно это ее вина, словно она поклялась Андрею кормить Асю молоком и котлетами. Он в письме поблагодарил Варю, что она с их семьей поступила по-товарищески, и теперь она готова совсем не есть. Приходится с ней скандалить, чтобы не подсовывала свою порцию, не обманывала.

Неделю назад Варя читала в газете речь Ленина. Он так и сказал на весь Большой театр, что Советская Россия представляет собою осажденную страну, крепость, в которой нужда неминуема. И еще сказал, что хозяйничать нужно разумно и расчетливо, что нельзя обижаться на продовольственников: не могут они превысить норму.

А что делать, если растешь? Сидишь без масла, без сахара, почти без хлеба и все равно тянешься вверх, а потом дураки мальчишки дразнят скелетом или, еще хуже, шкелетиной.

Хорошо, что недавно на фабрике Герлах это наконец, как сказала Варя, «приняли во внимание»: стали давать нитки в виде пайка. Несколько шпулек в день. Их надо перематывать на пустые катушки и менять на продукты. В завкоме Варе так и объявили: специально, чтобы девочка поправлялась.

Ася, прикрыв глаза, вдыхает аромат кипящего супа. Сегодня у нее настоящий воскресный день...

Звонили во всех церквах, когда Варя и Ася шли на Сухаревку. Варя подвела Асю к знаменитой башне, высоченной, кирпичной, выстроенной еще при царе Петре, и велела дожидаться в затишке. Две катушки остались у Аси в муфте, две Варя взяла на обмен. Больше брать с собой опасно: милиция не разберется, примет за спекулянтку. А Ленин как раз в своей речи ругал спекулянтов.

Варя не велела ни с кем разговаривать:

— Ни с какими феями!

И предупредила, что тут, на Сухаревке, еще побольше нечисти, чем на вокзале,— так и шныряют мошенники и дезертиры. Про дезертиров даже плакат висел на башне: «Митька-бегунец». Но Ася остерегалась не столько бегунцов, сколько мальчишек. Сухаревка полна ими. Сироты ли они, круглые ли? Только все они оборванцы, и все обзываются так, что их бы повыгоняли из любой школы, даже из теперешней. Продают они ириски, какой-то сногсшибательный табак и папиросы, рассыпные-рассыпные!.. И все, наверное, сплошное жулье! Подумать только: оборвыши, а денег полно! Пока Ася дожидалась Варю, двое купили себе по порции каши. Краснолицая баба (лицо красное не от мороза, а от сытости) накладывала горячую рассыпчатую пшенную кашу из ведра, укутанного рогожей. Кашу! Когда пшено можно растянуть на много супов!..

Мальчишки уплетали кашу, а Ася, глотая слюнки, приняла решение: если фабрика перестанет давать нитки, Ася начнет торговать ирисками. Повесит на шею лоток и огребет кучу совзнаков! Стыдно не будет... Ведьма ей правильно сказала: «Выучат люди».

Пусть учат! Даже мама, когда папу забрали на войну, говорила: «Надо очерстветь! Кто очерствел, тем легче».

Ася старается очерстветь. Это не всегда удается. В прошлое воскресенье они с Варей тоже вышли из дому, и тоже кругом толпились люди. Но иные, совсем не такие. Это называлось митинг. Какие-то кровавые палачи убили в Германии двух коммунистов: Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Были траурные знамена и музыка, от которой сжималось сердце. Совсем было не то настроение, что на Сухаревке...

А сейчас, дома, какое у Аси настроение? Никакого! Ее дело — стучать косариком да горланить куплет, что выкрикивал сегодня один из маленьких торгашей:

Спички шведские,
Головки советские!
Две минуты трения,
Пять минут терпения.

Терпение-то требуется! Варя и сегодня намучилась, пока разожгла печурку. Зато теперь суп клокочет вовсю, душистый, необыкновенный...

Ася бормочет под нос: «Стол накрыт, суп кипит. Кто войдет, будет сыт». И хитро улыбается оттого, что знает: к ним никто не войдет, они все поедят сами. Полкастрюли сейчас, полкастрюли — завтра. Варя уже накрыла на стол так аккуратно, словно они к обеду ждут Андрея.

Вдруг раздался стук. Неужели почтальон? Прошлое письмо от Андрея тоже пришло в воскресенье. Ася открыла сама. Варя возилась на кухне.

Но кто это?! Что за странная тетка? Высокая, в больших сапогах...

Вошедшая громко спросила:

— Шашкина Варвара здесь проживает?

Почтальоном она не могла быть потому, что с ней был ребенок. Не то мальчишка, не то девчонка, какой-то заморыш, укутанный, словно грудной. Ася встревожилась: «Гости! Придется ставить на стол еще две тарелки». Варя выбежала из кухни.

— Татьяна Филипповна? — И стала вытирать руки.

— Пришла непрошеная,— сказала та.

— Вам кто мой адрес сообщил?

— Адрес? — Дедусенко сняла шапку-ушанку, провела гребнем по светлым волосам, прищурилась.— В завкоме взяла. Ты же как-никак член «Союза иглы».

Асю покоробило от этого «как-никак». А Варя и вовсе стала пунцовой.

Запах баранины подтвердил подозрения Татьяны, но присутствие детей удержало ее от замечания.

Даже на фабрике она не стала затевать с Варей неприятного разговора. Зная свою привычку действовать наотмашь, дождалась воскресенья и пришла выяснить свои сомнения с глазу на глаз. Кроме всего, хотелось убедиться, что у Вари действительно на руках ребенок.

Варя это поняла. Пока Дедусенко стаскивала с Шурика башлык, она, несмотря на сопротивление Аси, быстро обнажила ее больной локоть.

— Видите, — бормотала она.— От недостатка питания...

Татьяна, взглянув на незаживающую ранку, помогла смущенной девочке натянуть рукав платья и пальто, затем обратилась к Варе:

— Где бы нам с тобой поговорить?

Чтобы Шурик не слишком заглядывался на кастрюлю, из-под крышки которой аппетитно выбивался пар, Дедусенко резко повернула его стул от печки к книжному шкафу, сказала Асе:

— Займи его, пожалуйста, хоть книжку сунь.

Дети остались одни. Полная неясной тревоги, Ася спросила:

— У тебя мама очень строгая?

Шурик вздохнул:

— Теперь строгая, как пошла работать. Ругается, что я хулиганом стал...

Взрослые вошли в детскую, сели в молчании возле столика, на котором, освещенный заходящим солнцем, весь в грязных потеках, стоял глобус. Татьяна долго разглядывала западное полушарие, наконец, не глядя на Варю, вымолвила:

— Не ожидала я от тебя... Мне казалось, что ты хороший товарищ.

В цехе швей-мотористок Дедусенко и Шашкина сидели друг против друга, разделенные лишь лотком — вместилищем готовой продукции, тянущимся во всю длину стола. Когда рука кидала в лоток простроченную наволочку для госпиталя либо пару солдатских кальсон, глаза невольно взглядывали на соседку напротив.

Немец Герлах, владея фабрикой, хитроумно упрятывал все катушки в круглые железные коробки; на двенадцати стерженьках умещалось двенадцать катушек; пломбу в коробке вскрывали тогда, когда с последней катушки сбегала вся нитка. Многое изменилось на фабрике за год; не изменились лишь железные коробки, в которых катушки томятся, как узницы. Попробуй выпусти их, если по карточкам давно не дают ниток.

Когда взрослые вошли, дети уплетали по второй тарелке.

Варины проделки не остались тайной для Татьяны.

— Все отматывают...— пробормотала Варя.

Ни для кого не секрет, что то одна, то другая притащит из дому шпульку, перемотает себе немного ниток. Белых, если надо починить белье, черных, если порвалось пальто.

— Отматывают,— ответила Татьяна,— да не так, как ты, не хитри, Варя, со мной...

Варя чуть не напомнила, как совсем недавно та же Татьяна Филиповна смеялась ее, Варькиной, хитрости. Вышла задержка из-за закройного цеха, и Варя, развлекая соседок, изображала, как ловко она надувала мадам Пепельницкую, бегая по ее поручениям. Варя, конечно, прихвастнула, потому что надуть хозяйку было почти невозможно, но все очень смеялись, а Дедусенко даже сказала, что Шашкиной надо идти в артистки.

Сейчас Варя совсем не чувствует себя артисткой. Не поднимая глаз, она бормочет:

— Чего там хитрить... На Сухаревку снесла...

— И ты не поперхнешься таким супом?!

В тех случаях, когда тема разговора не только не позволяла вести его в шутливом тоне, но и требовала некоторого пафоса, Татьяна становилась почти косноязычной:

— Считаешь, можно без ниток?

— Чего без ниток?

— Армию обмундировать. Каждая утаит по катушке, а Колчак...

До Вари словно издалека доходили фразы о том, что фабрика теперь своя, не хозяйская, что фабричное добро общее; если тащить, то у своих, у тех же рабочих, у красноармейцев. Она куталась в платок, скрывая озноб. Позабыв про суп, который мог выкипеть, не беспокоясь даже о том, какие неприятности ей может доставить вмешательство Дедусенко, она мучилась мыслью: что бы сейчас подумал о ней один из красноармейцев?

Варя нарушила молчание неожиданным вопросом:

— Правда, что вы записались в партийные?

— Правда.

— А верно... верно, что теперь не время для чувств?

— То есть как это теперь не время? Теперь?

Выслушав негодующую, но опять-таки довольно косноязычную отповедь, Варя долго молчала. Затем встала, подошла к комоду, достала завернутую, хранимую в чистой тряпке горжетку, встряхнула ее, чтобы мех выглядел лучше.

— Берите!

— Мне? С ума сошла.

— Вам. То есть всем. Вы же сами записывали в кружок, чтобы спектакли ставить.— Пытаясь побороть смущение, Варя изысканным — так она полагала — жестом набросила на плечи горжетку.— Можно играть графинь.

Нельзя было недооценить Варин порыв. Незаметно, как бы между делом расспрашивая о ней на фабрике, Татьяна узнала и о «шикарной» обнове, приобретенной в надежде завоевать чье-то сердце...

— Осуждаете, что не продала? Это же не катушки. Не берут! Это предмет роскоши.

Татьяна не сумела сдержать улыбку.

— Эх ты, графиня!.. Прячь в комод. Важно, чтобы ты поняла.

Тем временем Ася занимала Шурика. Вначале они поссорились из-за того, что он отверг предложенную ему книжку. Когда-то Ася зачитывалась ею. «Моя первая священная история», подаренная бабушкой, блистала яркой обложкой, имела множество иллюстраций.

— Не люблю картинок!

— Врешь!

Мальчик оттолкнул книгу.

— Это здесь врут! Поповские враки.

— Не буду я занимать тебя.

Однако вид священной истории напомнил Асе, что надо быть милостивой к заблудшим душам. Кроме того, ее тревожил разговор, происходящий за стеной. Пожалуй, лучше не ссориться.

— Ну, ладно... Я расскажу тебе про мальчика, который заблудился и попал в волшебную страну.

Захлебываясь, вращая горящими черными глазами, Ася вела вдохновенный рассказ, все более завораживая своего слушателя. В сказке особенно захватывающим был миг, когда в конце своих скитаний мальчик очутился перед входом в страну чудес, откуда доносились тончайшие ароматы колбас и пирожков, растущих прямо на деревьях. У самого входа возвышалась гора гречневой каши. Голодный маленький путник, упав на колени, прильнул ртом к подножию горы...

Тут Ася не пожалела красок: каша оказалась не рассыпчатой, сваренной из поджаренной крупы, а нежной, жидковатой, теплой. Густо промасленную размазню можно было прямо втягивать в себя. Ляжешь, ткнешься в нее лицом и тянешь...

Сила искусства была потрясающей. Шурик, до сей поры деликатно не интересовавшийся хозяйским супом, повернулся к нему как заколдованный. Не пришлось Асе досказать сказки. Она налила полную тарелку, распорядилась:

— Садись!

Когда взрослые вошли, было поздно решать, что делать со злосчастным супом: дети уплетали по второй тарелке.

Варя потянула за рукав опешившую мать Шурика.

— Пусть. Не выливать же...

Татьяна сказала, что считает необходимым вмешаться в судьбу Аси, и приказала найти письмо из Наркомпроса. Ася взглянула на Варю, убедилась, что спорить нельзя, и стала рыться в шкатулке. Шкатулка была большая, полированная. В ней, кроме всего, хранились лучшие Асины рисунки — про гномиков, про Снегурочку. Шурик потянулся было за ними, да получил отпор:

— Не любишь картинок, не лезь!

Асю смущал покорный вид Вари, а то бы она и Шуркиной матери что-нибудь сказала. Что-нибудь вроде того, что нечего всюду совать нос, что чужие дети ее не касаются... Она даже представила себе, как отбрили бы такую тетку оборвыши, кормящиеся возле Сухаревой башни.

На дне шкатулки лежал конверт с траурной каймой. В таких конвертах знакомым посылались письма, сообщавшие о смерти Асиного отца. Тут же нашлось письмо Наркомпроса.

Шурик потянулся, желая разглядеть марку на конверте. То была первая почтовая марка, недавно выпущенная новой властью. Синяя, ценой в 35 копеек. На ней была изображена рука с мечом, разрубавшим цепи.

Отведавший бараньего супа Шурик повеселел и порозовел. Ася невольно залюбовалась им—худеньким, остроглазым. Улыбка приоткрыла его зубы, видно, недавно прорезавшиеся на смену молочным, еще по-детски в зубчиках, как почтовые марки.

— Мама! — восторженно прошептал Шурик.— Папа же про эти марки говорил... Обещал, что скоро выпустят революционные. Давай пошлем ему.

— Не хватай! — словно взбесилась Ася.— Не твое.

Она размахнулась и дала мальчику тумака. Ошеломленный, тот заревел не сразу, а потом никак не мог успокоиться. Трудно было понять, чем он обидел эту сумасшедшую девчонку. Кто мог знать, что Асе показалось, будто Шурик похвастал тем, что у него есть отец и мать.

Татьяна Филипповна сказала Варе: «Видишь?» Варя поняла это так: «Вот что значит таскать детей на Сухаревку».

К Асе Татьяна Филипповна обратилась уже после того, как завязала всхлипывающему сыну башлык.

— Во вторник в школу не ходи. Жди меня.

Ася снова взглянула на Варю и снова прочла в ее глазах, что спорить нельзя.

(Продолжение следует)

Первая победа

Генерал-лейтенант А. И. ЧЕРЕПАНОВ

Здесь мы помещаем воспоминания генерал-лейтенанта запаса Александра Ивановича Черепанова, командовавшего Вторым красноармейским полком в бою с немецкими захватчиками в тот далекий овеянный славою день — 23 февраля 1918 года,— который мы празднуем как день рождения Советской Армии.

Командир Второго красноармейского полка Александр Иванович Черепанов. Снимок сделан в 1918 году.

СУТКИ — СРОК НЕМАЛЫЙ

В Пскове было тревожно. У вокзала горели склады, и багровое зарево полыхало в холодном февральском небе. Ветер кружил обрывки бумаги и хлопал полами шинелей: улицы были забиты солдатами. По центральной магистрали со скрипом тянулись бесконечные обозы: в тыл страны увозили артиллерию, боеприпасы и продовольствие развалившейся армии. Жители города прятались по квартирам, боясь выйти на улицу.

На Псков шли кайзеровские войска. 18 февраля они перешли в наступление, чтобы задушить революцию. Это были первые интервенты, вступившие на советскую землю. Положение было отчаянное: дорога на Петроград была открыта интервентам. Только что сформированные красноармейские полки были еще слабы и с тяжелыми боями отступали перед противником, неизмеримо превосходившим нас количеством и техникой.

Второй красноармейский полк, которым я в то время командовал, отошел к Пскову в распоряжение командования Северным фронтом.

Штаб Северного фронта помещался в здании бывшего кадетского корпуса.

Мне указали комнату, на дверях которой висела табличка с надписью «Телеграфная». Я вошел туда и увидел плотного лысого человека в расстегнутом штатском пальто. Он скорее походил на ученого, но никак не на командующего фронтом.

Это, как оказалось, был питерский большевик Борис Павлович Позерн. Веки на его усталом лице припухли, отяжелели: видно, давно потерял он счет бессонным ночам. Тяжелой походкой, походкой грузчика, на плечах которого лежит нелегкая ноша, переходил он от одного телеграфного аппарата к другому, выслушивая нерадостные вести из армий, связывался с Петроградом, со Смольным, отдавал приказы.

— Здесь, в Пскове, мы с вами защищаем Петроград,— сказал Позерн, прохаживаясь у большой карты.— Весь рабочий народ Питера становится под ружье, и скоро его отряды выступят нам на подмогу. Передайте это бойцам.

Когда я сказал, что для того, чтобы привести полк в порядок и очистить от людей неустойчивых, разлагающих полк, нужна неделя, Позерн с удивлением посмотрел на меня.

— Семь дней? Не выйдет. Немцы раньше могут быть у Пскова.

— Да, но ведь мы сейчас в резерве фронта,— возразил я.

— В том-то и дело, что нет. Ваш полк направляется на выполнение боевого задания.— Позерн вынул из кармана часы.— Сейчас нет и восьми часов. До завтрашнего вечера прошу привести полк в порядок: сутки — срок немалый.

Позерн показал на карте места, где мы должны были занять оборону.

— Дадим вашему полку хорошее подкрепление,— сказал Позерн и чуть улыбнулся.

Я не совсем понял его. Орудия? Связь? Нам так не хватало артиллерии и связи! Но я ошибся.

— Агитаторов дадим. Рабочих. Коммунистов. А у себя пересмотрите командиров рот. Уберите тех, кто мешает. Самостоятельней будьте, решительней...

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»

Из штаба фронта я ушел в приподнятом настроении. И ушел не один: со мной был агитатор Калинин. Он был чуть постарше меня, лет двадцати трех—двадцати четырех. Судя по одежде и манерам, в армии он никогда не служил. Но с винтовкой обращался умело, и она так ладно висела у него на ремне! Скоро я все понял: Калинин был красногвардейцем, Зимний дворец брал.

Калинин принес в казарму декрет Совета Народных Комиссаров, переписав его при свете коптилки на обрывке бумаги прямо с телеграфной ленты...

— Социалистическое Отечество в опасности! — прозвучал его внятный, чистый голос в холодной полутемной казарме.

Слушали чутко, напряженно.

Прочитав декрет, Калинин негромко сказал:

— А написал этот декрет Владимир Ильич Ленин.

Говорил он спокойно и просто, без выкриков и резких жестов...

Вскоре подошли и другие агитаторы: старичок-латыш, рижский рабочий в черной куртке и брюках навыпуск; путиловец, высокий, в бекеше из шинельного сукна, и рабочий псковских железнодорожных мастерских, рослый, с большими усами...

Я подошел к группе солдат, сидевших возле печки. Отблески огня блуждали по замершим от внимания лицам бойцов... С ними беседовал рижский рабочий.

Кто-то запел за стеной сильным голосом:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастия ключи...

Песню подхватили десятки голосов, и, вначале нестройная, разноголосая, она скоро выровнялась, окрепла и через минуту—другую властно загремела под гулкими сводами казармы...

ЛЕНИН ВСЕХ ПРИЗЫВАЕТ...

Зимний день короток, а до вечера надо было сделать еще многое: получить огнеприпасы, продовольствие, теплые вещи, организовать обоз.

С утра я снова отправился в штаб фронта. Толпы людей стояли у больших афишных тумб и стен домов, читая только что наклеенный, еще влажный декрет Советского правительства под огромным заголовком: «Социалистическое Отечество в опасности!» Мимо группы солдат, стоявших у афиши, бежала девушка в гимназической форме. Один бородач схватил ее за полу.

— Вижу, грамотная,— сказал он.— А ну-ка, почитай нам.

Девушку протолкали вперед, и она стала читать ленинские слова, горячие, проникающие в самую душу, призывавшие до последней капли крови защищать молодую Республику Советов от нашествия империалистов.

Когда девушка кончила, наступило молчание. Бородач погладил ее по рукаву и тихо сказал:

— Спасибо, дочка...— Затем обернулся к остальным: — Пошли!

— Куда? — спросил низенький курносый солдат в грязной шинели.

— Куда? — иронически переспросил пожилой бородач.— Аль тебе, дураку, непонятно?

И, поправив винтовку на ремне, твердо добавил:

— Вступать в Красную Армию.

В казармах стало людно. У стола, где записывались в наш полк добровольцы, я увидел группу солдат, которых встретил у афишной тумбы. Но каково же было мое удивление, когда я заметил здесь и девушку, читавшую солдатам воззвание!

— А ты куда, егоза? — осадил девушку бородач, два часа назад просивший ее прочитать ленинское обращение.

— Записаться хочу.

— Девок в солдаты не берут.

— Возьмут,— уверенно ответила девушка.— Ленин всех призывает на защиту революции.

— А сколько вам лет? — спросил я.

— Скоро восемнадцать,— ответила она не совсем уверенно.

Девушка на вид была крупная — я поверил. И только гораздо позже узнал, что тогда ей было всего пятнадцать лет и для того, чтобы выглядеть постарше, она подобрала под шапку косички с красными бантиками.

— Грамотная? — спросил полковой адъютант Григорьев, ведущий запись добровольцев.

— Учусь в гимназии.

История создания Советской Армии неразрывно связана с именем В. И. Ленина. Вот одна из многочисленных встреч Владимира Ильича с красноармейцами в 1919 году. Ленин произносит речь на Красной площади перед бойцами всевобуча.

— Фамилия, имя и отчество?

— Махновская Ангелина Дмитриевна.

— Кто отец?

— Из крестьян.

Так Ангелина стала бойцом Второго красноармейского полка (позже она стала пулеметчицей и воевала на многих фронтах гражданской войны).

Еще и суток не прошло, а как преобразился за это время полк! Признаться, я и не подозревал, что за такой короткий срок можно сделать так много.

Большевики-агитаторы, добровольцы из местных рабочих и солдат старой армии влились в наши ряды. Высокий дух и революционная дисциплина — вот что спаяло бойцов и командиров.

Приказ командующего был выполнен. К утру 23 февраля полк занял оборону по рекам Череха и Многа, куда еще раньше нас прибыл отряд псковских красногвардейцев и солдат железнодорожных войск.

НА ПОЗИЦИИ

Мглистый, морозный день — 23 февраля 1923 года. Багровое солнце медленно взошло над белой от снега псковской землей. Скупые, холодные лучи его поблескивали на затворах винтовок бойцов нашего полка. Они цепями залегли на крутых берегах Многи и Черехи. На высоком холме притаились пулеметы «максимы», не увидишь за кустиками и бугорками. Зябли руки, липли к металлу, мороз пробирался к ногам и леденил дыхание... Мы вглядывались в лежащие перед нами холмы, кустарники, лес и разрезающие их шоссе и железную дорогу, по которым спешно движется 53-й немецкий корпус, выполняя приказ: захватить Псков как «важный пункт главной дороги, ведущей на Петербург».

И вот видим: легковая машина с торчащим стволом пулемета, далеко оторвавшаяся от головных частей, показалась на шоссе и, оглушительно стреляя мотором, без всяких предосторожностей нахально выскочила к мосту. Грохнули залпы. Немцы хотели развернуться и ударить, да не вышло: съехав задним колесом с дороги, машина застряла в кювете...

Загудели рельсы: из-за бугра показался немецкий воинский эшелон. Замыкал состав второй паровоз. Он должен был утащить

поезд в тыл (все предусмотрели!), если передний паровоз будет подбит. Это ему и пришлось сделать, как только пулеметчики Пахомова открыли частый огонь.

Осели на снег клубы черного паровозного дыма, замер стук колес, умолкли пулеметы, и чуткая, настороженная тишина вползла на наши позиции...

Но не прошло и часа, как эту тишину разорвали выстрелы. Ахнул орудийный залп. Над головами просвистело. Снаряд, не разорвавшись, упал где-то за деревней Большое Лопатино, возле которой залегли главные силы нашего полка. Второй снаряд не долетел до деревни и разорвался близ дороги, взметнув столб мерзлой, перемешанной со снегом земли.

Из богатого двора выбежал бородатый мужик без шапки, в расстегнутом полушубке. Задыхаясь от испуга, он злобно кричал нам:

— Уходили бы отсюда поскорее! Только немцев дразните...

Он хотел крикнуть еще что-то, но, услышав нарастающий свист нового снаряда, юркнул во двор и спрятался за амбаром. По деревне кучками и в одиночку с криком метались жители.

С бугра, где расположился командный пункт полка, я следил за противником. На правом фланге было тихо: у взорванных нашими бойцами мостов шла ленивая перестрелка. Но вот я заметил в бинокль, как на левом фланге стали накапливаться серо-зеленые шинели.

«Эх, кабы батарею сюда!» — подумал я с горечью, и вдруг коновод, стоявший рядом, вытянул влево руку.

— Смотри, товарищ командир полка, немец в обход пошел!

Я взглянул — и в самом деле. Зыбкими цепями медленно спускались немецкие солдаты к реке. Их зеленые фигурки с ружьями в руках четко выделялись на белом снегу и все увеличивались и увеличивались. Положение становилось угрожающим.

Артиллерии у нас нет. Связи тоже нет. Но нужно удержаться, выстоять. Удержать город до подхода питерских отрядов!

Мысль работала быстро и четко.

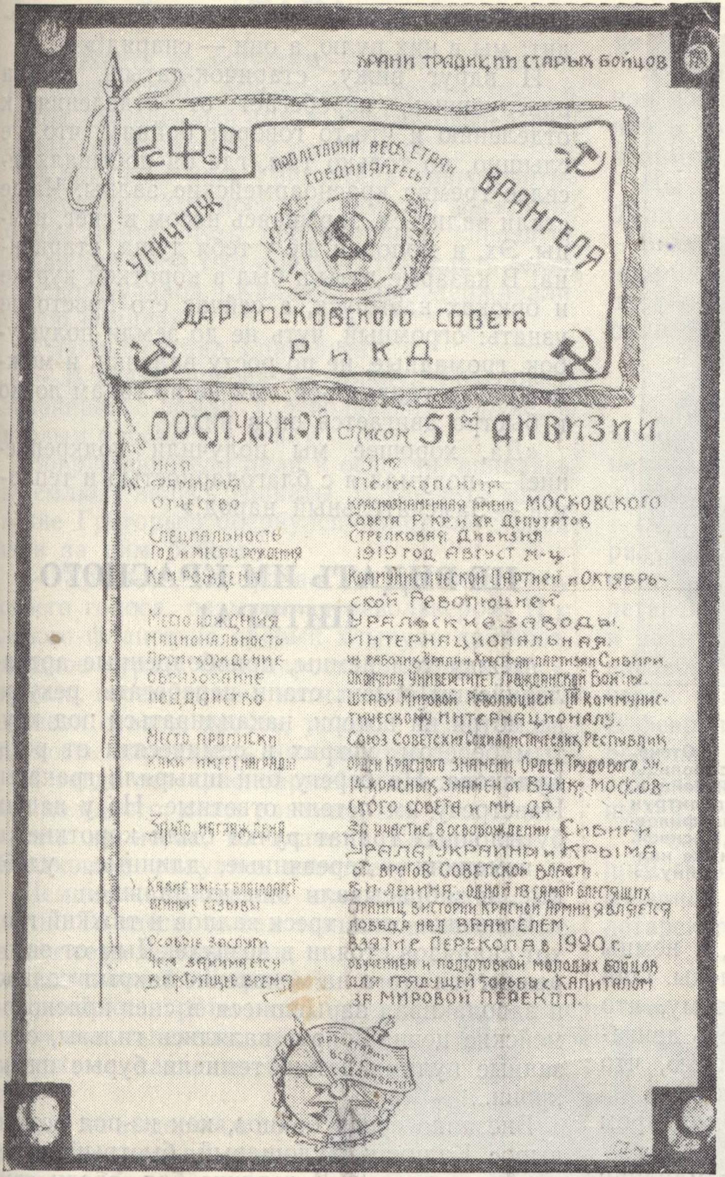
Конечно, самое правильное — выдвинуть на лесистую высотку резервную роту, находившуюся в деревне, придав ей пулеметы. Это укрепит левый фланг. Действовать надо быстро.

СПОКОЙНЫЙ И ТВЕРДЫЙ, КАК ЖЕЛЕЗО

Я немедленно собрал за сараем шестую роту. Этой ротой раньше командовал совершенно неподготовленный человек, к тому же оказавшийся трусом и шкурником.

Февраль 1918 года. Красноармейцы идут в контратаку. Картина военных художников И. Евстигнеева, В. Дмитриевского, Г. Прокопинского.

Имя — 51-я. Фамилия — Перекопская. Специальность — стрелковая дивизия. Образование — окончила Университет гражданской войны... Настоящий послужной список — только не бойца, а целой части. Список этот вручался бойцам в день их демобилизации как память о боевых традициях 51-й дивизии. Прочитайте этот список внимательно — в нем целая история гражданской войны.

Не надеясь на стойкость роты, я не ставил ее на передний край, а держал в резерве. И вот сейчас, в решающий момент, я вынужден был бросить эту роту на укрепление левого фланга.

Я приказал занять позицию на лесистой высотке.

И здесь случилось то, чего я не ожидал.

— А если немец выставит вон на тот пригорок пулемет да по нас?..— вдруг сказал, почесывая затылок, командир роты Козлов.

И сказал он это при бойцах, которым сейчас идти в бой. Зубы у меня сжались от гнева.

Не помню, как это случилось, но я в бешенстве выхватил из кобуры револьвер и, наверное, на месте пристрелил бы ротного, если б внезапно между мною и командиром не очутился агитатор Калинин.

— Товарищи!— крикнул он, рукой отводя револьвер, и его энергичное худое лицо напряглось, а глаза сухо блеснули.— Сам Ленин идет к нам вместе со всей питерской Красной Гвардией!

...И опять Калинин заговорил ровно и негромко, как и накануне в казарме. И тот, кто минуту назад смотрел под ноги, поднимал глаза, выпрямлял ссутулившуюся спину.

И чем спокойней и сдержанней говорил Калинин, тем сильнее звучала в его голосе решимость.

Голос его умолк, стало очень тихо. Медлить было нельзя.

— Ты поведешь роту,— бросил я адъютанту Григорьеву.— А Козлов пойдет помощником.

Слушаюсь,— ответил Григорьев и бегом повел роту на высотку.

Калинин молча смотрел вслед бегущим красноармейцам.

— Боюсь, как бы рота Будакова не отошла,— подумал я вслух, заметив, что немцы упорно идут в обход

— Я еду туда,— решительно сказал Калинин, вскакивая на лошадь.

И он тут же уехал, спокойный и твердый, как железо, а я, повернув свою лошадь, поскакал на лесистую высотку.

ПУЛИ ПРОТИВ СНАРЯДОВ

Доскакал я до высотки очень быстро. Передавая коноводу поводья, приказал ему поехать навстречу роте, которая в это время шла на эту же высотку.

Отсюда было видно, как немцы переходили реку по льду.

На всех фронтах и в гражданскую и в Отечественную войну коммунисты и комсомольцы шли в первых рядах. Они вели за собой бойцов. Имя этого человека вы помните — это политрук Клочков, один из двадцати восьми панфиловцев, погибший в героическом бою под Москвой. Он снят перед уходом на фронт. На снимке надпись: «И за будущее дочки ухожу я на войну...»

Февральские метели замели лед, и немцы шли, оставляя в снегу глубокие следы. Они привыкли за последнее время к тому, что никто им не сопротивляется, и теперь двигались с такой нахальной уверенностью, что я едва сдержался, чтоб не выругаться...

Вскоре подошел Григорьев с командиром пулеметного взвода.

— Пулеметы сюда,— сказал я командиру взвода.— Один поставь к той выемке, другой — на опушке леса. Выкати незаметно. Огонь только по моему приказу... А ты,— сказал я Григорьеву,— незаметно разверни красноармейцев за перегибом высотки. Как только немцы выдвинутся, ты их во фланг и в реку...

Григорьев хорошо понял меня: он кивнул и сделал рукой жест, обозначавший охват врага.

Между тем седьмая рота под командованием Будакова, заняв изгиб реки, обстреливала противника. Немцы открыли по ней артиллерийский огонь. Черные фонтаны один за другим взлетали в небо... «Как бы не дрогнули наши,— подумал я,— ведь, черт побери, артиллерии-то у нас нет! Вот и выходит: мы в них пулю, а они — снаряд!»

И вдруг вижу: старичок-латыш, слегка пригнувшись, перебегает от отделения к отделению и что-то говорит бойцам; что, не слышно, но только там, где он побывал, веселее гремят красноармейские залпы. Чаще стали валиться, зарываясь носом в снег, немцы. Эх, и молодая же у тебя душа, старичина! В казарме латыш был в короткой куртке и брюках навыпуск, а сейчас его просто не узнать: огромный, чуть не до земли полушубок, громадные, не по росту валенки, и можно только удивляться, как не по годам ловко и быстро двигается он в них.

«Да, хорошее мы получили подкрепление! — подумал я с благодарностью и теплотой.— Замечательный народ!»

НЕ ВИДАТЬ ИМ КРАСНОГО ПИТЕРА!

Между тем немцы, приободренные артиллерийским огнем, стали перебегать реку и, несмотря на потери, накапливаться под крутым берегом, метрах в семидесяти от роты Будакова. На берегу они швыряли гранаты. Навстречу им летели ответные. Но у наших бутылочных гранат ручки были короткие, а у немецких — деревянные, длинные, удобные, и забрасывали они их дальше.

Вспышки огня, треск залпов и тяжкий грохот снарядов стояли в воздухе. Дым от загоревшегося стога на мгновение закрыл солнце и заволакивал зарывшиеся в снег красноармейские цепи. Вокруг валялись гильзы, срезанные пулями ветки, темнели бурые пятна крови...

Внезапно среди бойцов, как из-под земли, вырос Калинин, худощавый, быстрый, с веселыми глазами. В горячке боя, среди свистящих пуль и осколков, он неизменно оставался спокойным, решительным, даже насмешливым.

— Как дела, ребята? — спросил он, выбрасывая стреляную гильзу из винтовки.— Жмут гады? Не дрейфь! Покажем кайзеру, где раки зимуют, не видать ему красного Питера, как своих ушей!

Услышав знакомый голос, командир роты Будаков обрадованно обернулся.

— Эй, передай по цепи! — зычным голосом крикнул он.— Калинин пришел!

Кажется, один человек явился, а ведь точно целую роту привел с собой: столько находчивости и отваги было в этом большевике!

АТАКА

— Охвата не допустим,— сказал Калинин, но вдруг голос его осекся: немцы шли в обход. Охваченный ими левофланговый взвод начал откатываться к своей роте.

Я приказал роте Григорьева приготовиться к атаке. Хотелось бы немного выждать, чтобы немцы чуть продвинулись вперед и обнажили свой тыл и фланг. Но ждать было опасно: Будаков и Калинин едва сдерживали напор немцев.

Я подал сигнал Григорьеву.

— В атаку, вперед! — крикнул Григорьев, вскакивая с земли с револьвером в руке, и первым бросился в атаку.

Вокруг свистели пули и осколки, впиваясь в землю. Рвались гранаты. В какое-то мгновение Григорьев обернулся. Плотной стеной шли за ним бойцы.

— Ура-а-а! — закричал он во всю силу своего голоса, размахивая револьвером. И с левого фланга на правый хлынуло дружное, мощное «ура». Оно нарастало, подымалось, крепло, стремительно катилось вниз, и в нем звенели отвага, ярость, удаль и великая решимость опрокинуть интервентов...

И тогда все красноармейцы шестой роты, все до одного, даже раненые, кто только мог стоять на ногах, во главе с Калининым и Будаковым ринулись навстречу немцам.

Немцы, наступавшие кучками, тотчас залегли. То здесь, то там темнели вкрапленные в снег серо-зеленые пятна их шинелей. А красноармейские роты со штыками наперевес неудержимо катились на них.

Враг не выдержал: поодиночке начали вскакивать и отходить назад, потом побежали и остальные, оставляя на снегу убитых и раненых. Куда подевался их нахально-твердый, самоуверенный шаг! Они бежали через реку кто как мог, опираясь на ружья, взбирались на противоположный берег в поисках спасения от пуль и штыков красноармейцев.

— Ложись! — крикнул Григорьев, когда рота вышла на тот берег.— По отступающему врагу часто начина-а-й!

Я готов был расцеловать каждого из бойцов нашего полка. Смелые, окрыленные верой в то дело, ради которого они вступили в армию, красноармейцы гнали врага.

Мы заняли позицию по берегу. Интервенты были остановлены.

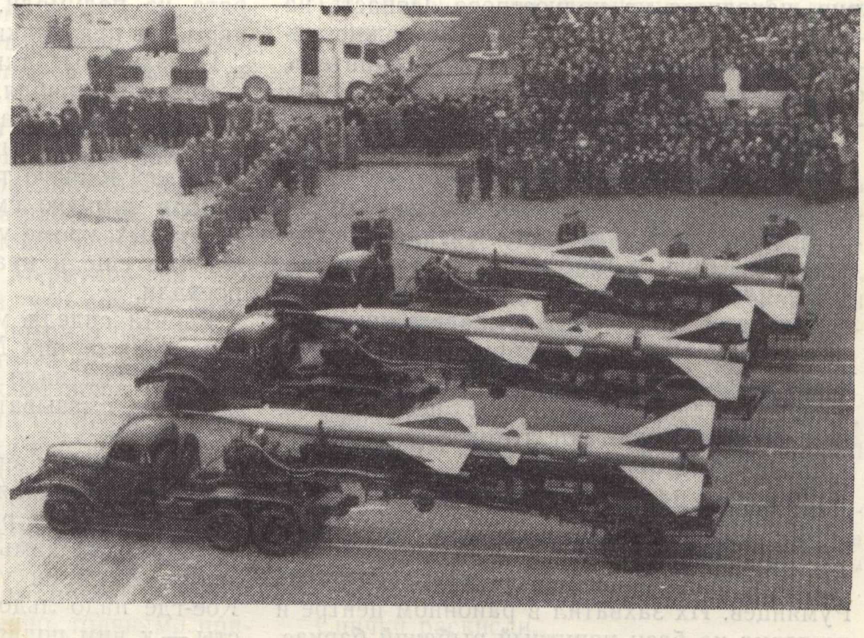
Беззаветный героизм бойцов Второго красноармейского полка и отряда красногвардейцев и солдат железнодорожных войск принес нам первую победу.

* * *

В этот же день в тяжелых боях красноармейские отряды сдержали наступление немцев и под Таллином. Ожесточенно дрались и на других участках фронта.

Начиная с этих суровых героических февральских дней, повсюду стал крепнуть фронт против интервентов. Рождалась новая, пролетарская Красная Армия, которая окрепла и возмужала в битвах гражданской войны, наголову разбив армии белогвардейских генералов и интервентов четырнадцати стран. В февральские дни — в дни первых побед — родилась наша армия, чьими боевыми подвигами в годы Отечественной войны восхищался весь мир.

И сейчас наша армия, оснащенная новейшим грозным оружием, стоит на страже завоеваний революции, на страже первого пролетарского государства.

Военный парад на Красной площади.

братве

Рассказ А. ХРШАНОВСКОГО.

Рисунки П. Караченцова.

Туристская база, где произошла эта история, находится на полуострове. Попасть на нее со станции железной дороги можно летом на пароходике под названием «Юпитер», а зимой по льду через озеро.

В сентябре кончается летний сезон, в ноябре прекращает свои рейсы «Юпитер», и жизнь на базе замирает до января, когда появляются туристы-лыжники. Связь с внешним миром осенью прерывается: по суше дорог от базы нет, и, чтобы попасть в районный центр или на станцию, надо по лесным тропам, через болота и скалы, сделать крюк километров в тридцать вокруг глубоко вдающегося в материк залива.

Но сотрудники имеют все необходимое. Они спокойно работают, готовят базу к зиме и дожидаются ледостава.

Однажды на Октябрьские праздники из школы-интерната прибыли на побывку к родителям два школьника: первоклассник Женя и ученик третьего класса пионер Виктор Румянцев. Их захватил в районном центре и доставил на базу попутный рыбачий баркас.

Как они будут возвращаться в школу, ребята не подумали. Им очень хотелось попасть на праздники домой.

Праздничные дни пролетели.

Девятого ноября, чтобы отправить школьников, стащили на воду старенькую моторную лодку; сердитый моторист, он же инструктор водного туризма, Меркулов снял с мотора зимнюю смазку, погрузили ранцы, в которых, кроме учебников и тетрадей, уместились еще и праздничные пироги, сели и поехали.

Ребята сидели молча. Они понимали, что теперь из-за них Меркулову, когда он вернется, снова надо будет вытаскивать лодку на берег, смазывать мотор и все металлические части.

Мимо бежали знакомые шхеры — острова, заливы... Холодная осенняя вода нехотя, без брызг и бурунов, расступалась перед лодкой. Прибрежные камыши спаял первый тонкий ледок. Днем он уже не таял, как раньше. Кое-где надо льдом сиротливо торчали шесты — к ним подвязывают жерлицы и ловят

щук и больших окуней. Виктор с Женей тоже лавливали и весной опять половят...

Меркулов правил рулевым веслом и нет-нет да посматривал вверх. Там, на гранитных холмах, под сильным ветром кланялись верхушками сосны. Над ними быстро проносились угрюмые лохматые облака, но на воде под защитой островов было тихо.

По пути предстояло пересечь Большой плес. За ним начиналась Теплая протока. Виляя среди островов, она выводила к пристани, к вокзалу. Большой плес имел в ширину километра четыре, а в длину тянулся на двадцать, и если над озером гулял ветер, то разводил на плесе такую волну, что, бывало, и «Юпитеру» доставалось.

Моторка выскочила из-под защиты последнего острова и врезалась в волны Большого плеса. Брызги начали перелетать через борт. Меркулов снял свой плащ и скомандовал ребятам:

— Укройсь!

Виктор и Женя не стали спорить. Они спрятались под плащом, прижались друг к другу и боязливо поглядывали оттуда на сурового моториста.

На средине плеса мотор заглох. Пока Меркулов возился с ним, пытаясь наладить, лодку стало захлестывать. Уже не брызги, а потоки воды переливались через борт. Как ни был Меркулов зол на ребят, на мотор, который отказал в таком проклятом месте, он не мог не улыбнуться, когда увидел, что из-под мокрого плаща показалась рука Виктора с черпаком и стала выплескивать воду.

Лодку между тем развернуло по ветру и несло вдоль плеса в пустынную часть озера. Теплая протока оказывалась все дальше и дальше. Волны, догоняя, переливались через корму. Меркулов ругался с ними, как с живыми существами: они мешали ему работать. Ребята, увидев, что Меркулову не до них, сбросили плащ и тоже оба работали. Женька вычерпывал воду своей новой фуражкой.

Они чувствовали, что Меркулов на них уже не сердится, думали, что вот-вот заведется мотор и они будут потом в школе рассказывать, как их болтало на Большом плесе и как Женька фуражкой воду отливал.

А Меркулов, оглянувшись, вдруг бросил копаться в моторе и начал изо всех сил грести к одинокому островку, который проплывал мимо. Он думал добраться до этого островка и там спокойно разобраться в неисправности.

Выгребать одним веслом против ветра и волн очень трудно. Медленно, толчками приближались нависающие над водой ветви деревьев. Буруны над подводным камнем Меркулов заметил поздно, да их и нельзя было ему сразу заметить среди толчеи, которую подняли волны вблизи островка.

Набежавший гребень приподнял лодку, наклонил ее и с размаху стукнул бортом о камень. Женька с зажатой в руке фуражкой от толчка вылетел за борт. Меркулов, не раздумывая, бросился в воду. У камня было мелко, всего по грудь, и он успел подхватить Женьку, который с вытаращенными глазами, не выпуская фуражки, болтал руками и ногами по-собачьи.

А лодка с Виктором, приплясывая на волнах, уходила в открытое озеро. «Унесет лодку,— мгновенно понял Меркулов,— захлестнет. Погибнет парень. Плыть за ним, догонять? А Женька?..»

— Прыгай! — закричал он Виктору.

Виктор стоял на носу. Лицо у него было не то, чтобы испуганное, но удивленное: «Зачем прыгать?»

Расстояние между лодкой и Меркуловым быстро увеличивалось.

— Прыгай сейчас же!..— страшным голосом закричал Меркулов.

Виктор зачем-то нагнулся в лодке, потом выпрямился и перемахнул через борт. Меркулов, волоча за собой Женьку, пошел к Виктору. А он и сам плыл навстречу. В одной руке у него были ранцы. Они еще не наполнились водой и держались на плаву. Оказывается, это за ними Виктор нагибался в лодке.

На островке под леденящим ноябрьским ветром мальчики разделись догола. Меркулов безжалостно растер их жесткими, царапающими ладонями, выжал одежду так, что она трещала в его могучих руках, и приказал:

— Оденься! И давай бегай, дерись! Ну!..

Островок был небольшой — с волейбольную площадку. Обомшелые гранитные валуны, десятка три деревьев — ольха, береза, осина, выбеленные дождями пни с корнями да камыш, нанесенный еще весенним половодьем.

Ветер продувал островок насквозь.

Меркулов стал раздеваться сам, поглядывая, как возились на валунах ребята. Вынул мокрые документы, деньги, часы...

Темнело. Вдалеке маячила в волнах черная точка. Меркулов узнал моторку. «Жива еще»,— подумал он. Достал папиросы, посмотрел и выбросил. А спички?..

Спички раскисли.

Жидкая коричневая кашица сползла с них. Сохранила свою головку только одна спичка, да и та приклеилась к стенке. Сдерешь — вся сера останется на коробке.

Меркулов во время войны служил старшиной на флоте. Бывал во многих передрягах. Даже тонул здесь неподалеку, в Ладожском озере, у острова Коневец. Но тогда рядом были моряки, братва. А как ему продержаться с этими юнцами? Хватятся их утром. Пока то да се — замерзнут ребята. Ноябрь...

Кричать — кто услышит? Плыть — разве в такой воде два километра проплывешь? Руки-ноги сведет. Сам потонешь, и ребята одни погибнут. Вот если бы костер развести, обогреться... У Теплой протоки живут рыбаки. Огонь увидят — поймут: несчастье!.. Кто будет торчать на этом островке по доброй воле? Не лето.

И вправду, было не лето. Повалил мокрый снег. Дальние берега и само озеро исчезли в мутной завесе. Лишь вокруг островка бесилась в камнях черная вода.

Огонь... Меркулов встряхнул коробок. Обернулся. Рядом стоял Виктор. Он пришел сказать, что Женька больше не хочет драться.

— Это, брат, плохо,— рассердился Меркулов.— Что значит не хочет, если приказано?

Он осторожно, прикрывая коробок от снега, отколупнул от стенки уцелевшую спичку, оторвал от спичечницы обе терки и положил все это себе на голову под шапку. Там было у него единственное сухое место.

— Сушить будете? — спросил Виктор.

— Буду.

Женьку нашли за камнем. Ветер крутился в валунах, обдавал холодом. Женька скорчился и дрожал.

— Ты что же? — сурово спросил Меркулов.

Женька поднялся, отворачивая лицо. Он плакал от холода и от обиды, что оказался таким слабым.

А Меркулов сделал вид, что не заметил его слез.

— Слушай мою команду! — сказал он ребятам.— Будем укрытие строить, навес. Тащи ветки. Бегом!.. Это, брат, первое дело — работать.

Снег валил и валил. Он сразу же таял. Но это было еще хуже. Камни покрылись скользкой холодной кашицей. Теперь не побегаешь, чтобы согреться.

Под навесом было сравнительно тихо и сухо.

Меркулов сидел, едва касаясь его спиной: еще продавишь ненароком!

Между коленями, прижимая к своему животу, он держал Женьку. Под левой полой пиджака примостился Виктор. Они сидели тесно — уж теснее нельзя. Мокрая одежда там, где они касались друг друга, согрелась, а ноги стыли. Сквозь навес, сквозь пиджак и свитер в спину Меркулова холодными иглами колол ветер. Меркулов чувствовал, как озноб прокатывается по его телу. Надо было бы пересесть — боком, что ли? Но он не хотел тревожить пригревшегося Женьку. Виктор молчал, не двигался, будто заснул.

Меркулов понимал, что он старается удержать дрожь, и думал: «Молодец парень! Ах, молодец!»

За Теплой протокой зажглось зарево. Это светились огни вокзала. Там жизнь... Мерку-

лов закрыл глаза и вдруг как наяву увидел теплый, пропахнувший карболкой зал ожидания. Что-то шумит... Не поезд ли? Нет, это волны хлещут в островок... И хлещут и хлещут. Конца им нет.

— Дядя? Слышите, дядя! — Меркулов очнулся. Виктор легонько толкал его в бок.— Может, высохла?

Меркулов горько вздохнул: «Может, высохла? Нет, не высохла».

— Потерпи, брат, еще рано,— сказал он Виктору и не узнал своего голоса. Голос был чужой, хриплый.— Тут надо наверняка. А то сырую чиркнешь и... Понимаешь?

— Понимаю,— прошептал Виктор.

— Я ничего,— забормотал Женька. Меркулов и Виктор думали, что он спал, а он, оказывается, не спал.— Я потерплю. Я пальцами все шевелю. Туристы говорят: зимой надо пальцами шевелить, а то ноги отмерзнут.

— Шевели, шевели. Это правильно,— похвалил его Меркулов.

Одна спичка!.. Вот от чего может зависеть иногда жизнь человека. Ну, высохнет. А если станешь зажигать, ветер дунет — и погасла? Да нет. Меркулов не новичок. Но ведь, сказать по правде, спичка-то какая? Сушеная. Это все надо принять во внимание.

Снег перестал. Туча унеслась за Олений остров и дальше на юго-запад, в чужие страны. Над озером проглянули звезды. Мокрый куст с налипшим с одной стороны снегом неприютно мотался над поблескивающей черной водой. Холодно...

Потихоньку, стараясь не тревожить ребят, Меркулов начал разбирать одной рукой заготовленный хворост. Он тщательно сортировал ветки. Тонкие — к тонким, сухие — к сухим. Но сухих-то по-настоящему не было. Он взял камышину и сломал ее. Только внутри она сухая, но эта пойдет. Вот береста — годится, но не сразу.

Ребята услышали его приготовления, встрепенулись.

Виктор поднялся и начал шарить под валунами.

— М-мох,— сказал он, заикаясь от холода. Губы у него одеревенели и плохо шевелились.— Он сух-хой... Попробуйте.

— Клади... в эту кучу.

Меркулов расщепил камышину на щепочки толщиной с иголку, сложил их шалашиком величиной немного побольше наперстка. Сверху положил мох, на него — щепочки чуть потолще, затем лоскутья бересты. Все это он делал медленно и аккуратно. Время шло.

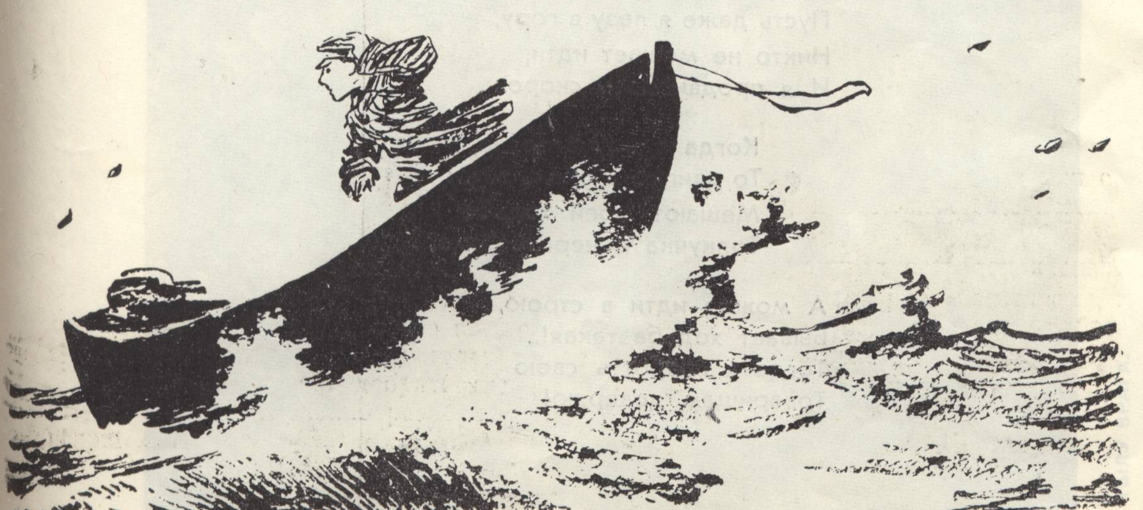
Подкладывать, когда загорится (загорится ли?!), он заготовил тонкие, ровные прутья и камыш. В другой куче были сучья, а в третьей — корни от пней.

— Ну, ребята,— сказал Меркулов, снимая шапку.— Ложись вокруг. Чтобы никакой ветер не дунул. Самим — не дышать.

Он еще раз проверил, не задувает ли где-нибудь, взял спичку и терку, поднес их к шалашику — и чиркнул...

Все видели, как под шалашиком вспыхнула головка. Но дерево спички было еще сырым — она погасла.

Лишь одна камышовая щепочка загорелась от вспышки. Меркулов замер. Робкий, жалкий огонек побежал по щепочке. Вот он встретил другую, подумал и хотел было погаснуть, но перескочил на нее, потом на со-

седнюю. Искры рассыпались по мху, занялась, скручиваясь, береста.

Меркулов подложил несколько прутиков. Женька и Виктор осторожно вздохнули.

Огонек набирал силу, превращался в огонь. От него пахнуло теплом и дымом...

Женька и Виктор подкладывали в костер хворост. Меркулов взгромоздил пень. С него закапала, засочилась вода, но это было огню не страшно.

Стало жарко, пришлось отодвинуться. От одежды шел пар. Ярко светились белые стволы берез и одинокие желтые листья на осинах. Летели подхваченные горячим воздухом искры и гасли высоко в черном небе.

Женьку разморило. Он сушил фуражку, надеялся, что она станет такой же, как была, новой, а глаза у него слипались. Тепло...

Меркулов сходил к тому месту, где он выбросил папиросы, нашел несколько штук, подсушил и с наслаждением закурил. Удивительно, как хорошо было возвращаться из холодной сырости к жаркому огню.

Виктор подтащил к свету ранцы, стал их разбирать — и вынул пироги. Они размокли. Но Меркулов сделал из сырых прутьев что-то вроде дырявой сковородки и сунул пироги в огонь. Дремавший Женька проснулся.

— Что,— спросил он,— пироги?

— Ага,— ответил Виктор.— Жареные.

Наевшись, они сидели вокруг костра, подставляя теплу то живот, то спину. Меркулов рассказывал про войну на Ладожском озере, про то, как чувствует себя человек, когда вокруг бомбят лед, и как человек все-таки идет вперед.

Женька слушал, слушал — глаза у него блестели — да и заснул на подстеленном меркуловском пиджаке.

Меркулов и Виктор остались беседовать вдвоем.

Бежали одна за другой невидимые волны, разбиваясь о камни островка, дул ветер, мокрые голые ветви берез тянулись сверху к костру.

Опускалась на землю ночь...

И вот среди ночи подошел к островку моторный рыбачий баркас с Теплой протоки.

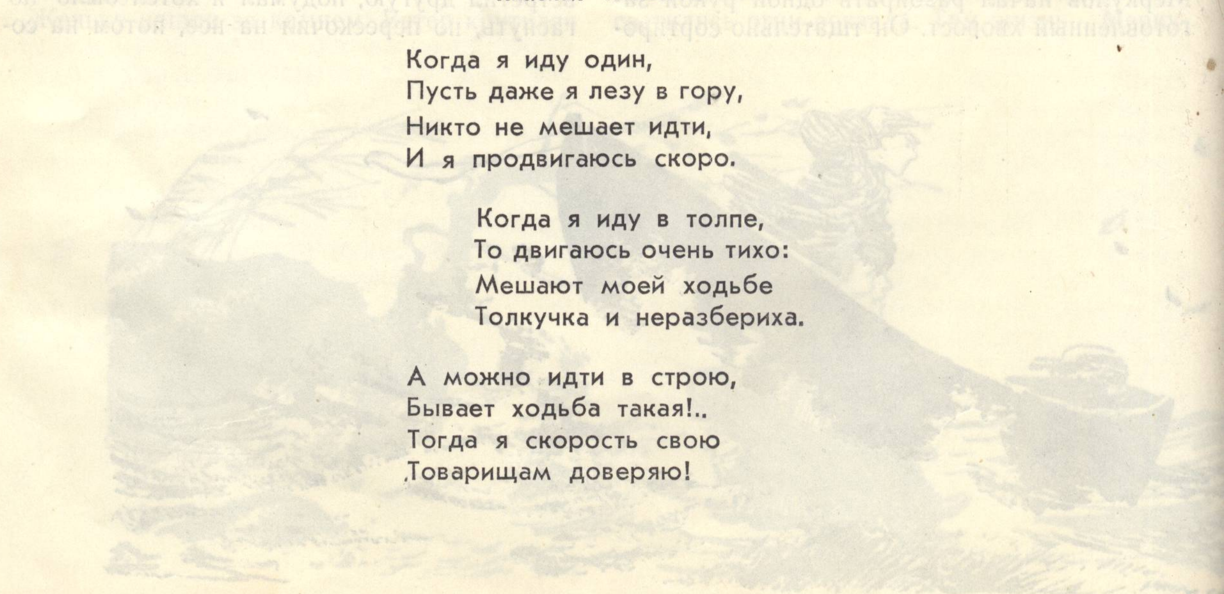
— Эй, на острове! — закричали с баркаса.

Меркулов растормошил Женьку, поставил его на ноги и скомандовал:

— А ну, прыгай на эту посудину, братва!

Хорошо идти в строю...

Николай ГЛАЗКОВ

Когда я иду один,
Пусть даже я лезу в гору,
Никто не мешает идти,
И я продвигаюсь скоро.

Когда я иду в толпе,
То двигаюсь очень тихо:
Мешают моей ходьбе
Толкучка и неразбериха.

А можно идти в строю,
Бывает ходьба такая!..
Тогда я скорость свою
Товарищам доверяю!

В ТЫЛУ ВРАГА. В. Хохрин.

УТРО НА ПРИВАЛЕ. А. Мазитов.

ПАВЛИК

П. ВЕРШИГОРА

Рисунки П. Кирпичева.

Случилось это на конференции сторонников мира. В большущем старинном зале собралось много народу. И рабочие, и ученые, и колхозники, и военные, и коммунисты, и беспартийные... И наш брат, писатель...

И вот заприметил я, что в другом конце зала сидит парнишка. Молодой, звездочка Героя на груди. И лицо знакомое. «Где-то,— думаю,— видел я этого парня...» А вот откуда я его знаю, никак вспомнить не могу. И, главное, он, на меня глядя, тоже улыбается. «Узнает, что ли? Кто ж такой?» — думаю.

Объявили перерыв. Публика валом повалила в фойе. Снова я этого парня приметного, с геройской звездочкой на груди увидел. Прохаживаемся мы и равнение друг на друга держим. «Нет, точно, знакомое лицо».

А потом думаю: «Да в чем дело?! Подойду, спрошу». И пошел я прямо на него. И он тоже ко мне навстречу шагнул. Прямо передо мной стоит, улыбается. Даже голову набок склонил. С прищуром на меня смотрит. Тут мне что-то блеснуло: «Эге, постой...»

— Слушай, парень,— говорю я ему.—Ты Павлик, или ты не Павлик?

— Конечно, я Павлик...

— Ну, здо-ро-во...

Обнялись, расцеловались.

Оказывается, это был мой лучший боевой друг. Летчик Герой Советского Союза Павлик Григорьев. Вижу я, дорогой читатель, как ты уже плечами передернул и критическая мысль у тебя в голове появилась: как же, мол, так? Лучший твой боевой друг, а ты его и не признал?! Что верно, то верно: не признал. Но, доложу я вам, критически настроенный мой читатель, в жизни все бывает. Такое бывает на войне, что ни в какие фабулы и сюжеты не влезает. Не узнал я сразу Павлика потому, что видел его за всю свою жизнь только один раз. И то ночью, у партизанских костров, на полевом аэродроме, вернее сказать, на посадочной площадке, где-то возле Беловежской пущи. А продолжалась эта встреча от силы каких-нибудь тринадцать—пятнадцать минут.

Случилось это в то время, когда войска Первого и Второго Украинских фронтов южнее Киева окружили крупную группировку немецко-фашистских войск и устроили им в районе Корсунь-Шевченковского второй «Сталинград». В это самое время наша Первая украинская партизанская дивизия действовала в Польше. Завершали мы четвертый по счету крупный рейд. Уже не в Карпаты прошли, а в Билгорайские леса. Оттуда — под Замостье, а далее, пройдя между Холмом и Люблином, под Бялу Подляску, в район Седлеца, поближе к Варшаве. Железную дорогу Варшава—Люблин—Львов мы из строя вывели на двадцать девять суток. Одновременно в один день взорвали на ней одиннадцать мостов. Может быть, это даже слишком громко сказано: мостов. Правильнее будет сказать: мостиков, мосточков. Но зато одиннадцать штук. Подряд. Каждый восстановить—раз плюнуть, а все вместе?! Вот тут и заковыка. Представьте себе: со стороны Львова и со стороны Люблина пустила служба пути два ремонтных поезда. Стали они ремонтировать одиннадцатый и первый мосты. Сутки ушли? Ушли. На другие сутки ремонтные поезда, через свои мостики прокатив, добрались до десятого и второго мостов; еще через двое — трое суток — до дезятого и третьего, затем — до восьмого и четвертого... Ну, а как до центра дойдут, так первый и одиннадцатый можно же и по второму заходу рвануть. Так что, хотя мосточки маленькие, а дорога все равно не работает.

Видимо, здорово за это на нас губернатор Франк разозлился, а может быть, и не только за это. На берегу Сана завод артиллерийский стоял, «Сталева

Воля» называется. Артиллерийские установки для фашистского фронта он выпускал. Заманчивая это была для нас штука — артзавод из строя вывести. Это ж тебе не мосточек взорвать: целый завод в воздух не поднимешь. Но нащупали наши разведчики у этой самой «Стальной Воли» ахиллесову пятку: завод стоит на западном, левом берегу реки, электростанция — у самого берега. Завод, конечно, охраняется, электростанция и того крепче — не подступишься. А вот правый — восточный — берег реки Сан фашистские вояки не охраняли.

Целую ночь пролежали наши разведчики на этом берегу напротив завода. Наблюдали, слушали, как он за рекой пыхтит, лязгает.

Засекли время смены караулов. На следующую ночь туда вышла вместе с разведчиками командирская рекогносцировка.

Река хоть и быстрая, но небольшая. Меньше сотни метров. А сразу за рекой электростанция завода синими огнями мерцает. Как бенгальский огонь, горят окна. Тихо на реке.

Разработали артиллеристы все данные. А на третью ночь подкатили мы на восточный берег Сана всю нашу партизанскую артиллерию в составе... двух пушек. Тихо установили их на прямую наводку, и после двенадцати ночи, как раз во время смены караула, ка-а-ак шарахнут по окнам электростанции! Больше полсотни бетонобойных снарядов и фугасных гранат. Ни один снаряд мимо не прошел. Все в электростанцию влепили. И завод перестал работать.

Из Варшавы, из Кракова потянулись эсэсовские полки; начались стычки, перестрелки, бои, окружения и налеты.

А раз бои,— значит, и раненые; да в каждой засаде и стычке — расход боеприпасов. Стали мы у Родины помощи просить: самолеты прислать, боеприпасами выручить, раненых вывезти. И вот, как сейчас помню, в ясный февральский солнечный день, часов в десять утра, прибегает в штаб радист. Подает командиру маленький узенький листок бумажки, ну, просто вроде небольшая писулька. Но в записке этой слов-то мало, а весу в них для нашей партизанской жизни много.

«Молния. Сегодня ждите самолет. Срочно сообщите координаты. Выкладывайте костры». И подпись: «Хрущев».

Мы ее не раз в расшифровках видели: первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины в те годы был членом Военного совета Первого Украинского фронта. Об этом все знают. Но была у него и третья нагрузка, о чем тогда помалкивали: партизанами руководить.

Получили мы эту радиограмму. Здорово обрадовались. Быстро координаты сообщили, площадку для приема самолета оборудовали и стали ждать. Вот только ждать пришлось недолго. Примерно в двенадцать часов, прямо среди бела дня, появились самолеты. Но не наши, а немецкие «хейнкели». Пошли они на бомбежку. А в час дня нагрянула на нашу оборону целая эсэсовская дивизия. Да еще с танковым полком в придачу. Видимо, оборону нашу немцы хорошо засекли: немецкие танки рванули на самый слабенький наш батальон. Был у нас такой, недавно сформированный.

Выправили там положение — на других участках началось. В общем, и не заметили мы, как темнеть стало. Казалось, бой идет не больше часа. Глянул я на часы — эге-ге-ге! Да мы больше четырех часов сражаемся! Уже смеркается.

Немецкие танки отошли. У нас все повеселели. Кто-то даже песню затянул. А песня эта со смыслом, для боевой обстановки самая что ни на есть подходящая. Поется она на известный мотив. Слова только немного перелицованы:

Ночка-а темна-а,
А я не боюся!
Проводи меня, Маруся!
Запряжем пятьсот саней...—

и дальше в том же духе. Одним словом, не песня, а целая статья устава партизанской тактики... Если бы такой где-нибудь на свете существовал.

И значила эта песня вот что: как только стемнеет, построится колонна на пятьсот саней; выскочит вперед разведка, еще днем щупавшая бреши в расположении врага; ужом выползет колонна и отмахает за ночь километров шестьдесят... Оторваться от противника! Вот в чем смысл этого маневра. И все партизаны его знают. Но не все это так просто, как рассказывается. Начштаба так говорил по этому поводу:

— Для того чтобы проскочить, надо выскочить. А для того чтобы выскочить, надо оторваться. А для того чтобы оторваться, надо прикрыться.

Вот для этого и существовал еще один партизанский маневр, который так и назывался: «Ванька да Петька изображают из себя батальон...»

Что это значит? А вот что. Выделяется несколько бравых хлопцев. Остаются они на месте обороны батальона с гранатами, пулеметами, ракетницами, костры раскладывают. Но не зажигают их пока что. Ждут команды «отход». Тщательно маскируясь, отходят назад к строящейся колонне батальона. А минут через десять — двадцать Ванька да Петька и еще два Кольки в придачу быстро разжигают костры и сразу ползут в сторону; с укрытий швырнут ракету, и снова перебежка; затем несколько очередей из пулеметов и автоматов. Противник по кострам мины кладет, а ребята опять перебежку и гранаты. Словом, шум создают, впечатление, что партизан не только не меньше, а, пожалуй, и побольше стало; что они не только крепко в обороне сидят, а, чего доброго, и в наступление собираются... Вся цель этого маневра в том, чтобы время оттянуть, пока колонна главных сил наших построится. Не дать противнику в тот момент, когда оборона ослаблена, нанести удар. А затем по общему сигналу «отходи с застав» в последний раз — ура, гранаты, очереди из пулеметов — и бегом назад, туда, где в укрытии за скирдой или на опушке леса, на развилке дорог ждут оседланные кони. Галопом два — три километра проскакали, в хвост колонны пристроились и шагом едут, посмеиваются.

— Дело сделано. Можно и закурить! Тихонько, из рукава.

Так оно было и в эту памятную ночь. Как по расписанию. Но только не до конца... И батальоны наши с обороны отошли, и колонна построилась, и Ваньки с Петьками уже свой маневр на разных секторах обороны учинили, и в голове колонны шорох пошел, партизанские кони-трудяги по привычке зашевелились. Пора команду «марш-марш» подавать. Но в это время подбегает к штабным саням радист и подает вторую шифровку.

— Только что принял, товарищ комдив!

Развернул ее командир дивизии и за голову схватился. В бумажке той всего три слова: «Самолет вылетел, встречайте...»

— Отменить приказ на движение? — с готовностью спросил начштаба.

— Поздно. Оборона снята. На месте застав — фашисты.

— Да и голова колонны уже двинулась.

Поглядели вперед, уже и центр колонны впе-

ред пошел. Ритм марша охватил всю многотысячную колонну. Все устремились вперед. Только трое: командир, замполит и начштаба — долго стояли и думали. Все искали выхода.

— Прилетит?

— А кто его знает... Ведь как бывает: вылететь-то вылетел, да не прилетел.

— На это не надейся... Это когда ждешь его, костры выкладываешь, тогда не дождешься. А сегодня обязательно прилетит.

— Так что же делать все-таки?

— Пока что со всеми двигаться.

Вскочили они на коней. Стали обочиной обгонять колонну. Задерживались возле командиров полков и батальонов. Говорили с ними о самолете. Искали выхода. Колонна уже выползла из вражеского тактического кольца. Через час вышли на оперативный простор. Кругом польские деревушки — вески — спят, как зачарованные звездными далями Млечного пути. На рысях пошли лошади по легкому морозцу. А мы мчимся и думаем, думаем... Уже километров пять проскакали. И вот тут, как часто бывает, когда целый боевой коллектив объединен единой мыслью — как взять возникший на пути барьер,— вдруг сразу блеснул просвет. Не помню, кому первому эта мысль пришла в голову, но с двух слов все ее поняли:

— Принимать на ходу!

— А ведь верно. Конечно, на ходу!

Эх, принимали мы самолеты на льду Князь-озера, на лугах заливных у Припяти, на лесных полянах в Полесье, на клезерищах Брянщины и на полонинах Карпат!.. Но еще никогда не принимали на ходу.

Но на войне этого мало, чтобы возникла правильная идея. Ее надо еще организовать. Рассчитать все. Но все же... Была бы только правильная идея, а уж остальное мы умели. Привычка, тренировка, ремесло. Сразу же на широкие розвальни легли животом вниз командиры. Расстелили карту, накрылись с головой плащ-палаткой, зажгли фонарики, стали по карте шарить... Мы знали, что самолет из-под Киева летит. Значит, долетит он до района Вислы около полуночи. За это время колонна, на северо-запад двигаясь, пройдет километров семнадцать — двадцать.

И сразу представился уже летящий где-то самолет. Может быть, пересекает он сейчас линию фронта. Надо думать, рассчитывать!..

— Так... К цели подходить будет он на большой высоте...

— Конечно. Если дать ему опознавательные сигналы светом, посильнее, увидит он нас?

— Точно... Чин чинарем, увидит.

— Но как же ты сигналы дашь? Когда? Как нам его услышать в те считанные секунды? Прогудит южнее нас на пятнадцать — двадцать километров, и поминай, как звали.

И вот для того чтобы не прозевать далекий гул самолета, по бокам колонны решили выслать слухачей. Самых молодых с самым острым слухом ребят. Задача — не пропустить самолет. Сразу же о нем дать знать колонне...

— Теперь второе: сигнал.

— Что у нас сегодня?

— «Конверт»,— сказал начштаба, прозерив для верности таблицу кодов.

Опознавательный сигнал в ту ночь был так называемый в партизанской жизни «конверт»: четыре костра по бокам, пятый — печать называется,— самый большой, посредине.

— «Конверт»,— задумчиво сказал комдив.— И должен «конверт» сразу вспыхнуть... Как только слухачи о самолете весть подадут. Сразу же за моими санями пустить пятеро саней... Доверху набить сухим сеном и соломой. А поверх соломы чтоб сидело

по паре хлопцев. И в руках чтоб они держали по два пол-литра с бензином! Чтоб сразу сильную вспышку из пяти костров создать. Понятно? А ракетницу я сам возьму.

Вот как все рассчитали.

И вы знаете, получилось! Все вышло, как по расписанию. Вот что значит правильная идея и правильная организация.

Действительно, около двенадцати ночи орет кто-то из слухачей, словно его режут:

— Слы-шу-у... гул... самоле-ета!.. Летит!..

— А кто... летит-то?

— Не знаю... гудит, и все!..

И сразу с командирских санок в ночное небо взвились ракеты. Тут же вспыхнули пять костров. Движущихся. На ходу они образовали «конверт».

Самолет изменил курс, повернул поближе, прошел сбоку нас на большой высоте.

— К Висле ушел, на запад. Наверно, герман,— рассуждает вслух замполит Солдатенко.

Но самолет над Вислой сбавил высоту и стал разворачиваться. В это время командир шестой роты, товарищ Деянов Иван Ильич, от костров жалобным голосом кричит:

— Товарищ командир! Потери имею!

— Какие могут быть потери? Врага вблизи нет. Ни одного выстрела, кроме ракетниц.

— У лошадей хвосты сгорели под корешок...

— Руби постромки, бросай сани... Пускай горят.

— Да уже отрубил. А хвосты сгорели...

Но тут не было у нас времени эту проблему обсуждать. Самолет уже зашел на второй круг.

Помигали мы ему зеленым и красным фонариком. Он ракетой нам ответил.

— Значит, свой,— облегченно вздохнул замполит.— Заходит на третий круг.

По третьему разу, когда самолет над кострами проходил, вдруг видим: прямо над кострами, подсветившими снизу жиденькие молочные облака, в небе вспыхнули три светленьких пятнышка.

— Бросил, бросил!..— закричали сотни голосов.

Колонна проходила в это время через небольшую польскую веску — деревушку. Веска была маленькая, лесная, заброшенная. Народ спал. Колонна проходила тихо. Приказ был: в хаты не заходить. Ни одна собака не брехала: не было собак в тех краях на сотни километров. Не знаю, чем не угодили бедные собаки губернатору Франку или, может, и самому Гитлеру? Но только был наложен на собак такой налог, что пара лошадей стоила дешевле, чем одна собака.

Народ спал. Может, и не заметил бы никто нашего марша. Но когда в самой деревушке стали мы самолет принимать, ракеты, костры, ржание лошадей, крики партизан, конечно же, всех разбудили. А кроме того, парашюты надо было срочно подобрать. Пока они в воздухе, их видно. А упадет белый парашют на белый снег, его до утра не доищешься. Вот почему, пока еще парашюты не приземлились, Деянов к каждому двух — трех бойцов посылал: «Беги наперерез! Руками его хватай!» И бегут деяновские хлопцы напрямки, голову в небо задравши: забор — не забор, улица — не улица, хата — не хата, под ноги совсем не смотрят, главное, свой прикрепленный парашют не упустить. Одним словом, гаму и треску порядочно. Народ проснулся. Стали в окна выглядывать. А кто полюбопытнее — и во двор вышел. Из хаты, возле которой я стоял, вначале древняя старушка вышла. А следом за ней высокий такой старик в кожухе, накинутом на плечи, показался.

— Не бойся, батя,— говорю,— мы недолго шуметь будем. Скоро уйдем. Еще выспитесь до утра.

Старик помалкивает. А старуха крестится и деда своего что-то пытает. Тот авторитетно так заявляет:

— Ух ты!.. Не иначе как большевики. Прямо с конями и санями с самолета прыгают...

Не стал я того старика отговаривать. Мало ли что спросонья человеку показаться может? Пускай себе думают, что вся эта орда ночью с самолета прыгнула. Завтра будет идти по нашему следу фашистская разведка, может быть, и на этого старика набредет. Расспрашивать будет. Все ж таки своими глазами человек видел. Вот пускай он и расскажет, что у нас даже кони и санки прыгают ночью прямо с самолета.

Пять разворотов еще сделал самолет над нашим «конвертом». Вспыхивали в небе светлые кружочки, разрастались в большие купола парашютов, приближаясь к земле. Четырнадцать мешков сбросил самолет. Быстро собрали деяновские орлы мешки, кинули их на санки, не распаковывая. Последний, шестой, круг сделал самолет. Покачал нам крылышками, взял курс на восток и улетел.

И сразу команда:

— По ко-оням!..

Рванули мы ходом, наверстывая упущенное время. До рассвета прошли на рысях километров сорок пять. И только когда среди болот и лесов запутали основательно след, расположились на дневку. Здесь и стали распаковывать парашютные мешки. Содержимое обыкновенное: гранаты, патроны для бронебоек и автоматы, мины разных калибров и разного назначения, медикаменты, газеты, письма от родных. Но, кроме всего этого знакомого содержимого, была еще в каждый мешок вложена записка. Обыкновенный листок, вырванный из фронтового блокнота.

На нем торопливо, иногда прорывая карандашом бумагу, неизвестные нам товарищи писали на коленях или планшете слова фронтового привета:

«Боевой привет партизанам глубокого тыла! От партизан воздуха».

«Бейте гадов-фашистов метко и крепко! Патроны доставим! Взрывчатку — тоже!..»

«В бой, хлопцы-ковалевцы! До полной победы над врагом. Боевой летный привет и пожелание скорой победы!»

И под каждой из четырнадцати записок была одна и та же подпись: «Экипаж летчика Павлика Григорьева». Так и подписался он: «Павлик».

С этого и пошло это имя на полный ход.

— Вот так Павлик!..

— Надо бы ему, этому Павлику, благодарность партизанскую. По радио...

Понимая значение боевой дружбы, командование дивизии сообщило на Большую землю:

«Мы благодарим Центральный Комитет Компартии Украины за своевременную помощь. Сообщаем, что экипаж Павлика Григорьева в сложных условиях выполнил боевое задание. Мы просим вас передать благодарность всех бойцов и командиров нашей дивизии Павлику и его экипажу...»

В ответ пришла шифровка:

«Сегодня к вам снова будет Павлик. Давайте координаты, выкладывайте костры...»

Подпись была та же самая. Секретарь ЦК, видно, под личный контроль взял руководство нашим рейдом.

И Павлик снова прилетел.

Потом была и такая радиограмма:

«Три — четыре дня Павлик летать не будет. Маневрируйте сообразно обстановке...»

А затем:

«Сегодня к вам снова будет Павлик. Меняйте костры. Встречайте после полуночи».

И пошло и пошло.

Может быть, уже и не Павлик к нам прилетал, а какой-нибудь Гриша, или Родион, или Соломон. Но радисты все твердят: Павлик, Павлика, Павлику. Это имя стало уже не именем определенного человека, а фронтовым кодом: обозначением нашего

дорогого друга — авиации. Сама собою и хитрость партизанская из этого вышла. Если бы даже и умудрилась вражеская служба подслушивания как-нибудь перехватить эти радиограммы и расшифровать их, все равно ничего понять было бы нельзя: шляется по белому свету какой-то Павлик. Словно парень к девчатам на вечерку. Вот и все...

Долгих полтора месяца шли мы маршем по Польше. Меняли сани на телеги. Переходили вброд реки. Штурмовали железки. Пускали под откос поезда. Сошли бурными водами Буга и Вислы снега. Почернела земля, озеленились луга, подсохли поляны. А там и грунт потвердел, можно принимать грузовые машины на полевых аэродромах. И уже где-то под Беловежской пущей в мае была получена радиограмма, и подпись та же самая...

«Сегодня к вам будет Павлик... Собственной персоной».

«Собственной персоной» значило, что наконец услышало командование наши просьбы: прилетит Павлик к нам не просто с выброской, а с посадкой. Осмотрели мы лесную поляну, избранную под аэродром. Подровняли, утрамбовали, очистили от неровностей и пеньков и оставили Деянова с его знаменитой ротой дежурить.

А когда в полночь, сопровождаемые взводом конной разведки, подъехали командиры к нашему лесному аэродрому да глянули на девять костров, вытянутых среди серебряной прозелени апрельской листвы и травы-муравы в прямую линию вдоль поляны (десятый костер, сбоку, давал «ворота»), у многих сердце похолодело: уйма народу, все свободные от караулов и сторожевой службы, движимые каким-то непонятным любопытством, приперлись на аэродром. И все толкутся у костров!

А Павлик вот-вот прилететь должен. Ну, тут размышлять нечего.

— Всех с поляны долой! Галопом!

Проворонь мы еще минуток двадцать, не обойтись бы без аварии.

А Павлик уже тут как тут! Летит! Выскочил прямо из-за леса. Думали, он, как положено, на бреющем вдоль костров пройдет, прожекторами посадочное поле осветит, а затем уже вторым заходом — на посадку. А он из-за леса выскочил и возле первого костра сразу и плюхнулся. Не успели мы оглянуться, он уже возле последних костров выруливает. Ну, тут из леса толпа народа к машине бросилась. Только люки открылись, и из них летчики в комбинезонах вышли, такая каша пошла! Вроде четыре водяных буруна. Это партизаны летчиков стали качать.

— Я в этой круговерти сразу командира ихнего узнал! — смеется Солдатенко.— Он два—три раза только дал себя подбросить. А потом как гаркнет: «Команда сми-и-рно!» Все руки по швам взяли, чуть не убился, чин чинарем.

В это время и Павлик из толпы выбирается.

— Командир дивизии здесь? — спрашивает.

— Здесь, здесь! — отвечают сотни голосов. И снова его обступают.— Ты Павлик? Ты Павлик? Кто Павлик? Ох, и парень мировой! Я тебе подарок давно припас. Бери, бери, не стесняйся!

— Какой подарок? Что этот голодранец-партизан летчику подарить может? — спрашивает комдив замполита.

— Оказывается, может! — хитро так засмеялся Солдатенко.— Почти каждый на аэродром подарок принес. Какой? Ну, конечно же, трофейный пистолет!

А Павлик уже подходит к тому костру, около которого командиры стоят. Еще издали можно было определить настоящего, дисциплинированного офицера. Идет он быстрым, четким шагом.

— Парень, видать, гвоздь! — сказал Солдатенко.— Идет, как положено. Я так понимаю: хочет он подойти с рапортом.. . Давай принимай, чин чинарем.

Это у замполита Солдатенко присказка такая была: чин чинарем...

Стоят они, командира знаменитого корабля разглядывают.

— Интересно все-таки, что за орлы к нам летают,— говорит Солдатенко.

А когда Павлик к костру повернулся, так все и ахнули. Стоит перед ними мальчишка лет девятнадцати. На верхней губе и намека на усы нет.

— Сколько же раз вы в тыл врага вылетали? — вырвался у комдива вопрос.

— Сегодня шестьдесят второй.

— Чего? — не разобрал Солдатенко.

— Шестьдесят второй вылет в тыл врага,— отвечает Павлик.

— А-га-а-а,— с уважением протянул замполит.— Комсомолец?

— Кандидат партии.

— Юнец-то юнец, но только по виду. А ведь на самом деле это уже старый воздушный волк, сто двадцать три раза перелетевший линию фронта. Так? А сейчас поднимется и перелетит сто двадцать четвертый,— сказал задумчиво комдив.

Тут подбегает к Павлику кто-то из его экипажа. Видимо, штурман. И возмущенно ему шепчет:

— Да что они в самом деле, товарищ командир корабля! За барахольщика меня принимают?! Не позволю!

Павлик тактично так повернулся и, поклонившись командирам, отошел с подчиненным шагов пять в сторону. А тот кипятится, из карманов трофейные пистолеты таскает и швыряется ими.

— Я думал, они просто так. Из уважения. По собственной инициативе... А тут получается вроде взятки...

— Какая взятка? — строго спросил Павлик.

— Да раненых в машину перегрузили. Каждый своего дружка без очереди норовит пропихнуть. Грунт песчаный, взлет тяжелый... А они все грузят.

— Сколько раненых?

— Уже двадцать семь погрузили.

— Шестерых снять! Больше двадцати одного пассажира не поднимем,— отдал приказание командир корабля.

Штурман побежал к машине выполнять приказание. А через минуту главврач партизанский мелким бесом подскакивает, командованию козыряет:

— Товарищ командир корабля, меньше никак нельзя. У раненых гангрена началась... В ближайшие часы в госпитальных условиях им операция необходима. Иначе гибель.

Посмотрел я на Павлика. Он задумался. А затем комдива тихо спрашивает:

— Врач правду говорит?

— Правду.

— Хорошо. Возьму еще трех. Двадцать четыре пассажира! — громко крикнул он экипажу.

— Вы подумайте, товарищ летчик. Вашего прилета так ждали раненые! А какие это люди? Орлы!.. И вот дождались... Уже в самолет попали. Полежали в нем несколько минут, а теперь — обратно. Тут и у здорового человека нервы могут не выдержать...

Павлик оглядел поляну, что-то в уме высчитал.

— Можете в мое распоряжение человек двести выделить?

— Да бери хоть все полтысячи! — говорит комдив.— А зачем они тебе?

— Пойду коммунистов и комсомольцев организую,— сказал замполит.— Дело серьезное... Чтобы все было чин чинарем. А какая их задача будет, товарищ летун?

— Направляйте их в конец поляны... На старт. Пусть мне помогут машину с места сорвать. Чтобы сразу разбег взяла. Понятно? Попробуем поднять всех ваших двадцать семь.

Объяснил замполит хлопцам задачу. Народ в конец поляны отбежал. На старте желающих толкать машину набралось много.

Отбуксировал Павлик машину. Смотрим, грузно идет она по песчаному грунту.

А когда машина развернулась, партизаны по сигналу Павлика облепили ее с боков и хвоста, как комары! Взвыли моторы. Поднатужились хлопцы: «Вперед! Вперед! Ура-а!!!» Сорвали с места легко. Побежала машина по полю. Люди поотстали.

Машина по полю ползет, моторы ревут. Уже половина костров позади осталась, а разбегу настоящего все нет. У костров, выстроившись в одну шеренгу, человек с полтысячи народу стоит. Приседают все, руками, словно на коршуна, машут, снизу вверх, помогают: «Акиш-киш! Поднимись же! Ну, оторвись от земли!..» Но самолет уже последний костер пробегает, а колеса от земли никак не оторвутся.

— Эх, каюсь, что Павлика уговаривал! — говорит хирургу комдив.— Угробится машина.

Тот и сам бледный стоит, руки у него трясутся. За последним костром каких-нибудь метров триста — и лес дремучий. Стеной стоит! Прямо на лес машина по земле мчится. Колеса от песка все не оторвутся никак. Но уже разбег взяла крепкий. Вот-вот врежется с ходу в столетние сосны. Ревут моторы, как гитарные струны.

Перед самым лесом все же оторвал машину от земли Павлик. Над самыми верхушками вековых сосен прошел. И сразу скрылась из глаз машина. Только кроны деревьев в том месте закачались. И гул сразу пропал.

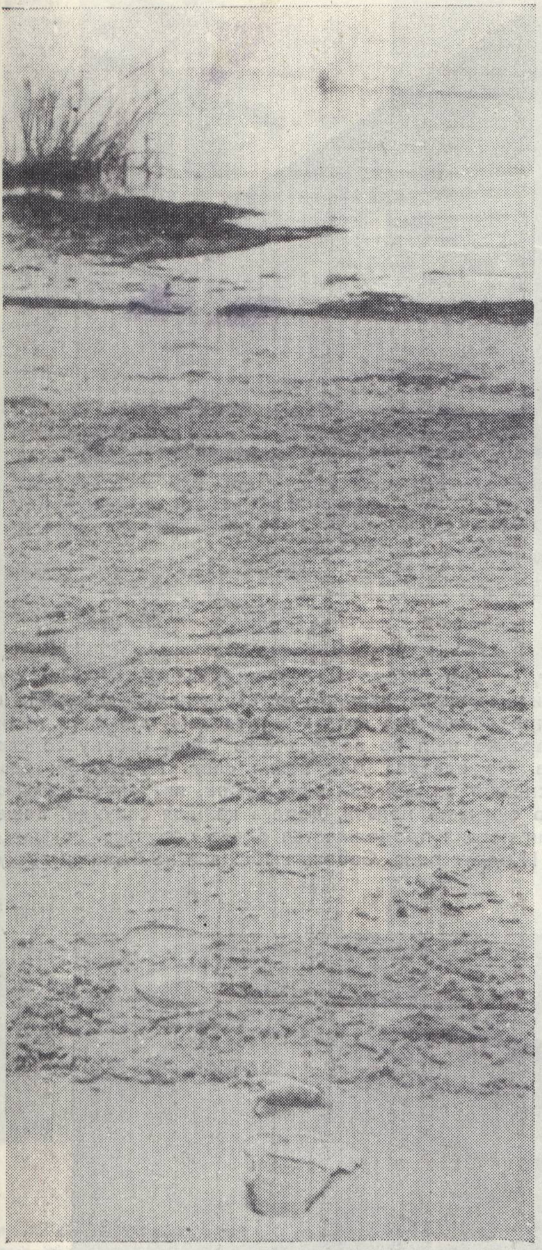
Замерли все на аэродроме. Вот секунда, три, пять. Не раздастся ли треск ломаемых деревьев, вой моторов, врезавшихся в землю, грохот взрывающихся баков?.. Нет, не слышно. А еще через несколько секунд, в вышине уже, метров на триста левее, на развороте весело загудели моторы Павлика.

— Разворачивается! На юго-восток, до Киева! — крикнул Солдатенко.

И сразу в воздух полетели шапки.

А Павлик уже улетел. И больше я его не видел до конца войны. И после победы как-то не приходилось.

И вот — встреча. Разве не с другом встреча?

НА ЗАСТАВЕ У МОРЯ

Подполковник В. ВИРЕН
Фото капитана В. Гжельского.

Если бы кому-нибудь вздумалось обойти по границе вокруг Советского Союза, ему потребовалось бы несколько лет на такое длительное путешествие. И если бы такой путешественник нашелся, он стал бы и альпинистом, и моряком, и даже летчиком, потому что на границе есть места, где можно только пролететь по воздуху...

Разные страны окружают нас. Одни относятся к нам дружественно, ведут с нами торговлю, обмениваются делегациями, другие смотрят на нас исподлобья, враждебно, засылают на нашу территорию шпионов и диверсантов.

На всем протяжении границ Родины расположены пограничные заставы, где служат смелые, отважные люди. Там борьба с врагом никогда не кончалась. Она идет каждый день, каждый час — «граница не ведает сна».

Пойдемте с нами на Н-скую заставу и посмотрим, как живут пограничники. Сама застава — крепко сколоченный одноэтажный дом и несколько пристроек — напоминает мирный сельский двор: в пожелтевшей траве воркуют голуби, на конюшне нетерпеливо перебирают ногами лошади, в небольшом помещении за проволочной сеткой сидят собаки.

Войдем внутрь дома. Это казарма. Странный здесь распорядок дня: люди спят днем, едят ночью, физзарядкой занимаются вечером. Беспрерывно, несколько раз в сутки люди уходят в засады, секреты, дозоры...

Погранзастава, на которой мы находимся, расположена у моря. Между берегом и лесной опушкой, тесно примыкающей к морю, тянется контрольно-следовая полоса. Для человека неискушенного это просто вспаханная полоска земли — того и гляди, начнут проглядывать зеленые всходы. На самом деле полоса сделана для того, чтобы след нарушителя был более заметен. Правда, враги пытаются перепрыгнуть через нее с шестом, проходят в сандалиях, копирующих след коровы, или берут на руки одного — двух человек, а то идут след в след: пускай, дескать, думают, что границу нарушил один человек... Но все эти довольно наивные хитрости давно известны пограничникам. По очень тонким, едва уловимым признакам и приметам они определяют точно, кто и куда шел...

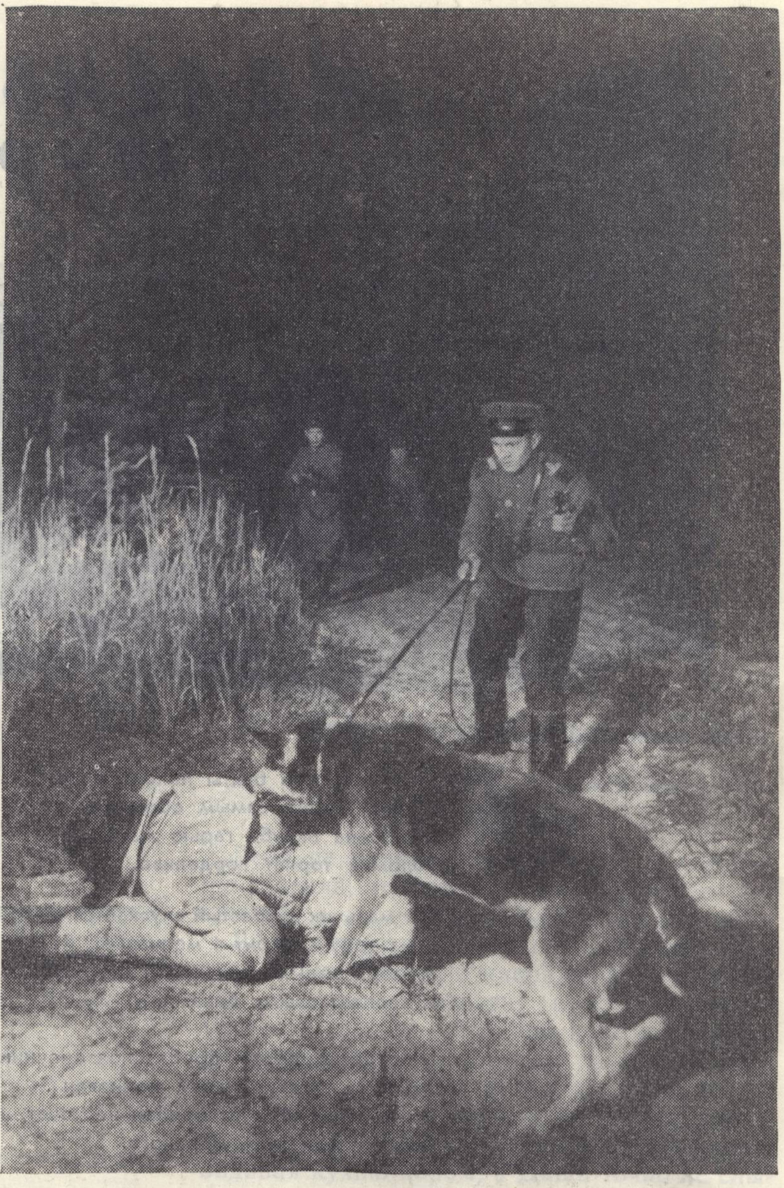
Взгляните на первый снимок — четко отпечатались здесь следы нарушителя границы... Первым заметил их рядовой Олькин, просматривая на рассвете контрольно-следовую полосу. Олькин подбежал к большому дереву, быстро извлек из его дупла телефонную трубку и сообщил о случившемся на заставу.

Тревога! Пограничники с оружием в руках выбежали во двор, на построение. И вскоре они были там, где Олькин заметил следы. Следы шли к овра-гу, на дне которого течет небольшой ручей. Нарушитель ушел далеко, очень далеко: специалисты определили, что следы двухчасовой давности. И он нарочно шел по воде, чтобы сбить собаку со следа. Но овчарка Дик взяла след. Проводник едва успевает за ней. Он весь взмок, забрызган грязью. Но отдыхать нельзя, дорога каждая секунда! Бешеная погоня продолжается около получаса.

И вдруг река. Собака выбежала на берег и заску-

лила... Длинными шестами солдаты пригоняют к берегу рыбачью лодку. Первой прыгает собака, за нею люди.

И снова преследование — уже на другом берегу. Враг попался опытный, хитрый. В одном месте он надел галоши, а через некоторое время разбросал их в стороны. Собака сбилась. И долго рыскала по кустам и ельнику. Кроме группы с собакой, на поиск вышли и другие пограничники. Они идут наперехват врагу по тем дорогам, куда он неминуемо должен выйти.

Темнеет...

Успеют ли пограничники до ночи задержать нарушителя? Собака рвется с поводка и тихо повизгивает... Теперь она уже узеренно ведет проводника. На поляне промелькнула фигура бегущего человека. Наконец-то! Собаку спускают с ремня. В несколько прыжков Дик настигает нарушителя и валит его с ног...

Вы спросите, дорогой читатель: а как все это удалось заснять? Разве фотограф сидел с Олькиным или вел преследование вместе с пограничниками? Конечно, вы будете правы в своих сомнениях. Снимки сделаны на боевых учениях заставы, там, где недавно вот так же был задержан настоящий преступник.

Надежно охраняют воины границы нашей страны, наш мирный труд, наше счастье.

★

Маленький штурман

Шалва АМИСУЛАШВИЛИ

Рисунки В. Цельмера.

Близ Адлерской бухты покоится судно,
У скал, перед самым обрывом.
Закопчена палуба гарью мазутной,
Обломки торчат горделиво.

Вот мальчик вихрастый спускается с кручи
И на воду смотрит в молчанье.
А море вздымается пеной кипучей
И хлопает злыми бичами.

И кажется, волны дробят позвоночник
Эсминца, что к скалам прикован...
Но мальчик уйти от прибоя не хочет,
Стоит среди гула морского.

Швыряет он камешки в бурную воду,
Где волны, зверея и горбясь,
Торпедами пенными ломятся с ходу
В стальной несгибаемый корпус.

О море, довольно буянить и злиться,
Твой гость не такого достоин!
Отец его, штурман, на павшем эсминце
Сражался и умер, как воин.

Ты дай мальчугану окрепнуть немного —
Вернется он штурманом скоро.
И новым судам он проложит дорогу
В твои штормовые просторы!

Перевел с грузинского
Я. Аким

МАТЬ и СЫН

Рассказ Михаила **КОРШУНОВА**

Рисунки Б. Винокурова.

I

В коридоре стоит мать в сереньком платье, в темном шарфе и прижимает к груди веточки буксуса.

Сына рядом нет: он с утра убежал из дому.

Мать одна уходит на кладбище. Она понимает, что Лене на кладбище будет тяжело и страшно, поэтому и уходит одна: заслоняет собой сына.

Два дня назад Леня утром провожал отца до газетного киоска. В киоске отец купил свежий номер журнала по радиотехнике, сунул в карман плаща, помахал Лене кепкой, и они расстались: отец отправился на работу на завод электромоторов, а Леня — в школу.

Когда Леня вернулся из школы, ему поспешно открыли двери.

Но это была не мама, хотя на фабрике она сегодня не работала, а Даша из соседней квартиры.

Леня не удивился, что Даша у них: она часто приходила к маме выкурить папиросу, потому что при своей маленькой дочке курить она не хотела.

Леня не удивился даже тогда, когда Даша сказала, что ждет Леню: ведь у него нет ключей, а маме понадобилось срочно уйти.

Леня поверил. Но будь он повнимательнее, он бы заметил и напряженное лицо Даши, и мамину перчатку в углу у порога (значит, мама ее обронила и не искала), и разбросанные на тумбочке возле кровати старенькие, потертые шпильки: мама не заколола волосы, а только накинула шарф. И на плите в кастрюле громко кипела вода, обдавая кухню паром, а Даша точно не слышала, занятая папиросой.

Леня ни на что не обратил внимания. Он привык, что в семье всегда спокойно и устойчиво. Его любили, о нем заботились. И он тоже любил, а единственной его заботой было сдавать экзамены из класса в класс.

Он привык, что по вечерам в квартире фонили динамики, трещали разряды конденсаторов, хлопали переключатели: отец увлекался радиотехникой и непрерывно что-нибудь строил и испытывал.

В штепсельных розетках частенько сгорали предохранители, и тогда пахло горячей резиной. Или вдруг становилось опасным прикасаться к радиаторам парового отопления и водопроводным трубам: начинало тря-

сти электрическим током. К запаху горячей резины иногда примешивался запах соляной кислоты и канифоли — это от паяльника.

Недавно отец решил сконструировать свой звукозаписывающий аппарат — не магнитофон, а шаринофон. Звук должен был записываться сапфирным резцом на кинопленку.

В работе над шаринофоном помогали мама и Леня.

Мама смывала с пленки эмульсию, а Леня на специальном станочке резал пленку на две полоски.

В квартире появился новый запах — запах ацетона. Отец склеивал ацетоном пленки, если они случайно рвались при звукозаписи.

Леню увлекали опыты с шаринофоном. Он мог час за часом сидеть с отцом в наушниках, контролировать, как идет запись «с эфира», снимать пинцетом стружку, которая выбивалась из-под сапфирного резца, рассматривать сквозь увеличительное стекло звуковые бороздки на пленке — достаточной ли они глубины и какова сила звука, модуляция.

А сколько было радости, когда проигрывали очередную опытную пленку и запись на ней получалась вполне понятной!

Если играла музыка, то можно было догадаться, что это играет музыка.

Если кто-то пел, то можно было догадаться, что все-таки пел, а не стонал или кашлял.

Иногда среди ночи отец будил маму и просил сказать что-нибудь в микрофон, который он приносил на длинном шнуре, а сам бежал к шаринофону и следил, как идет запись «с микрофона».

Мама сонным голосом «давала счет» или читала газету.

Отец вскоре прибегал с проигрывателем и запускал пленку, чтобы мама послушала свой голос.

Она слушала и улыбалась. В проигрывателе сквозь шипение бамбуковой иглы едва звучал ее голос. Но по голосу можно было вполне догадаться, что мама не пела и не стонала, а читала газету и что она не кашляла, а «давала счет».

Так было недавно. Так могло быть и сегодня, и завтра, и послезавтра, если бы в тот день не зазвонил телефон.

К телефону поспешила Даша. У Лени это опять не вызвало никаких подозрений, хотя Даша ответила в трубку: «Да, это я»,— будто ей часто сюда звонили.

Леня в это время потушил газовую плиту, чтобы вода в кастрюле перестала наконец кипеть.

Даша по телефону больше молчала или говорила односложно. Вдруг она сказала:

— Он уже дома. Вы хотите сказать ему сейчас? Хорошо, я его позову.

Леня подошел и взял трубку.

С тех пор прошло два дня.

Отец умер в городской больнице. Его привезли туда на «Скорой помощи». Но было уже поздно: развилась острая сердечная недостаточность, которая и привела, как сказали врачи, к внезапному летальному исходу — к смерти.

Леня закрывал глаза и видел отца у газетного киоска в распахнутом плаще, с журналом в кармане, с кепкой, зажатой в руке.

В эти дни Леня думал о себе, о своем горе.

О матери Леня не думал, точно забыл, что она тоже одна со своим горем.

К ним в дом приходят люди с завода, товарищи отца по армии, соседи. Но какие бы хорошие люди ни приходили, это горе они не унесут, оно останется. И будет с ними — с Леней и с матерью.

II

Леня вернулся домой, но никого уже не застал: уехали на кладбище.

В квартире было непривычно грязно: полы затоптаны, в пепельницах полно окурков. Стулья и диван завалены бельем, подушками, одеялами. В письменном столе выдвинуты ящики: в них что-то искали.

Дверца гардероба была приоткрыта, и Леня увидел среди маминых платьев пустую деревянную вешалку. С вешалки вчера сняли и увезли новый коричневый костюм отца.

Леня не выдерживает один в притихших комнатах, и он вновь убегает в город, где все то, что присуще было отцу: движение, энергия, озабоченность.

Весна залила город снежной топью, разбросала осколки солнца в лужи, в ручьи, в опавший с крыш битый лед, и все это искрилось, слепило глаза. Улицы пахли мокрыми деревьями и зелеными почками.

Лене не верилось, что сейчас, когда всюду пробуждаются жизнь и тепло, на краю города уходит из жизни его отец. Медные трубы оркестра поют для отца последние песни...

Леня встал на мосту, облокотился о перила и смотрел на весеннюю воду реки, которая гнала и кружила в быстром половодье щепки, комья земли, бревна, ветки деревьев.

Река успокаивала, уносила наболевшие мысли. Леня простоял над рекой, пока не продрог, и тогда побрел по городу.

Он разглядывал витрины магазинов и фотоателье, останавливался у цветочных палаток и театральных реклам, только бы ни о чем не думать, а вот ходить, смотреть и ждать...

Леня замерз. Он зашел в букинистическую лавку погреться.

В лавке было мало народа. Продавщица спросила:

— Ты какую книгу ищешь?

— Я...— растерялся Леня.— Я не ищу.

И он снова шагает по улицам — автобусные остановки, объявления портных и зубных врачей, металлические кнопки переходов, толпятся стекольщики у хозяйственных магазинов; окрик: «Эй, паренек! Остерегись!»... А-а, тут ремонтируют дом.

Хорошо бы теперь чего-нибудь съесть. Он ничего не ел и не пил с утра.

Леня опять оказался на мосту. И опять он смотрит на воду. А вода бурлит, напирает на бетонные опоры моста, вскипает и отваливается от них белой пеной.

Леню трясло, но он не знал отчего — то ли от холода, то ли от нервного возбуждения.

Прежняя мысль не давала покоя: ждать, надо ждать...

На дне реки тоже разбросаны осколки солнца. Они перекатываются по дну, сверкают, слепят. И от этого сверкания и потока воды начинает кружиться голова.

И вдруг Леня вспомнил о матери.

Она одна там! Она ведь не ждет! А он бросил ее, стоит и ждет.

И он мучительно, до боли в сердце захотел немедленно увидеть мать, обнять ее за плечи и сказать: «Мама, я здесь! Я рядом с тобой!»

Леня отстранился от перил моста, шагнул по тротуару, но почувствовал, что кружится голова.

Тогда он поспешил прислониться к перилам и ухватился за них.

III

Все дальше уходил тот день весны, когда похоронили отца.

Каждое утро Леня и мать вместе завтракали, потом Леня брал портфель и торопился в школу. Мать мыла грязную посуду и тоже торопилась — на фабрику.

Леня старался пробыть в школе после уроков как можно дольше. Он или помогал в библиотеке наклеивать бумажные карманчики на книги, или рисовал стенгазету, или,

вновь увлекшись зоологией, с удовольствием работал в зоологическом кабинете: кормил кроликов, чистил аквариумы и птичьи клетки, грел синим светом больных черепах и ужей.

Только бы не идти домой, где на отцовском столе сложены в коробки радиодетали, валяются бруски олова, клеммы, индикаторы.

В каждой из этих вещей был отец: ощущалась теплота его рук, виделись его глаза, прищуренные от дыма папиросы, которую он всегда держал в углу рта. Увлекшись работой, отец не замечал, как папироса гасла. Тогда он ее прикуривал от горячего паяльника и вновь щурился.

У отца была любимая пепельница — высокая консервная банка, в которую мама бросала на кухне горелые спички.

Мама сердилась на отца, что он таскает банку в комнаты. Покупала нарядные фарфоровые пепельницы, но отец оставался к ним равнодушным и снова тащил из кухни любимую пепельницу, потому что на нее удобно было класть паяльник.

Вот и теперь на этой банке долгие дни лежал паяльник.

Над столом отца возвышается самодельный барометр. Стрелка барометра летом и зимой упорно показывает на «великую сушь». Отец изредка стучал по барометру пальцем, пытался передвинуть стрелку, но

барометр стрелку не передвигал и продолжал настаивать на «великой суши».

В ванной комнате на гвозде висит щиток для шаринофона из толстой фанеры, которую отец оклеил грушей, протер пемзой и приготовил для полировки.

Отец умер, а вещи отца не хотели умирать!

Они продолжали жить, и это было самым страшным. Поэтому Леня и не спешил из школы домой.

А мать была вся в хлопотах. Она готовила еду, убирала квартиру, бегала в коммунальный банк платить за газ, за телефон, за электричество. Стирала белье, гладила.

Она продолжала беречь Леню от тех повседневных забот, из которых слагается жизнь. Лишь бы он почувствовал, что в их маленькой семье по-прежнему все устойчиво и спокойно и что его забота остается той же, как и при отце,— сдавать экзамены из класса в класс.

Леня понимал, что он теперь особенно должен помогать матери, быть с ней внимательным, но пока не мог ничего с собой поделать. Дом, в котором не было отца, не было человека, которого он так любил, стал для него тягостным, гнетущим своей тишиной.

Часто наведывалась Даша. Она курила папиросы, рассказывала маме содержание новых кинофильмов или учила маму вышивать японской штопкой.

На имя отца поступали письма. Леня письма не вскрывал, а передавал матери.

Она медленно распечатывала их и так же медленно прочитывала.

При этом бледнела, и губы ее дрожали.

Ведь все в письмах, все слова были обращены к отцу. Леня отводил эти удары от себя, и они ранили мать.

И к телефону Леня старался не подходить: случалось, что спрашивали об отце. А Леня не хотел отвечать, и это опять делала мать.

Однажды ночью Леня проснулся. Проснулся неожиданно, как просыпаются от тревожного сна.

Дверь в комнату матери была закрыта. Щель в дверях светилась зеленым светом от настольной лампы. Мать не спала. Она тихо плакала. Леня догадался, что мама достала фотографии отца и письма, которые хранились у нее в кожаной сумке.

И как тогда, на мосту, Лене захотелось обнять мать за плечи и шепнуть ей: «Мама, не плачь! Я с тобой!»

Леня приподнялся на кровати, но зеленый свет в щели погас, и сразу наступила тишина. Может быть, мать почувствовала, что Леня проснулся, и поэтому погасила свет и перестала плакать.

В эту ночь Леня долго лежал без сна.

IV

Прошло еще несколько дней...

Все теплее становились весенние ветры, все звонче пели птицы. Развернулись на тополях свежие трубчатые листья, подсох на улицах асфальт и булыжник.

Сегодня Леня рано вернулся из школы, пообедал, помыл посуду и сел читать книгу «Юный натуралист», которую он взял в библиотеке.

Зазвонил телефон.

Леня подошел и снял трубку. Незнакомый мужской голос спросил маму.

— Она еще на фабрике,— сказал Леня.

— А это кто? Леонид, что ли?

Леня слегка запнулся с ответом: так непривычно прозвучало для него собственное имя — Леонид.

— Да. Это я. А со мной кто говорит?

— Смольников. Доводилось от отца слышать?

— Доводилось.

Леня вспомнил, что Смольников — секретарь парткома завода.

Смольников помолчал, потом медленно проговорил:

— Я вот по какому делу, Леонид. Нужно сдать отцовский партийный билет.

У Лени нырнуло сердце.

— Сдать? Кому?

— Мне, дорогой, и сдать. А я передам в райком. Придет мать, пускай возьмет билет и принесет на завод. Ну, а ты что поделываешь? Как учеба?

— Учеба ничего,— с трудом ответил Леня.

Он представил себе, как мама побледнеет и как вздрогнут у нее губы, когда она узнает, что партийный билет требуется отнести на завод. И вновь она одна. Ей надо идти, а он остается, он в стороне, он опять ждет.

И вдруг Леня тихо, но решительно сказал:

— Позвольте мне принести партийный билет отца.

— Тебе? — Смольников задумался.— Что ж, приноси. Кстати, и разговор с тобой найдется.

Леня повесил трубку, прошел в комнату к матери и нашел в тумбочке старую кожаную сумку. В ней среди фотографий и писем лежал партийный билет. Только вчера мама спрятала его сюда.

Леня взял билет, открыл обложку.

Крупными красными цифрами был обозначен номер «00253497». Дальше под номером было написано: «Емельянов Андрей Власович. В партию вступил в 1936 году».

Потом личная подпись отца (тушью), подпись секретаря райкома (тоже тушью) и круглая печать, которая краешком захватывала фотографию. Отец был снят в коричневом костюме, в белой рубашке и при галстуке.

Чтобы не заплакать, Леня поскорее убрал в карман билет, громко захлопнул дверь квартиры и выбежал на улицу.

В проходной завода у Лени потребовали пропуск.

— Я к товарищу Смольникову,— сказал Леня.— Он меня вызывал.

— Емельяновым будешь, что ли? Андрея Власовича сынком?

— Да, Емельяновым.

— Было тут распоряжение о тебе. Иди в заводоуправление. Справа, двухэтажный корпус.

Леня попал на заводской двор. Прямо перед Леней по узкой колее паровоз тащил платформу. На платформе были сложены отливки больших моторов. В стеклах кузнечного цеха отражалось пламя нефтяных горнов. Пламя беспрерывно вздрагивало от ударов паровых молотов. У складов по железной эстакаде двигался мостовой кран. Он подхватывал обвязанные тросом ящики с маркой завода и грузил на дизельные пятитонки — «МАЗы».

Леня пропустил паровоз с платформой и направился в заводоуправление.

На втором этаже он отыскал дверь с надписью «Секретарь парткома» и постучал.

— Входите! — услышал он голос Смольникова.

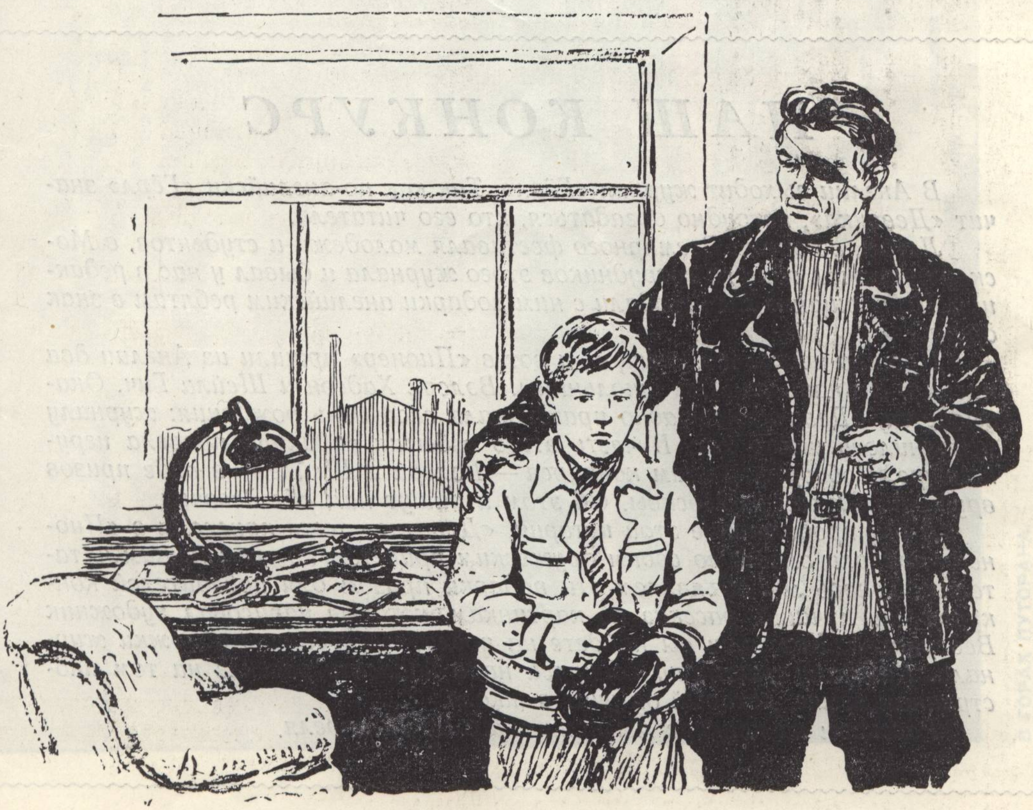
Леня вошел.

— А-а, это ты, Леня! — И Смольников поднялся из-за письменного стола и пошел Лене навстречу.

Он был в сапогах, в галифе и в кожаной куртке на «молнии», левый глаз закрыт черной повязкой.

Смольников обнял Леню, и они начали прогуливаться по ковровой дорожке.

В кабинете в кадках росли деревца лимонов. Возле окна стоял несгораемый шкаф. Рядом висел план завода, расписанный и размеченный цветными карандашами. Стол был завален образцами проволоки, слюдяны-

ми прокладками, графитовыми щетками от моторов.

Это сразу напомнило рабочий стол отца и здесь, в незнакомом кабинете, было для Лени близким и понятным.

Леня почувствовал себя спокойнее, исчезло смущение перед секретарем.

— Ну, Леонид, расскажи о вашем житье!

— Житье ничего,— ответил Леня.

— Денег хватает?

— Хватает пока.

— Постой, да от тебя никак табаком пахнет, а! Уж не покуриваешь ли ты втихую?

— Это от рубашки пахнет. Даша мне ее гладила, соседка.

— А при чем тут соседка?

— Она приходит к нам курить, чтобы дома не ругали.

Смольников улыбнулся.

— А ты, значит, потакаешь?

Леня тоже улыбнулся и кивнул в ответ.

Они продолжали прогуливаться по кабинету.

Слышно было, как ухали в кузнечном цеху молоты, изредка тонко свистел паровоз.

— Ну, а мать как? Как она у тебя?

Леня смутился: он впервые услышал, что мать у него, а не он у матери.

— Мать у меня ничего.

— Что ты заладил: ничего да ничего! Ты, Леонид, следи за матерью. Сам ее попусту не дергай и другим не позволяй. Она сейчас в таком состоянии, точно ей в грудь выстрелили. Ты понять это должен.

— Я понимаю,— ответил Леня.

Смольников подвел Леню к столу и усадил в кресло.

Леня догадался, что наступила та минута, которой он особенно боялся.

Он достал из кармана партийный билет отца и протянул Смольникову.

Смольников взял билет, раскрыл его и долго, как и Леня час назад, дома, смотрел на первый листок.

Потом сказал:

— Славную жизнь прожил твой отец, мальчик.

Леня сидел неподвижный и взволнованный.

Вдруг Смольников начал осторожно отклеивать фотографию с билета. Когда отклеил, протянул ее Лене.

— Возьми и храни у себя.

И Леня, взволнованный больше прежнего, осторожно принял от Смольникова маленькую фотографию отца, на которой был отпечатан краешек круглой печати Компартии Советского Союза.

НАШ КОНКУРС

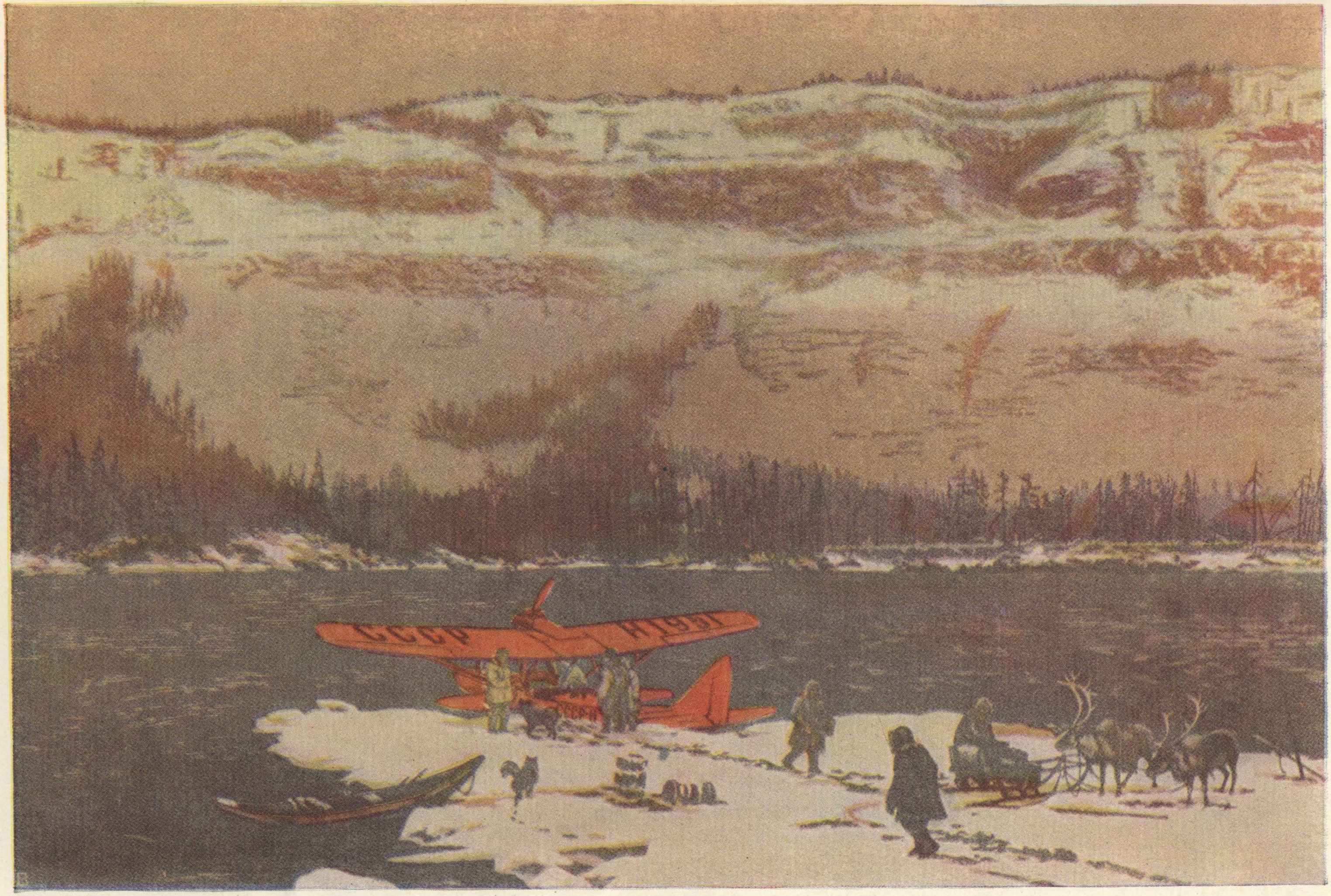
В Англии выходит журнал «Гёрл». Так как по-английски «Гёрл» значит «Девочка», нетрудно догадаться, кто его читатели.

Летом, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в Москву приезжал один из сотрудников этого журнала и бывал у нас в редакции. На прощание мы передали с ним подарки английским ребятам в знак дружбы.

Прошло несколько месяцев, и вот в «Пионер» пришли из Англии два письма. Их написали две школьницы: Вэлери Хадсон и Шейла Гич. Оказывается, «Девочка» недавно праздновала свой день рождения: журналу исполнилось шесть лет. В честь этого события редакция провела игру-конкурс. Победительницам конкурса — Вэлери и Шейле — в виде призов вручили подарки из Москвы. Об этом и пишут нам обе девочки.

А вот продолжение этой истории. «Девочка» тоже прислала в «Пионер» подарки вместе со своим дружеским приветом ко всем нашим читателям. Теперь мы объявляем эти подарки призом для победителей конкурса на лучший рассказ по картинкам, которые нарисовал художник Ведерников. Картинки вы найдете на последней странице обложки журнала. Каждому участнику конкурса надо написать рассказ на том иностранном языке, который он учит в школе.

Рассказы на конкурс мы принимаем до 15 апреля.

В ГОРАХ ПУТОРАНА. В. Мешков.

В ТУНДРЕ. В. Мешков.

Клуб «Пионера»

Продолжаем разговор о характере.

Сегодня у нас в гостях автор книги «Ученик орла», бывший летчик-испытатель Анатолий Маркович Маркуша, ученики 36-й школы города Кирова, 172-й московской школы и другие ребята.

Как вы помните, ребята, на прошлом собрании нашего клуба речь шла о характере. Беседа прервалась на словах Тамары Давидович, утверждавшей, что у многих людей есть врожденные черты, которые никак не изменишь...

— Да, конечно, есть такие свойства,— сказала ВАЛЯ ОВЧИННИКОВА, семиклассница школы № 36 города Кирова,— есть такие свойства, и

что тут поделаешь?

Я вот смешливая. И главная беда: смеюсь, где не надо, чаще всего на уроках.

Скажем, на литературе. Сколько раз давала себе слово, что не буду смеяться, и все равно смеюсь!

И смешного-то как будто ничего нет. Не будь урока, я бы, наверно, и внимания не обратила на какую-нибудь ерунду. А тут непременно замечу, и сейчас же смех разберет. Не могу сдержаться — и все.

А почему это?.. Потому что у меня и мама смешливая. И даже бабушка. Вы только не смейтесь... Это, конечно, у нас семейная, врожденная черта.

— А вот Сережка,— подхватили ребята того же класса,— что ни скажет,— соврет. Он, верно,

врожденный врун.

И хоть бы выдумывал интересно, а то даже слушать не хочется. Мы уж сколько раз ловили его на вранье, а он сначала отпирался, а потом говорит:

«А если я от рождения такой! Вот скажите, как с собой сладить? Может человек своим характером управлять?»

— Верно, ребята, с характером своим не всегда бывает легко справиться. Но любой человек может себя воспитать и многое изменить в своих привычках,— сказал АНАТОЛИЙ МАРКОВИЧ МАРКУША, бывший летчик-испытатель.— Чтобы всегда держать себя в руках, необходимо выработать в своем характере по крайней мере

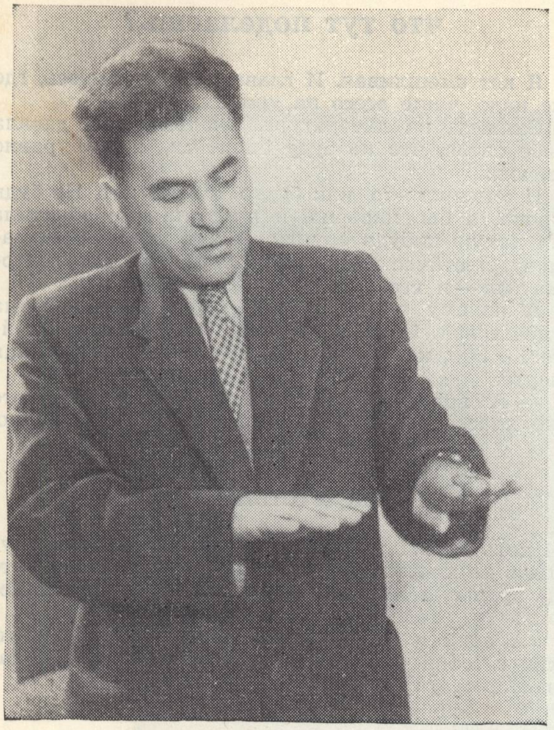
два важных свойства.

Эти свойства хорошо известны летчикам. Они называются самообладанием и самоконтролем. Мудреные слова? Право же, когда вдумаешься, ничего мудреного в них нет...

К примеру, Валя говорит, что смеха не может сдержать, знает, что нужно, а не может... Это значит, что у нее не хватает самообладания... А Сережа ваш, возможно, даже и не замечает за собой, что врет. Он не умеет взглянуть на себя со стороны, проконтролировать свои поступки... Обладай он чувством самоконтроля, этого не случилось бы. А ведь оба эти свойства можно выработать у себя. Нужны только настойчивость, терпение, а главное, глубокое убеждение — мне это необходимо! Иной раз добиваться успеха приходится довольно долго.

Я расскажу вам о человеке, который отлично владел этими двумя столь необходимыми летчику качествами.

Служил у нас в эскадрильи Артем Молчанов. На земле это был спокойный, даже флегматичный человек с усталым лицом. В воздухе — «зверь», летчик злой, несгибаемый. Увидел он раз, как пилотирует Чкалов, увидел и заболел — получил, можно сказать, ранение в самое сердце. Поразили его даже не чкаловские фигуры, замысловатые и стремительные, — Молчанов и сам был отличным пилотом,— потрясла его ничтожная высота, на которой Чкалов свободно и красиво управлял машиной.

Анатолий Маркович Маркуша у нас в гостях.

Выходя из пикирования, Чкалов пригибал траву воздушной струей; в считанных метрах над стартовой дорожкой он пролетал вверх колесами, переворачивался, брал высоту и снова шел навстречу земному шару.

Молчанов лишился покоя. Он был слишком опытен, чтобы пытаться повторить чкаловский рисунок, и слишком молод, чтобы не мечтать о нем.

На свете нет летчика, который бы не боялся земли. Земля не прощает ошибок пилоту.

На высоте в триста — четыреста метров Артем пилотировал уверенно и эффектно, но спуститься ниже ему не позволял трезвый расчет. Нужна была тренировка. Но каким образом убедиться в точности своей работы, как проконтролировать каждое свое движение, чтобы не ошибиться даже на метр? Ведь этот метр мог стоить ему жизни!..

Летал Молчанов много, по-истребительски энергично и дерзко. Искал в каждом полете ответа, искал, но не находил. Иногда ему хотелось ринуться вниз, к земле, испытать свое счастье над летным полем. Но Артем умел держать себя в руках, и до безрассудства дело не доходило.

Однажды, разогнав машину, Молчанов крутой горкой полез вверх. На мгновение он потерял горизонт: машину окутало мутно-белое месиво облаков, но это случилось только на одно мгновение, истребитель, продолжая набирать высоту, легко вырвался навстречу солнцу.

Артем оглянулся по сторонам и ахнул. Ровное поле пушистых облаков раскинулось под ним. Оно поражало чистотой и бескрайностью, не было у него ни начала, ни конца. Хотелось потрогать рукой живую, клубящуюся пену... Вот она, та «условная земля», о которой он мечтал!..

Ощущение скорости полета, пропадающее с высотой, снова захватило Молчанова. Косая темная тень его истребителя стремительно перемещалась по облачной равнине.

«Вперед! Вперед!» — ревел двигатель.

Молчанов начал пилотаж. И сразу же убедился, как правильно сделал, начав его именно здесь, над мягким облачным полем, а не над жесткой нашей планетой: на первой же фигуре машина зарылась в облака. Снова и снова пытался Молчанов повторить чкаловский пилотаж. Но напрасно! То, что легко удавалось Чкалову, для Артема каждый раз заканчивалось «катастрофой». Высоты не хватало — машина окуналась в облака. Не выходила ни одна фигура.

На аэродром Молчанов вернулся расстроенный.

— Сегодня я шесть раз был покойником. Условно, правда, но все равно обидно. Главное, не могу понять, в чем дело, где собака зарыта...

Товарищи не преминули окрестить Артема «условным покойником». Иное прозвище, как репей, пристанет: не скоро отлепишь...

Прошел июль, на исходе был уже август. При каждой возможности «условный покойник» летал за облака. Тренировался Молчанов упрямо и настойчиво. Теперь он начинал пилотаж не сразу над облаками. Он брал заведомо увеличенное превышение и потом постепенно сокращал его, тщательно контролируя каждое свое движение.

Постепенно, метр за метром, сбрасывал он высоту, приучая себя к близости «условной земли». Труднее всего было выдержать осторожную последовательность действий, не дать волю чувствам, не ринуться раньше времени вниз.

Друзья не забывали его первой неудачи, они с сомнением относились к заоблачным экскурсиям летчика и посмеивались над ним.

Но Молчанов продолжал летать. Чем дольше он тренировался, тем меньше слышалось вокруг насмешек. Упорство всегда покоряет.

В дни, когда небо было особенно ясным, когда отсутствовала «условная земля», Артем заметно нервничал. Он не хотел терять времени зря. И наконец час его пришел.

Помню, зеленая машина пронеслась над летным полем. Высота — метр. Уверенно от самой земли начал летчик свой пилотаж.

Четок и чист был его пилотаж, крепка и уверенна истребительская хватка. Трава ложилась за крылом его машины. Пространства на ошибку в этом полете просто не оставалось. Впрочем, теперь оно и не нужно было Артему: ошибка была исключена, выверен был каждый метр.

— Вот что такое «условная земля»,—сказал Анатолий Маркович и набросал этот рисунок.

Артем Молчанов был, конечно, способным, но все же самым обыкновенным летчиком. И если ему удалось достичь в пилотаже большего, чем другим, то потому только, что он не жалел ни сил, ни времени, ни изобретательности в поисках новых средств самоконтроля и все время тренировал свое самообладание. Понятно?..

— Понятно,— сказал БОРЯ КОРКИН.— Только это ведь летчик. А я, например, школьник. У меня так бывает: дашь себе слово подтянуть на каникулах какой-нибудь предмет... Глядишь, каникулы уже пролетели, а ты еще и не садился за книги. Я понимаю, что мне самоконтроля не хватает. Ну, и самообладания... Да только как мне это самое самообладание выработать? Есть такой способ?

— Есть,— ответил МАРКУША,— и даже очень верный способ. Надо научиться отдавать строгие

приказы самому себе.

Видите ли, ребята, наши чувства, безусловно, поддаются тренировке. Для этого не нужны ни сложные аппараты, ни особые приспособления. Хочется тебе накричать на человека, а ты не позволяй себе, держись, говори нарочно тихо. Хочется засмеяться, а ты прикажи себе: «Нет!!!» И всю свою волю направь на то, чтобы не нарушать этого «Нет!». Хочется тебе утречком в постели поваляться, а ты приказывай: «Встать!» — и исполняй. Лень тебе физзарядку делать, а ты делай... Сразу, конечно, все не получится. Но если есть в тебе хоть капелька настоящего, ты сумеешь перебороть себя — раз, пересилить — два, заставить — три...

И не успокаивайся, придумывай новые испытания: мойся холодной водой, укрывайся одеялом только до пояса, не кутайся. Да мало ли можно придумать «приказов», которые досмерти не хочется выполнять, хотя тебе прекрасно известно, что ни от одного из них худа не будет. Не пытайся выработать в себе сразу десять новых привычек. Начинай с чего-то одного. Тренируйся сначала на мелочах, и постепенно у тебя выработается самообладание и приглушатся те самые черты, которые здесь назвали врожденными. Не уступай этим свойствам, не иди по линии наименьшего сопротивления. Научись давать себе приказы, овладей своей волей, и ты сумеешь вовремя сдержаться, сумеешь выполнить слово, данное себе и другим, не рассмеешься, где не надо, не будешь врать... Хотя... Вот вы здесь о Сереже говорили. По-моему, Сереже не только самоконтроля не хватает, а и друзей. Пожалуй, вы, товарищи, не умеете повлиять на него.

Оказалось, что над этим задумывался и ТОЛЯ РЫЧКОВ из Кирова.

— Мы не всегда влияем на товарищей,— говорил он.— Или даже плохо влияем. Вот я могу рассказать о своем двоюродном брате. По-моему,

это моя вина.

Понимаете, какая история... Братишка мой, он неплохой парень, но только какой-то, как бы это сказать, кисель... И это у него совсем не врожденное. Отец у него офицер, очень храбрый человек.

А братишка слабохарактерный, размазня... И, по-моему, тут я виноват, и не от дурного умысла, а так получилось. Я старше его, покрепче, и мы всюду были вместе. Играем, скажем, в войну, я всегда командир. Вот он и привык на меня смотреть. Ничего сам не придумает, ничего не сделает... Подавил я его... Это нехорошо, да?..

— Конечно, не очень хорошо,— ответил Маркуша.— Но то, что ты это сам понимаешь... это— начало самоконтроля. Ты сумел сам определить ошибку, теперь сумей и устранить ее сам. А влияние товарищей — это особая, большая тема, большой разговор...

— Я хочу спросить...— сказала пятиклассница НАДЯ ИЩЕНКО.— Вот я сама научилась делать

поворот через ножку.

Я очень люблю коньки. Пришла на каток. Все делают поворот через ножку, а я не могу, боюсь. И так мне обидно стало, так обидно! Что я, хуже всех?

Одним словом, стала я тренироваться. Только один поворот и делала. Падала сто раз, ничего не получается.

Я уже думала: не выучусь. И вдруг взяла переступила через ногу и не упала. Потом несколько раз переступила. Нет, не падаю! Оказалось, выучилась. И теперь делаю поворот, как и все, и не боюсь. И вообще на катке перестала бояться. Это что же, самообладание?

— А можно совсем перестать бояться? — спросил КОЛЯ СЕМЕНОВ.— Я вот никак не пойму,

трус ли я?

Мы с ребятами лазили по лесам на здание цирка, который строится. Я до середины долез и испугался. Захотел спуститься, глянул вниз — еще страшней. Ну, пришлось лезть наверх. Я лез, но все время боялся. И когда спускался, тоже боялся.

Скажите, если человеку бывает страшно, значит, он трус?... Летчики, те, наверное, ничего на свете не боятся...

— Ничего на свете? — переспросил МАРКУША.— Ну, что же, если уж зашла речь, давайте

поговорим о страхе.

Я считаю, что ничего на свете не боятся только хвастуны или очень глупые люди. Хвастуны живут в выдумках, а глупые не могут оценить истинной опасности... Все остальные знакомы с чувством страха. Все дело в том, чтобы уметь подавлять страх, не впадать в трудную минуту в панику. Смелый человек умеет побеждать страх. И этому трудному умению можно научиться.

Помню историю, которая случилась с одним из моих курсантов. Назовем его «курсантом Кузиным». Первую половину программы он прошел, как говорят, без сучка и задоринки. Научился уверенно взлетать, правильно рассчитывать на посадку, приземляться у самого «Т» и почти всегда на три точки... Словом, все шло как нельзя лучше, пока не начались полеты в зону. Зона — это пространство в небе, отведенное неподалеку от аэродрома, где летчики выполняют виражи, петли, штопор. Вот как до этой работы дошло, вижу, радоваться рано. После пилотажа Кузин смотрел хмуро, старался не попадаться мне на глаза и вообще загрустил.

В молодости, с увлечением читая книжку французских летчиков Монвиля и Коста «Искусство пилотажа», я выписал такие слова:

«Хороший инструктор— редкая птица: он должен обладать взглядом орла, от которого ничего не скроется, кротостью белого голубя, мудростью совы и неутомимым красноречием попугая, который изо дня в день повторяет хорошие советы».

Однако, как я ни старался быть прозорливым, разгадать курсанта мне долго не удавалось.

Но вот однажды на высоте в полторы тысячи метров перед вводом самолета в штопор я заглянул в зеркальце, укрепленное над головой, и увидел в нем лицо Кузина. Казалось, курсант окаменел: глаза у него стали совершенно круглыми, какими-то незрячими, на лбу выступили мелкие бусинки пота. И вдруг я понял: Кузин боится штопора...

Вскоре у нас произошел неприятный разговор. Я спросил Кузина, чего он боится на штопоре. Курсант ответил мне довольно резко (резче, чем полагается отвечать инструктору): «Раз вы такой пророк и знаете, о чем я думаю в полете, то к чему задавать вопросы, вы и так должны все знать...»

Забыв, что инструктор обязан быть не только мудрым, как сова, но еще и кротким, как белый голубь, я не удержался и, нарушив все нормы инструкторских приличий, обругал Кузина, как мальчишка мальчишку:

Посмотрите, какое здесь множество выключателей, приборов, рычагов, сигнальных устройств! А ведь это только четвертая часть пилотской кабины современного реактивного пассажирского воздушного корабля. На командирском месте Герой Советского Союза летчик-испытатель Яков Ильич Верников.

«Дурак ты! — сказал я ему в сердцах.— Как же я выучу тебя летать, если не узнаю, чего именно ты боишься на штопоре?»

Против ожидания, Кузин не обиделся и не пошел жаловаться командиру звена, а сразу же довольно спокойно ответил мне по существу дела:

«Товарищ инструктор, я не всегда штопора опасаюсь, а только... не знаю даже, как бы это вам лучше объяснить... одно меня беспокоит, понимаете, сумею ли я отличить правый штопор от левого, если сорвусь нечаянно...»

Услышав такое признание, я чуть было не расхохотался: как это можно не отличить правой руки от левой?! Но вовремя сдержал себя. Во-первых, человек сказал мне правду, и за одно это я уже не имел права смеяться над ним; во-вторых, вспомнил, как в первых самостоятельных полетах по кругу я сам все время боялся спутать прибор, указывающий скорость, с высотомером. Теперь мне, инструктору, казалось, что это было ужасно глупо, но это же было, из песни слова не выкинешь...

Вскоре мы снова полетели в зону. В этом полете Кузин должен был победить страх. Должен! Или я не инструктор, черт возьми!

К этому полету я специально готовился. Был разработан план, полный, на мой взгляд, мудрости, кротости и изобретательности. Последнее обстоятельство особенно наполняло меня гордостью, представлялось мне новаторством.

Я срывал самолет в штопор из самых немыслимых положений. Все выводы из фигуры Кузин

выполнял сам, а я только подбадривал его. Сначала мы крутили по одному витку, потом по два, по три. Мы штопорили то вправо, то влево. Неожиданно я перебрасывал самолет из левого штопора в правый — Кузин выводил. Наконец, я ввел машину в штопор, приказав курсанту считать витки вслух до тех пор, пока я не скомандую: «Выводи!».

Мы открутили пять полных витков. Кузин успел, правда, насчитать за это время десять, но я не стал разубеждать человека: пусть верит, что ему и десять витков нипочем! Кузин отлично выполнил вывод и после «десятого» витка, в тот самый момент, когда я подал ему команду.

Теперь, когда мы снижались на посадку, в моем инструкторском зеркале то появлялась, то исчезала улыбающаяся физиономия. Кузин был доволен: он победил страх. Вместе с курсантом радовался и я.

Одна из главных причин страха — чувство неуверенности в себе. Овладеешь умением—и страх пройдет. Вот Надя это поняла, когда выучилась переступать через ножку... Конечно, в другом случае страх может опять появиться. Не тот трус, кто не испытывает страха. Трус тот, кто подчиняется ему. И я думаю, кстати, что вовсе не обязательно признаваться каждому в своих слабостях. Но перед собой сознаваться в собственных недостатках и промахах обязательно надо. Иначе никакого воспитания характера не получится.

— Скажите, Анатолий Маркович,— спросила ТОНЯ ЕРЕМЕЕВА, та девочка, которая мечтает стать летчицей,— а какие свойства характера больше всего нужны летчику?

— Прежде всего,— немного подумав, ответил МАРКУША,— каждому летчику необходимы

организованность и точность.

Прославленный летчик Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов рассказал нам такую историю. Пришел к нему юноша и попросил помочь ему поступить в летную школу. Дело в том, что парню не хватало всего нескольких месяцев до установленного возраста. А летать очень хотелось. Михаил Михайлович, сам начавший путь летчика чрезвычайно рано — в семнадцать лет, долго и доброжелательно беседовал с молодым человеком. Наконец он предложил ему записать адрес учреждения, которое юноше предстояло посетить на другой день. Будущий летчик начал шарить по карманам и лишь после долгих поисков нашел замусоленный огрызок карандаша, потом он так же мучительно копался, пока не обнаружил блокнота. Наконец, он нацарапал на последней страничке продиктованный Громовым адрес.

Летчик заглянул в блокнот и сказал своему посетителю:

«Боюсь, что адрес этот вам не пригодится. Если вы не знаете, что у вас в каком кармане лежит, если вы пишете «7» как «4», вряд ли из вас получится летчик».

Это маленький эпизод, можно сказать, не эпизод даже, а только черточка, но черточка очень важная. Если вы заглянете в пилотскую кабину современного реактивного корабля, например в «ТУ-104» или в «ТУ-114», то вы сразу поймете, почему летчику нужны организованность и точность. В этих кабинах вы увидите множество «помощников» пилота: приборов, лампочек, выключателей, рычагов; всего их больше пятисот штук. Конечно, с такой «армией» раззяве, безалаберному человеку не справиться.

И еще нужна летчику острая наблюдательность. Глаз летчика и память должны работать, как фотоаппарат: раз увидел — на всю жизнь запечатлел.

Конечно, не все из вас станут летчиками. Но быть наблюдательным, вырабатывать в себе характер «про запас» стоит всем.

Все на свете можно проверить... А наблюдательность — проще всего. Попытайтесь, ребята, ответить на несколько «контрольных вопросов». Только отвечайте на них сами, без помощи пап и мам, не обманывайте самих себя.

1. В каком направлении (по ходу машины или против хода) открываются дверки в «Победе»? А в «Москвиче»?

2. Сколько больших пуговиц на офицерской шинели?

3. В каком углу рублевой бумажки расположен номер, цифрами какого цвета он изображен?

4. Что написано в самой верхней строчке первой страницы каждого номера «Комсомольской правды»?

5. Какой эмблемой начинаются все кинокартины, снятые на фабрике «Мосфильм»?

6. Какая надпись сделана на лицевой стороне ордена Ленина? А на ордене Красного Знамени?

7. В каком порядке расположены цветные стекла светофора?

8. Как расположены уши у коровы: впереди или позади рогов?

9. С какого дерева в начале лета слетает пух?

10. Сколько колес у грузовика «ЗИЛ-150»?

Приключения Тонино-невидимки

Повесть Джанни РОДАРИ.
Перевел с итальянского Г. Брейтбурд.

Рисунки А. Брея.

(Окончание)

Глава пятая, в которой Белый Негр издает клич Тарзана

Пятый «Б» еще не вышел с урока. Обычно в самую последнюю минуту учитель начинал диктовать новое задание или вдруг вспоминал, что в учебнике географии необходимо подчеркнуть еще несколько строчек, и тогда школьники с шумом и не без злости раскрывали ранцы, уже давно лежавшие наготове, как багаж для погрузки на океанский пароход, и, достав учебники географии, хлопали ими о парту.

— Немного терпения,— говорил им учитель,— учебники не простыни, вы не прачки... Итак, отсчитайте семь строчек на странице пятьдесят шестой и подчеркните красным, начиная от слов «Небольшие бухты...»

Вот одна из тех тысяч причин, по которым пятый «Б» всегда покидал школу последним.

Но в это утро учитель ждал, чтобы мальчик, напроказивший с доской, сознался в своем проступке. Все нужные места в учебниках были отчеркнуты, ранцы лежали на партах. Но учитель, скрестив руки, стоял у окна и пристально вглядывался в туман, словно ожидая, что именно оттуда появится виновник.

Белый Негр с нетерпением считал минуты: ведь он при выходе из школы задумал решительно объясниться с Моттой насчет этой истории с дерганием за волосы. Но совсем иное было на уме у самого Мотты. Впрочем, мы сказали: на уме,— а правильней сказать: в желудке. Ведь вы должны знать, что желудок у Мотты особенно прожорливый и ни минуты не может оставаться без дела.

Приближался час, когда едят макароны, и желудок Мотты больше не выдерживал. Он возмущался и ворчал:

— Я голоден, го-ло-ден, го-ло-ден!..— Его возмущение с каждой минутой становилось все более красноречивым.— Пойдем мы наконец или нет? — ворчал желудок.

— Но при чем тут я? Чем же я виноват?

— Слышать ни о чем не хочу — ведь я не голова, а желудок, да еще вдобавок пустой!

Такой разговор долго продолжаться не может. Настала минута, когда бедняга Мотта сдался. Он встал, бледный, как простыня, и произнес голосом, идущим из самой глубины желудка:

— Господин учитель, это был я.

Учитель был искренне удивлен его признанием и даже хотел спросить: как тебе удалась проделка с доской, ведь я видел, что ты не сходил с места?

Но затем учитель подумал, что, может быть, сам отвлекся на мгновение, и, назначив сознавшемуся преступнику наказание, отдал наконец долгожданный приказ разойтись.

Товарищи горячо приветствовали Мотту за проявленный им героизм: даже Белый Негр подмигнул ему в знак примирения. Но герой уперся взглядом в кончики своих ботинок: он знал, что не заслужил этих похвал, потому что им руководила не совесть, а желудок. Ложь всегда остается ложью, даже если ее последствия приятны. Но ложь была произнесена, и он уже не мог взять свои слова обратно. Нам его просто жаль.

Но что же тем временем делал настоящий виновник, на совести которого теперь была и ложь Мотты?

Он поджидал своих товарищей, стоя у ворот школы. Сначала вышли классы девочек, и Тонино воспользовался случаем, чтобы потянуть кое-кого за косы или развязать красный бант в волосах. Девочки были очень удивлены, обычно такие вещи проделывают мальчишки, а здесь никого не было поблизости. Но Тонино не развлекли эти проделки, он был рассеян и думал совсем о другом.

«Что ж, утро я потерял, теперь нужно узнать, что задано, не то завтра будет то же, что сегодня».

Что за досада! Такие мысли торчат в голове, как камешек в туфле, когда идешь в кино, и нет времени, чтобы остановиться и вынуть его, если только не хочешь опоздать к началу сеанса.

Один за другим вышли из школы все классы. Подобно диким племенам, выходящим из лесу, каждый класс при выходе издавал свой особый клич. Пятый «Б» избрал себе клич Тарзана. Роберто — Белый Негр — обычно издавал этот клич, едва коснувшись ногой первой ступеньки лестницы и даже не дожидаясь, покуда другая его нога покинет пределы школы.

Один раз сторож даже возмутился:

— Хоть подождал бы, пока из школы выйдешь!

Белый Негр, который в известных случаях рассуждал, как адвокат, ответил ему, что если голова находится за дверью, над первой ступенькой, значит, надо считать, что он уже вышел из школы. Разве сторож сомневается в том, что голова — это самая важная часть тела?..

Но вот наконец раздался шум, подобный грохоту поезда, выходящего из туннеля, послышался топот и грохот. Племя дикарей приближалось. В просвете двери показалась чья-то курчавая голова: это Белый Негр, он подносит руку ко рту и издает страшный клич:

— Бу-лу-лу-лу-лу!..

Тонино у самых ворот, он готов встретить друга, взять его под руку, рассказать о своих приключениях. Белый Негр штурмом берет ступеньки, а за ним весь пятый «Б», который торопится наверстать упущенное время... Но племя прошло мимо, последний воин показал свою спину, и никто не остановился, никто не взглянул на бедного Тонино, никто не взял его под руку...

Тонино с таким волнением ожидал выхода товарищей, что даже позабыл, что стал невидимкой.

Он догнал Белого Негра, который быстро шагал по мостовой, и схватил его за руку:

— Белый Негр! Это я, Тонино!

Белый Негр, даже не оглянувшись, почесал руку и с возмущением подумал, что к нему забралась блоха. Но кто же мог принести блоху в школу?

— Белый Негр! Ты меня не слышишь? Ты хоть послушай, раз уж не можешь видеть меня! Если б ты знал, что со мной приключилось с тех пор, как я стал невидимкой! Ты слушаешь меня, Белый Негр?

Тонино бежал за своим другом, неловко прихрамывая оттого, что одна нога у него была на тротуаре, а другая на мостовой. Он все утро молчал и теперь хотел говорить, говорить без устали, ведь ему было о чем рассказать. Но, видно, Белому Негру было не до него.

— Притворяешься, будто меня не слышишь! Ты что, на меня разозлился оттого, что я потянул тебя за волосы? Послушай же меня!

Желая наконец заставить себя слушать, Тонино со злостью стукнул приятеля кулаком по спине. Белый Негр повалился вперед и уперся руками об асфальт, как котенок.

«Странно,— подумал он.— Должно быть, нога об ногу зацепилась, ведь место совсем ровное!» И он встал, отряхнул пыль с куртки и зашагал дальше, только шел он теперь чуть медленней.

Тонино глядел на друга, и слезы подступали у него к глазам.

«Ну что за толк быть невидимкой? — думал он в тоске и смущении.— Ведь даже с друзьями нельзя поговорить! Нет, хватит! Мне это надоело! Не хочу я быть невидимкой, лучше буду таким, как все! Хочу, чтоб Белый Негр накинулся на меня с кулаками и сделал мне подножку, как позавчера!..»

Но Белый Негр подошел к своему дому и вошел в ворота, даже не оглянувшись, чтоб попрощаться с Тонино. Ведь он не знает, что здесь, рядом с ним, его друг, который хочет, чтобы с ним попрощались, чтобы ему на ходу скорчили рожу или высунули язык на прощание. Тонино так и остался стоять на улице, такой одинокий, что нам его стало жалко. Словно нищий, присел он на мостовой. Сейчас ему хотелось протянуть руку и попросить: «Сделайте, чтоб я был, как вы! Не оставляйте меня одного!».

Но кто смог бы увидеть его протянутую руку? Даже витрины не замечали Тонино; напрасно пытался он разглядеть в них свое отражение.

Глава шестая, в которой Тонино узнает, что и у невидимки бывают свои огорчения

Но неожиданно еще более страшная мысль заставила его вздрогнуть.

«А дома? Неужели и с мамой будет так? Неужели она не сможет меня обнять и погладить

— Белый Негр! Это я, Тонино!

по голове, как она всегда делает? Неужели она меня даже шлепнуть не сможет?..» Он за целое утро ни разу не подумал о маме: позабыл о ней, наслаждаясь недолгим счастьем мальчика-невидимки, которому сходят с рук все проказы. Но теперь Тонино бежал домой, и сердце у него стучало, как барабан, то и дело взывая: «Мама! Мама!».

А мама стояла у окна. Тонино тотчас же увидел ее исхудалое, взволнованное лицо за ящиками, в которых были высажены цветы. Мама ждет его возвращения, не сводит глаз с улицы и вот-вот закричит: «Ты снова опоздал!.. Остался играть после школы... Макароны остынут, а потом скажешь, что они, как клей, и не захочешь есть!.. Живо домой!».

— Мама! — что есть мочи закричал запыхавшийся от бега Тонино.— Я здесь, мама!

Но мама продолжала глядеть в другую сторону.

— Мама! Посмотри на меня! Подожди меня, мама, я сейчас приду! Бегом подымусь по лестнице! Если б ты только знала, что́ со мной приключилось!..

Пулей влетел он в комнату. Папа уже сидел за столом, прислонив газету к бутылке с минеральной водой. Подняв голову, он пробормотал:

— Должно быть, ветер на улице. Слышали, как хлопнула дверь?

Тонино стоял перед ним, едва дыша от усталости и страха, но отец его не заметил и снова уткнулся глазами в газету. Мама не отходила от окна.

— Все нет его... Что с ним могло случиться?

— Да что с ним может случиться? — проворчал отец.— В футбол гоняет, наверно, раздобыли где-нибудь жестяную коробку вместо мяча. Ведь за обувь все равно не им платить! Ты лучше садись к столу и поешь. А ему придется иметь дело со мной. Не лезь руками в тарелку, я тебе сто раз говорил, что вермишель нельзя трогать руками!

Последнее относилось к Альберто, младшему брату Тонино.

— А если она не держится на вилке! Я не умею...

— Должен научиться есть, как положено.

— Тонино тоже ест руками. А зачем варить вермишель, уж лучше макароны, те по крайней мере...

— Ешь молча. Не хватало только, чтобы мои сыновья стали заказывать себе блюда к обеду, как в ресторане! Вот до чего мы дошли. Ешь и молчи!

Альберто замолчал. День сегодня был явно неподходящий, чтобы возражать отцу. Тонино невольно улыбнулся. Как он любил папу! Даже в такие дни, когда папа бывал мрачным и кислым, как лимон, и от него можно было ждать лишь замечания!..

Тонино подошел поближе и положил ему руку на плечо. Но отец продолжал есть.

«Как же дать ему знать, что я здесь? — спрашивал себя Тонино.— Нужен какой-нибудь сигнал! Может, опрокинуть стакан или написать что-нибудь на листочке бумаги. Но тогда они испугаются. Маме, конечно, станет плохо... Лучше постучать по столу, или по стенке, или, может, ножом по стакану... Они тогда увидят, как нож сам по себе подымается и стучит по стакану.

Эта мысль пришлась Тонино по душе. Он осторожно взял нож в руки и постучал им по стакану Альберто. В ответ дважды раздалось тонкое «тин-тин», словно зазвенел колокольчик.

— Альберто, оставь в покое стакан,— сказала мама.

— Я его не трогал.

— Не лги!

— Не лезь руками в тарелку, я тебе сто раз говорил...

— Мама, я не трогал стакан. Вот посмотри.— И он в знак оправдания показал свои руки.

— Альберто, мне сейчас не до шуток,— сказала мама усталым голосом. Она то и дело поглядывала на часы с маятником.— Уже четверть второго. Никогда Тонино так не опаздывал.

«Сделайте же что-нибудь!—хотелось закричать Тонино.— Сделайте что-нибудь! Помогите мне!»

Он шагал взад и вперед по столовой, выходил в коридор и пугался своего одиночества.

Он больше не пытался сдержать слезы. Теперь они текли у него по щекам. Он чувствовал их тепло, ощущал их горечь на губах. Бедный Тонино-невидимка! Всего несколько часов тому назад он обрадовался, когда понял, что учитель его не увидит и не сможет вызвать к доске. А теперь он был бы даже рад принести домой двойку в дневнике...

«Я тут больше не выдержу,— подумал Тонино,— лучше пойду во двор».

Мальчики из их двора с обедом справились быстро, словно то был скучный урок, и теперь сошли вниз, чтобы размять ноги. Конечно, здесь нельзя было играть по-настоящему: это запрещалось, и дворник, хоть и был добрым человеком, ни за что не допустил бы нарушения правил. Но все же можно было побегать или поболтать, собравшись где-нибудь в уголке.

Во дворе была разбита клумба, а посреди нее возвышалась сосна. Ходить по клумбе, конечно, запрещалось. Но Тонино уселся на густой ковер из сухих игл, прислонившись спиной к дереву.

«Дворник не может меня видеть. Пусть хоть это меня утешит». Вокруг раздавались голоса ребят.

«До чего я завидую им! — подумал Тонино.— Как они все счастливы! Могут глядеть друг другу в лицо. Могут взяться за руки и поболтать друг с другом. Если захотят, могут и подраться, чтоб потом снова помириться».

До чего важными и прекрасными казались ему теперь все эти пустяки!

А друзья! Он никогда не задумывался над тем, как хорошо иметь друзей!

«Теперь я знаю, что на свете хуже всего,— сказал самому себе Тонино.— Не двойка и даже не бедность: ведь бедняки могут помочь друг другу. Хуже всего одиночество. Одинокий всегда бессилен. Для счастья нужны другие люди: мама, друзья, товарищи, учитель — словом, все люди на земле».

Пусть вас не удивляет, что у Тонино появились такие сложные мысли: ведь он невидимка, а вам никогда не приходилось быть невидимкой. Да, невеселые у него были мысли в голове, ничего не скажешь. А черные мысли, как черные птицы. Тонино даже показалось, что черные мысли кружат над ним, словно воронья стая. Но он их не видел: мысли всегда невидимы, хоть и принадлежат людям из плоти и крови.

Глава седьмая, в которой Паола увидела Тонино и рассказала ему о сложных делах

Покуда Тонино предавался этим размышлениям, чей-то голос послышался у него за спиной:

— Разве ты не знаешь, что нельзя сидеть на клумбе? Вот дворник увидит и отругает тебя как следует.

Тонино не сразу обернулся.

«Это мне говорят? — подумал он рассеянно.— Ведь со мной нельзя разговаривать, потому что меня никто не видит».

Но голос продолжал настаивать:

— Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

На этот раз Тонино обернулся.

Девочка с огромным красным шарфом, повязанным вокруг шеи, смотрела на него так пристально, словно видела его на самом деле.

— Это ты мне говоришь? — спросил не слишком обнадеженный Тонино.

— А кому же еще? — засмеялась девочка, откинув за плечи две черных косы.— Ведь здесь нет никого, кроме тебя. И ты знаешь, что на клумбе сидеть запрещено.

— Дворнику меня не увидеть.

— Ну да! Ведь я тебя вижу. Ты спрятался за дерево, но все-таки тебя видно.

Тонино пожал плечами. Девочка обошла вокруг клумбы и теперь остановилась прямо перед ним.

— Что, не уходишь? Значит, ты на самом деле храбрый. Вот и я здесь сяду. Что нам может сделать дворник? Накричит, и только. А я тогда удеру, вот и все. Тебя как звать?

— Тонино.

— А меня Паола. Вот уже неделя, как я здесь живу, а еще никого не знаю. Я живу на пятом этаже, а ты?

— На втором.

Тонино отвечал нерешительно, словно боясь, что не сможет договорить до конца: ведь с той минуты, как он стал невидимкой, ему впервые представилась возможность перекинуться с кем-нибудь парой слов.

— А ты можешь видеть меня? — спросил он неуверенно.

— Еще бы! — рассмеялась Паола.— Ведь я не слепая! Конечно, я тебя вижу. Я увидела, что ты один и ни с кем не играешь. Разве и ты никого здесь не знаешь? Здесь ребята какие-то неприятные. Проходят мимо и смотрят на меня, как на муравья. Ни разу никто и словечка не сказал. А девочек здесь совсем нет. Какой странный двор: я ведь, знаешь, здесь единственная девочка! Все остальные — мальчишки. Может быть, у вас такое правило?

Но Тонино не отвечал: он думал.

«Если Паола видит меня, значит, я перестал быть невидимкой. Значит, я снова такой, как все. А может, меня видит только она? Почему? Разве может быть так, чтоб меня видела только Паола, а другие не видели? Нужно это проверить!»

Он в два прыжка очутился рядом со своими старыми приятелями, но ребята, повернувшись к нему спиной, продолжали разговаривать друг с другом. Огорченный Тонино вернулся к девочке, которая уселась на краю клумбы.

— Значит, ты мальчик-невидимка? — сказала Паола.

— Увы! — вздохнул Тонино в ответ.

— Отчего ты так говоришь? Ведь это, должно быть, очень интересно. Будь я невидимкой, я бы стала делать все, что взрослые запрещают, и никто не смог бы меня отругать.

— Я больше ничего не хочу делать. Целое утро я был невидимкой,— ответил Тонино.— Я теперь только хочу стать таким, как все. Хочу вернуться домой, но у меня ничего не получается. То есть я вернулся, но никто меня не увидел.

— Если они тебя увидят, то отругают за опо-

— Что ты здесь делаешь одна? — спросила мама у Паолы.

здание; уж найдут, за что тебя отругать, взрослые сто причин выдумают...

— Не может этого быть, да мне это теперь и неважно. Я только поскорей хочу обнять свою маму.

Паола замолчала, но потом новая мысль забралась ей в голову, прямо под косы.

— Если ты невидимка, как же мне удается тебя видеть?

— Сам не знаю. А ты что думаешь?

— Может, потому, что я всегда одна. Никто со мной не водится, никто со мной не играет, у меня нет друзей. Ребята меня вроде и не замечают, значит, я почти невидимка.

Тонино задумался над этим странным объяснением. Все же у Паолы был дом и была мама.

Кто знает, — продолжала Паола и, задумавшись, сама дергала себя за косы, — кто знает, сколько невидимок живет на свете? Но как же узнать про них, раз они невидимки?

Тонино стало не по себе. От такого разговора может голова разболеться: какая-то девочка с косами вдруг берется рассуждать о таких сложных делах!

«Вот и на самом деле разболелась голова, — подумал Тонино, — но, может, это оттого, что я не поел».

Глава восьмая, в которой речь пойдет о безумном торговце

Как бы угадав его мысли, Паола спросила:

А ты обедал?

— Нет.

— Ну и ну! Так ты скоро и впрямь станешь невидимкой: не будешь есть — ноги протянешь. Разве ты об этом не знаешь?

Ну и ладно. Где же я могу теперь поесть?

— Пойдем ко мне. Никто тебя не увидит. А я притворюсь, будто проголодалась, и возьму себе на кухне булочку. Ты покуда подождешь в прихожей — я там всегда играю в куклы, — а потом спокойненько поешь.

Словом, все выглядело заманчиво.

Они, перескакивая через ступеньки, поднялись по лестнице. По дороге им повстречалась синьора, которая сказала: «Здравствуй, Паола!» — а Тонино не мог удержаться от смеха: ведь синьора шла прямо на него.

Паола, к большому удивлению своей мамы, отправилась на кухню и взяла там булочку.

Тонино услышал, как ее мама со смехом сказала:

— Что это ты сегодня так проголодалась?

Покуда Паола делала вид, будто играет в куклы, Тонино с жадностью съел булочку вместе с куском швейцарского сыра (ну что за странная штука этот швейцарский сыр: почти весь в дырах, словно и он хочет стать невидимкой!) Эта булочка показалась ему вкусней всех, которые он когда-либо ел: не прошло и двух секунд, как она исчезла. В ту самую минуту, когда он доедал последний кусочек, в прихожую вошла мама Паолы. Тонино прижался к стенке. Но эта предосторожность была напрасной: мама Паолы не могла его увидеть.

— Что ты здесь делаешь одна? — спросила она у Паолы.

Тонино в ожидании ответа вздрогнул.

— А я здесь не одна, — ответила Паола, подмигнув мальчику, который пристально глядел на нее, подняв палец ко рту в знак того, что она должна молчать.

— Ты не одна?

— Нет, я здесь со своими куклами. Разве ты не видишь? Вот Элизабета, а вот Мария-Тереза, а вот черный-черный бедняжка Бонго-Бонго.

Когда Тонино покончил с едой, Паола уселась за столик и стала готовить уроки.

— Хоть ты и будешь скучать, уроки мне все равно нужно приготовить.

— Ты занимайся. Что вам задали?

— Да вот глупая задачка: «Торговец купил 2 347 метров сукна по 45 лир за метр, а перепро-

дал по цене 177 879 лир за метр. Сколько он заработал?»

— Но ведь это же очень легко,— сказал Тонино с таким увлечением, словно ему уже сто лет не приходилось заниматься арифметикой. Задачка ему даже показалась интересной, а прежняя нелюбовь к математике была так от него далека, словно это не он, а кто-то другой раньше не любил решать задачи.

— Задачка легкая, но глупая,— заявила Паола.— Ну, скажи, разве ты когда-нибудь видел торговца, который сразу закупает почти два с половиной километра ткани одного и того же сорта? Ведь ему никогда не удастся ее продать. Не могут же люди шить себе одежду только из ткани одного цвета! Ну, а потом что это за цена — 45 лир за метр? Где ты найдешь теперь такой дешевый материал? Скажи мне, если знаешь, я тотчас же туда сбегаю. В какой стране живет синьор, который придумал такую задачу? Я помогаю маме вести счета и знаю, что сколько стоит. Вообще, я тебе скажу, ты нигде не найдешь таких глупостей, как в задачах, которые мы решаем в школе.

Тонино взглянул на нее с восхищением. Для него арифметика всегда была только арифметикой и ничем больше, а решение задач—скучным делом, которое приходится выполнять поневоле, чтобы не получить плохую отметку,— только и всего. Паола доказала ему, что и задачка может быть интересной, не менее интересной, чем споры папы с мамой в конце месяца, когда они подсчитывают, что истрачено, и решают, что можно купить в следующем месяце.

Тонино сидел и поглядывал на Паолу, решавшую эту задачу, которая показалась ей легкой, глупой и бесполезной. Ему по-настоящему захотелось решать большие и важные задачи, похожие на те, что решают его родители в конце каждого месяца, а может быть, и каждый день.

Глава девятая. Эпилог

Подходит к концу история Тонино. Вот мне и пришлось в начале этой главы поставить слово «эпилог», что, собственно, значит конец и завершение.

Тонино и в самом деле уже несколько часов, как перестал быть настоящим невидимкой: Паола видит его, разговаривает с ним, дает ему есть, просит его помочь ей решить задачу. Нам при этих обстоятельствах пришлось бы изменить название рассказа, назвать его, скажем, «Тонино— невидимка для всех, кроме Паолы». Но такое название будет слишком длинным.

Что испытывает мальчик, который вначале превратился в невидимку, когда он опять становится видимым? Может быть, это похоже на удар электрического тока? Может, дрожь пробежит у него по спине? А может быть, ему лишь становится слегка не по себе? Никто не сможет ответить на эти вопросы: ведь еще никому не приходилось испытывать ничего подобного. Только Тонино мог бы рассказать нам об этом, если бы запомнил. Но он помнит лишь о радости, которая охватила его, когда, взглянув в зеркало, он увидел в нем отражение мальчика, глядевшего прямо на него.

Просто мальчик, не красивый и не уродливый, не высокий и не маленький, ну, просто мальчик, такой, какого можно повстречать где угодно; Тонино даже показалось, что он знает его очень хорошо.

— Ведь это я! Значит, я перестал быть невидимкой!

— Смотри! — закричал он, схватив Паолу за руку.

— И так вижу, нечего меня толкать.

— Ведь это я.

— Вижу. А кого ты ожидал увидеть в зеркале? Деда рождественского или ведьму на метле?

— Ты ничего не понимаешь. Ведь это зна-

чит, что я перестал быть невидимкой! Даже зеркало может меня увидеть!

— Жалко! — улыбнулась Паола.— А мне так хотелось иметь своего мальчика-невидимку. Я бы укладывала его спать вместе со своими куклами и кормила бы его тайком завтраками.

Тонино поближе подошел к зеркалу и дотронулся рукой до лица. Мальчик в зеркале проделал то же самое.

Только Тонино № 1 скорчил рожу — и Тонино № 2 повторил ее в точности. Тонино засмеялся— и тотчас же засмеялись оба Тонино: тот, что стоял посреди комнаты, и тот, что отражался в зеркале. Они улыбались, как два друга, вновь встретившиеся после долгого путешествия.

— Мама! — позвала Паола.

— Что случилось, дорогая? Ах, здравствуй! — сказала мама Паолы, обнаружив Тонино, который продолжал гримасничать перед зеркалом.

— Ну вот, значит, теперь и мама тебя видит.

— Может быть, ты, Паола, объяснишь мне, что здесь происходит?

— Неважно, мама, это слишком долгая история. Представь себе, Тонино боялся, что его больше никто не видит.

Мама не стала ни о чем расспрашивать, она быстро оглянулась и осталась довольна увиденным: на столике Паолы открыта тетрадь по арифметике, целая страница исписана цифрами, а куклы в полном порядке лежат на своем месте. Порой и этого достаточно, чтобы мама была довольна. Ведь мамы понимают, что у детей свои маленькие тайны и не надо стараться проникнуть в них любой ценой: это нескромно.

Очутившись перед дверями своей квартиры, Тонино еще раз ощупал себя руками, ему просто хотелось убедиться, все ли на месте: нос, глаза, уши и вихор на лбу. Да, все на месте. И он нажал кнопку звонка. Мама схватила его в свои объятия. Нужно ли рассказывать, что было дальше! Никто его не ругал, все были так взволнованы его пропажей, что встретили бы его поцелуями, даже если б он появился в пальто, разорванном на семь частей, и с дюжиной шишек на лбу. Значит, все кончилось хорошо. Тонино подбежал к окну и взглянул наверх.

Паола в знак привета помахала ему рукой, словно желала сказать: «Вот видишь, а ты боялся!».

А потом Тонино целых полчаса не находил себе места: бродил по дому, касался руками мебели, ощупывал свой ранец и обнимал маму. Все казалось ему прекрасным, все было великолепно. Все в доме казалось ему новым, принесенным сюда впервые, чтоб встретить его получше. Так было и с его кроватью, и с ванной, и с телефоном.

— Алло! Белый Негр?

— Кто говорит?

— Это я, Тонино.

— Куда же ты запропастился? Тут у нас целая куча интересных происшествий. Нужно было тебе заболеть как раз в такой день!

— И я тебе о многом должен рассказать. А пока скажи мне, что было задано.

— Раз ты болел, можешь не делать уроки. Тебя никто упрекнуть не посмеет.

— Просто мне скучно. Лучше позанимаюсь, и время пройдет.

— Ну что ж, развлекайся. Задано сочинение на тему...

Но лучше мы оставим Тонино с его сочинением. Ведь его невеселые приключения начались как раз из-за невыученного урока. Помните, как это было?

Теперь Тонино понял, что в жизни бывают не одни веселые и занимательные дела. Случаются и трудности, бывают и глупые задачи и скучные сочинения. Не всегда, но порой встречаются. А что же это такое — трудности? Ведь трудности — это препятствия, через которые нужно перескочить. Перескочишь — и сразу окажешься среди милых друзей, перескочишь—и сразу очутишься на парте и будешь внимательно слушать спокойную речь учителя. Перескочишь — и будешь дома, среди своих. «Как хорошо всегда быть вместе с другими!—подумал Тонино.— Всегда и везде — дома, в школе, во дворе».

Всегда быть вместе со всеми и делать все вместе. Нет на свете ничего хуже одиночества. Он испытал его, когда был невидимкой, и знает, что это такое.

Два слова читателям «Приключений Тонино-невидимки»

Дорогие читатели!

Правдива ли эта история? По-моему, да, хоть и может показаться неправдоподобной. В ней рассказано о мальчике, который стал невидимкой. Я знаю: такое не может случиться. Это и мне известно.

Но многие ребята — готов поспорить, что и кто-нибудь из вас! — по крайней мере раз в жизни хотели стать невидимкой. «Что ж,— подумал я,— допустим, что такое желание осуществится. Что же дальше?»

Вот я и рассказал о том, что, как мне кажется, могло бы из этого выйти. А могло выйти и хорошее и немало неприятного. В конце этой истории моему герою пришлось сказать: «Хватит, надоело мне быть невидимкой, хочу вернуться к друзьям».

В ту самую минуту, когда желание вернуться к друзьям стало очень сильным, оно, к великой радости моего героя, должно было осуществиться.

Я вижу, эта история заставила вас призадуматься? Что ж, поразмыслите над ней, и вы увидите, что она правдива от начала до конца.

Недавно на торжественном сборе пионерской дружины 36-й школы, посвященном гвардейскому минометному полку, лучшему пионерскому отряду — отряду 5-го класса «Б» — было вручено прославленное боевое знамя.

История одного знамени

М. ПЕВЗНЕР

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

У этого знамени, пробитого осколками снарядов, потемневшего от порохового дыма, больше чем пятнадцатилетняя история... Но мы начнем ее с 27 апреля 1947 года.

В этот день в Колонном зале Дома союзов на XIII слет пионеров Москвы собрались делегаты всех дружин столицы. Слет подходил к концу. Вдруг запели фанфары, и в зал, чеканя шаг, высоко неся над головой знамя, вошли гвардейцы Энского минометного полка. Пионеры встали, отдавая салют знамени, овеянному боевой славой.

— Пять лет назад,— сказал секретарь Московского комитета комсомола,— это знамя пионеры столицы вручили уходившему на фронт Энскому гвардейскому минометному полку. Он был сформирован из комсомольцев Москвы. Советские воины с честью пронесли это знамя в боях за Родину, а потом вернули его Московскому комитету комсомола с просьбой сделать знамя переходящим и награждать им лучшие пионерские дружины столицы. Сегодня — и это уже в третий раз — его завоевывает пионерская дружина 36-й школы. По итогам смотра физкультурной работы она вышла на первое место среди пионерских дружин Москвы...

С торжеством привезли пионеры драгоценную награду в школу.

— Давайте, ребята, восстановим историю этого знамени, проследим славный путь гвардейского полка,— сказала вожатая Людмила Марковна, или просто Мила, как ее зовут все в школе.

Предложение понравилось, но тут же возникли сомнения.

— Война давно кончилась, разве теперь что узнаешь?

— А мы поищем, пороемся в материалах, походим по музеям,— возразила Мила.

НАЧАЛО ПОИСКОВ

В Историческом музее, на выставке «Комсомол в Великой Отечественной войне», ребята просмотрели множество газетных вырезок, перебрали сотни фотоснимков, но ничего нового о знамени Энского гвардейского полка не узнали. Сдаваться не хотелось, они упрямо рылись в архивах выставки, беседовали с ее организаторами. Упорнее всех оказался самый младший среди ребят, Виль Фунтиков. Он-то и принес новость в школу.

— В городе Ступино, под Москвой, живет бывший политработник полка Терентий Моисеевич Горб.

На другой же день ребята отправились к Терентию Моисеевичу. И вот в «Истории знамени» появилась первая запись: «...Комсомольцы-минометчики прошли с боями по многим фронтовым дорогам, и всюду на головной машине в походном чехле рядом с гвардейским знаменем стояло знамя московских пионеров. Когда полк вступал в бой, знамя передавалось лучшему орудийному расчету. За успешные боевые действия под Сталинградом полк был награжден орденом Красного Знамени...»

Окрыленные первым успехом, ребята с новой энергией принялись за поиски.

Разбились на группы. Одна из них работала в Центральном архиве Советской Армии, другая — в библиотеке имени Ленина, третья — в Военно-политической академии, четвертая — в Мосгорсправке.

Терпеливо и настойчиво в течение многих месяцев по боевым донесениям, сводкам, наградным листам, скупым газетным заметкам ребята изучали историю полка, восстанавливали его боевой путь, собирали фронтовые снимки, узнавали адреса воинов. Одним писали письма, к другим ездили домой и записывали их рассказы.

Все готово к открытию лагеря: разбиты палатки, проведено электричество, оборудованы спортивные площадки, построена кухня, вырыт погреб, оборудован радиоузел, осталось подключить репродукторы.

А еще через некоторое время, в феврале 1950 года, пионеры принимали в школе ветеранов-гвардейцев.

ТУРИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ

Вот тогда и родилась новая мысль: совершить пеший поход по боевому пути полка.

Терентий Моисеевич Горб и бывший комиссар полка Петр Петрович Гук одобрили эту идею, но предупредили:

— Поход по пути полка — это не прогулка. Надо быть выносливым и закаленным.

И вот, чтобы действительно по-настоящему подготовиться к трудному походу, ребята решили построить свой туристский лагерь.

...В свободное от занятий время школьники ходили работать на строительство Центрального стадиона в Лужниках. За это им дали тес и доски от строений, пошедших на слом. Из этого «лужниковского» теса Виль Фунтиков, Валерий Руднев и другие члены хозяйственной команды сделали в лагере столы, скамьи, хозяйственный склад, погреб. Вожатая Мила сложила печь, Валерий Терентьев привел в порядок радиоприемник и движок. В палатках зажглись лампочки. А через несколько дней туристы отправились в первый тренировочный поход.

...Так прошло лето. Начались занятия в школе, но тренировки продолжались. Зимой ребята совершили стовосьмидесятикилометровый марш на лыжах. В мае провели восьмидесятикилометровый пеший поход. А летом снова вышли в лагерь.

Закаленные в походах, уверенные в своих силах, ребята пришли в Московский туристский клуб с тщательно разработанным маршрутом.

Рассмотрев его, методисты клуба развели руками.

— Тут же кругом степь безводная.

Но это не испугало упрямых ребят.

ПО ПУТИ ПОЛКА

В городе Серафимовиче, откуда начался поход, ребята устроились на ночь в детском доме.

— Если так будет и дальше, получится не поход, а дом отдыха,— шутил Валерка Руднев.

Но дальше все пошло по-другому. Десятки километров приходилось идти под палящим зноем, по твердой, как камень, земле, с тяжелыми рюкзаками. Были дни, когда шли под непрерывным дождем, и дни, когда на много километров кругом не было ни капли воды, кроме той, что несли с собой в нескольких бутылках. Виль Фунтиков раздавал ее строгими дозами: по два глотка.

— Как на фронте,— говорили ребята и упорно шли вперед и вперед.

В Калаче они встретились с участниками войны, сделали выписки из районной газеты за 1942—1943 годы. Но восстановить картину боев было трудно: на месте старых хуторов возникли искусственные моря и водохранилища, выросли новые города и поселки, здесь теперь, рассекая полынную степь, пролегает Волго-Донской судоходный канал имени Ленина...

В лагере все спортсмены. Много отличных гимнастов, пловцов, волейболистов, стрелков. На последних стрелковых соревнованиях команда 36-й школы заняла первое место во Фрунзенском районе Москвы.

Из Калача путь походной группы лежал на высоту 129,0. За эту высоту в декабре 1942 года полк вместе с пехотными частями вел тяжелые бои. В этих боях отличился расчет сержанта Ивана Пугача, которому только накануне было вручено знамя московских пионеров. Вот как все это было.

С высоты 129,0 гитлеровцы контролировали перекрестки важных дорог. Она была хорошо укреплена бетонированными дотами, из каждой щели торчали пулеметы и пушки. Командование приказало минометному полку разгромить огневые точки гитлеровцев. «Катюши» открыли огонь. Но гитлеровцы нащупали наши батареи, укрывшиеся в балках, и открыли массированный огонь. Тысячи немецких мин рвались с воем, осыпая минометчиков смертоносным дождем осколков. Солдаты отхлынули от боевых установок.

Нужно было воодушевить дрогнувшие на мгновение ряды воинов. И вот тогда артиллеристы услышали голос Ивана Пугача:

— За Родину!

И все увидели его, стоящего под огнем у орудия, а рядом с ним — трепещущее на ветру, пробитое осколками алое пионерское знамя.

Поддержанная гвардейскими минометами, пехота заняла высоту 129,0.

СЛАВА ДЕРЕВЕНСКОВ

Еще в Москве полковник Петр Петрович Гук просил ребят разыскать в Калаче одного мальчика.

«Мы спешили,— рассказал Петр Петрович,— на помощь Сталинграду. Вдруг в Калаче наш полк задержался: цистерны с бензином запоздали, и машины встали. Вот тогда неожиданно нас выручили ученик второго класса Слава Деревенсков и его товарищи. Ребята нашли замаскированный гитлеровцами склад горючего.

Мы заправились немецким бензином и двинулись вперед, на Сталинград...»

В Калаче Славу Деревенскова не нашли, отыскали его в Сталинграде. Он оказался коренастым, широким в плечах парнем. Неожиданная встреча очень взволновала его.

— Как же, как же, все помню! — возбужденно говорил Слава.— Наши наступали так быстро, что немцы впопыхах все побросали.

А с бензином этим целая история приключилась. Приходят к нам в дом наши солдаты с ведерком — бензин спрашивают. Я говорю: «Что с ведерком ходите, когда у немцев бочки припрятаны?».

«Ну, где?» — обрадовались бойцы.

А я и сам не знаю, где. Только помню, что видел на днях, как немцы бочки катили. Весь день я с двумя мальчишками ходил по дворам, искал склад. К вечеру мы его нашли во дворе рыбного завода. Там оказалось девять больших цистерн горючего и несколько бочек «солярки», которая тоже очень пригодилась танкистам.

Через неделю после того, как прогнали фашистов из нашего города,— продолжал Слава,— открылась школа. Правда, вся она тогда в одной комнате поместилась, за одним столом все сидели. Гитлеровцы парты на дрова порубили.

Потом я железнодорожное училище кончил. А теперь работаю в паровозном депо слесарем шестого разряда. Ну, что еще сказать: комсомолец, конечно. Вечерами в институт готовлюсь. Вот, кажется, и все. Привет большой комиссару передайте...

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Больше месяца были ребята в походе, вернувшись, первым делом решили встретиться с ветеранами части.

На этот раз в школу пришел бывший командир полка Плотников, бывший начальник штаба Пануев и многие другие ветераны части.

Комсомольцы и пионеры доложили о своем походе, рассказали и о себе: о том, как они учатся, каких успехов достигли в спорте.

Наиболее отличившиеся пионеры и комсомольцы были сфотографированы у развернутого знамени гвардейского полка. Для каждого ученика 36-й школы — это самая большая награда. За последние шесть лет ее удостоилось всего пятнадцать человек. И первым в школе заслужил эту честь Валерий Колкунов. Несколько лет лежал он в гипсовом корсете. Прикованный к постели, продолжал заниматься. Он сдавал экзамены, оставался пионером и членом совета дружины, заседания которого часто проводились у него дома. Сейчас Валерий здоров, хорошо учится, участвует в многодневных туристских походах, а на лыжных соревнованиях 1957 года одним из первых закончил десятикилометровую дистанцию.

...Когда церемония фотографирования окончилась, слова попросил Терентий Моисеевич Горб. Он посоветовал школьникам летом следующего, 1957 года совершить новый поход по пути полка — в район Орла...

ЗНАМЯ НАД КАСТОРНЫМ

Большой, трудный путь прошли юные туристы по местам боев полка. И вот они в Орле.

В этот же день в Орел прибыла другая группа школьников — из села Касторного, Курской области. Над их колонной — тоже знамя, на красном полотнище которого сверкают слова: «От Касторного до Кенигсберга».

Об этой встрече ребята договорились заранее. И вот обе походные группы в Орловском Доме пионеров. Орловские школьники встречают их с цветами. Пришли на эту встречу и участники Великой Отечественной войны, ветераны боев за Орел. И не было ни одного человека, у которого не забилось бы сильнее сердце, когда раздалась команда:

— Знамена гвардейских полков — внести!

Загремел торжественный марш, весь зал встал, и два знамени медленно поплыли над головами ребят.

После того, как Виль Фунтиков рассказал об истории знамени минометного полка, слово было предоставлено Тае Мельниковой — председателю совета дружины 1-й касторенской средней школы.

— Вот это пионерское знамя,— сказала Тая,— воины Энского ордена Кутузова гвардейского стрелкового полка обнаружили заботливо спрятанным в подвале одного из домов, когда освободили Касторное в феврале 1943 года. В дом первым ворвался комсомолец-пулеметчик Хаджи Бабаев. Он установил здесь свой пулемет и метко громил гитлеровцев. Но и сам он оказался под перекрестным огнем врага. Товарищи не могли подойти к нему на помощь. Много часов он вел бой один. Бабаев был ранен, но пулемет его не умолкал ни на минуту. Гитлеровцы подожгли дом, но и из дома, охваченного пламенем, Бабаев посылал меткие очереди. Когда советские воины подошли к горящему дому, они насчитали вокруг него несколько сот гитлеровских трупов. У пулемета лежал сгоревший Хаджи Бабаев, а рука его оставалась на спусковом крючке. Неподалеку от него и было найдено вот это пионерское знамя. Тогда в память о подвиге героя-пулеметчика воины поклялись не выпускать это знамя из рук до полной победы над врагом.

И вот это знамя, освященное подвигами и кровью героев, снова в Касторном. Его привезли гвардейцы.

«Отлично учиться, любить труд, крепить оборонно-спортивную работу, беззаветно любить свою Родину» — такой наказ дали они ребятам.

Школьники выполняют этот наказ: по успеваемости школа стоит на первом месте в районе. А о трудолюбии ребят можно судить по такому примеру.

Как-то из конторы «Заготзерно» раздался тревожный звонок:

— На складах перегревается зерно!

В школе спросили:

— Сколько нужно людей?

Через час на складе было двести школьников. Две недели шел бой за хлеб. Ребята перелопачивали зерно, грузили и развозили его. Хлеб спасли.

Во время летних каникул ребята тоже работали в колхозах. Они заработали десять тысяч трудодней. На свои деньги купили киноаппаратуру, радио, спортивный инвентарь для стадиона, мотоцикл.

В Орле москвичи и касторенцы несколько дней провели вместе. Ходили в музеи, разыскивали ветеранов своих полков, памятные места боев, устраивали спортивные соревнования.

В РОДНОЙ ПОЛК

Еще в начале похода по пути полка Виль Фунтиков поделился с товарищами заветной мечтой:

— Хочу проситься на военную службу в Советскую Армию, в наш гвардейский полк.

Когда вернулись из похода, Виль направил заявление на имя министра обороны СССР.

Этот снимок сделан в 1945 году, когда только что закончилась война. Командир полка Р. Мельников передает пионерское знамя делегации полка, которая отправляется в Касторное, чтобы возвратить знамя касторенским школьникам.

«Очень прошу,— писал Виль,— зачислить меня в Энский гвардейский ордена Красного Знамени минометный полк, потому что этот полк для меня и для моих товарищей уже много лет является самым близким и родным полком: знамя этого полка хранится в нашей школе».

Письмо Фунтикова вскоре вернулось в военкомат с резолюцией: «Удовлетворить просьбу, при условии годности по состоянию здоровья».

Вся школа провожала Виля Фунтикова в армию. Проводить его пришли и бывшие фронтовики.

Рем Иванович Бальжак, бывший полковой связист, разволновался.

— Это же замечательное дело, Виль! Понимаешь,— говорил он,— замечательное! Когда в 1942 году формировался наш полк, нам было столько же лет, сколько и тебе сейчас. Только время другое было, мы на фронт уходили.

Что же тебе подарить на память от фронтовика? Возьми кисет! Я из него всю войну курил, и товарищи тоже.

— Я не курю, Рем Иванович! — смутился Виль.

Тогда фронтовик порывистым движением снял с лацкана пиджака алый значок с надписью «Гвардия».

— Эти значки нам, солдатам, вручали вместе с гвардейским знаменем. Я его носил на фронте и после войны не снимал. А вот теперь возьми. Возьми на память и береги честь гвардейца.

...А недавно совет дружины получил письмо:

«Вот уже месяц моей армейской службы... Скоро в моей жизни произойдет большое событие. Я приму воинскую присягу. В части каждый солдат знает, что у нас есть подшефная школа, что в этой школе хранится знамя полка. Посылаю фото. Фотографировали меня у памятника гвардейцам в честь пятнадцатилетия части. С солдатским приветом. В. Фунтиков».

С карточки на ребят смотрел Виль в форменной гимнастерке, с погонами артиллериста. Взгляд его был непривычно строгим, но в уголках губ пряталась знакомая простодушная улыбка.

Ответ солдату писали всей дружиной. Ребята сообщали, что в школе был недавно девятый традиционный сбор дружины, посвященный гвардейскому полку, что на этот сбор приехали тридцать три ветерана части из Москвы, Щелкова, Подольска, Куйбышева.

Пионеры писали и о том, что по решению совета дружины знамя полка объявлено переходящим, им награждается лучший отряд дружины. 19 ноября 1957 года, в День артиллерии, знамя вручено отряду пятого класса «Б». Этому отряду присвоено имя героя полка майора Новикова.

«Дорогой Виль, передай твоим новым боевым товарищам,— писали ребята,— что мы и впредь в учебе и в труде будем высоко нести знамя гвардейского полка и его славные традиции».

Каждый день рано утром во дворе появляются горнисты Валерик Лосев и Боря Коняшов.

В ДОМЕ № 71

Девочки стояли друг против друга, воинственно сжав кулаки. Одни кричали:

— Попробуйте только прийти на наш двор!

— Очень вы нам нужны! — огрызались другие.— И вы в наш садик не приходите!

Кто-то погрозил кулаком, кто-то замахнулся палкой. Еще минута — и полетели камни, песок...

Во дворе показалась тетя Женя, дворник. Грозно размахивая метлой, она уже мчалась к дерущимся.

— Как не стыдно, хуже мальчишек! — уговаривала она разбушевавшихся девочек.

Они расходились, но через день—два все начиналось сначала.

Так жили ребята двух дворов дома № 71 по Гаваньскому проспекту в Ленинграде.

Но однажды случилось вот что. Во дворе появились два горниста, они вскинули вверх свои блестящие горны и заиграли сбор.

Со всех сторон сбежались ребята. Галя Агапитова, самая боевая, главарь драчунов, скомандовала:

— Отряд, стройся!

Ребята выстроились в колонну.

— Идем мириться! — громко сказала Галя.— Старое не вспоминать, держаться по-пионерски!

Дворник тетя Женя смотрела издали и улыбалась: это ей удалось уговорить девочек помириться. Довольны были и сами девочки. Накануне они договорились собраться и сделать попытку к примирению с ребятами соседнего двора.

Не будем рассказывать, как происходило примирение. Соседи от удивления лишились дара речи, никто не вспомнил старых обид.

С этого самого дня в доме № 71 стали твориться чудеса: садик, который занимал небольшой уголок во дворе, переехал на соседний большой пустырь и густо разросся. Только закончилась стройка жилого дома во дворе, как чьи-то заботливые руки очистили двор от мусора. Пенсионерам, престарелым одиноким жильцам те же руки пилили дрова и приносили их прямо к двери. В праздник во всех почтовых ящиках появились поздравительные письма.

Каждый день рано утром во дворе появлялись горнисты Валерик Лосев и Боря Коняшов. Звук горнов доносился до всех квартир. Пионеры сбегались во двор делать зарядку, уходили в походы...

Это было летом. И сейчас ребята просыпаются под звук горна, но зарядку каждый делает у себя дома, а потом все вместе идут в школу.

Только кончатся уроки, пионеры бегут домой. Домохозяйство отдало им целый подвал. Там будет пионерский клуб, его надо оборудовать, сделать красивым и уютным.

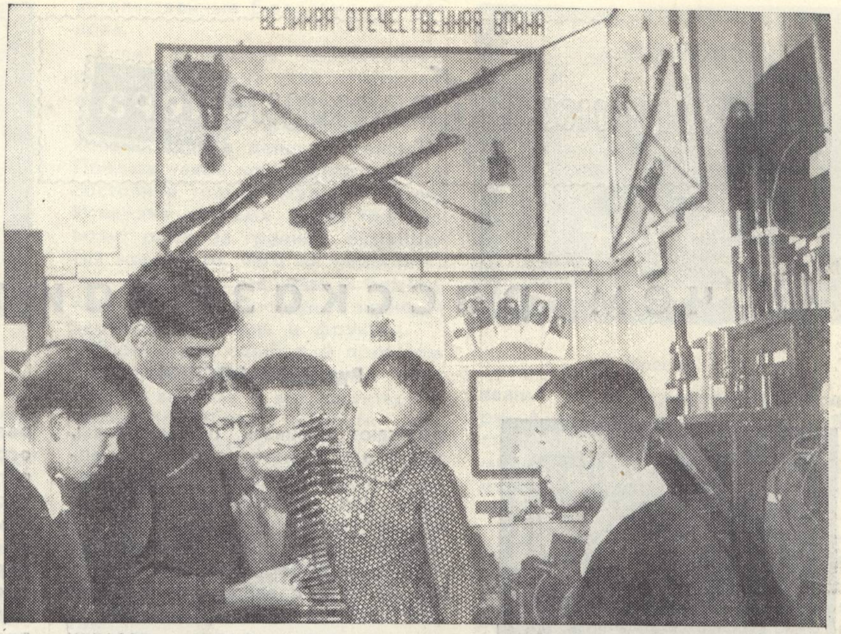
В доме есть пионерский штаб. Начальник штаба девочка — Люся Федорова. Штаб руководит работой отрядов, их два — первой и второй смены. Председатель отряда первой смены — Ира Аресьева, председатель второго отряда — Сережа Емельянов. Работают они дружно. Собрали свою библиотечку. Скоро в клубе начнутся занятия кружков.

В работе ребятам помогает вожатая, комсомолка с фабрики Веры Слуцкой, Оля. Хорошо, весело живется ребятам, все давно забыли про былые ссоры.

СВОЙ МУЗЕЙ

На этом снимке виден лишь небольшой уголок музея. Вот пулеметная лента, автомат, граната, пистолеты разных систем, внизу справа стенд, рассказывающий об учителях школы — участниках Великой Отечественной войны.

Это военно-исторический музей в школе № 2 города Оренбурга. В музее три отдела: дореволюционный, гражданской войны и Великой Отечественной войны. Здесь собраны оружие и модели военной техники разных периодов, карты, на которые нанесены боевые пути прославленных полков. В музее есть фотография Аркадия Гайдара — подарок сестры писателя, которая живет в Оренбурге.

Много интересного о каждом экспонате может рассказать директор музея девятиклассник Эмиль Ибрагимов.

Музей пользуется огромной популярностью у ребят. Здесь часто проходят уроки истории, на каждой перемене у экспонатов толпятся ребята.

«С У З - 65»

Токари «СУЗ-65» Галя Овчинникова и Вера Скрипина за работой.

«СУЗ-65»—это свердловский ученический завод школы № 65. Завод совсем настоящий, только работают здесь не взрослые, а ребята—ученики шестых—десятых классов, и рабочий день у них не совсем обычный — два часа в неделю. «СУЗ» выполняет заказы свердловского завода «Электроприбор»: обрабатывает заготовки деталей осветительной аппаратуры и собирает ее.

Заработанные деньги ребята решили пока тратить только на то, чтобы покупать новое оборудование для цехов и расширять производство.

У школьного завода большие планы. Но главное, чего хотят добиться ребята,— это чтобы каждый ученик, кончая школу, вместе с аттестатом зрелости мог получить свидетельство о том, что у него есть специальность токаря, слесаря или сборщика электрооборудования.

Страничка коллекционера

О чем рассказывают марки

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Марка с картой Исландии.

МАРКА С ГЕЙЗЕРОМ

На многих марках Исландии воспроизведена карта страны. По очертаниям, будто бы уточка неторопливо плывет куда-то. А если вглядеться в сетку широт и долгот, пересекающих «уточку», то увидишь, что она заплыла далеко-далеко — под самый Полярный круг.

Само слово «Исландия» значит «страна льдов». Но ее можно назвать островом штормов, страной туманов, краем землетрясений.

Нелегка тут жизнь. Несмотря на это, исландцы не утратили жизнерадостности и чувства юмора. Они подшучивают над климатом Исландии:

— Это у нас-то прохладно? Что вы! Всего только одиннадцать месяцев зима, а потом весь год лето, лето, лето!

Действительно, в их столице Рейкьявике «только» 338 дней в году хлещет дождь, валит снег или сыплет с неба вперемежку то и другое, остальное время «сплошное лето»!

Конечно, и оно с некоторыми фокусами. Иной раз налетит на побережье из глубины острова «мистур»— песчаный самум.

Откуда на острове льдов самум?

От вулканов. Их здесь почти полтораста, причем двадцать восемь действуют поныне. Сотни и тысячи лет они изливали и продолжают изливать потоки лавы, извергали и извергают тучи пепла. И когда массы холодного воздуха над ледниками в центре страны со страшной силой устремляются летом туда, где воздух теплее, к побережью, они сдирают на пути с застывших лавовых рек частицы пыли и засыпают густым ее слоем города и поселки побережья. А порою пепел исландских вулканов долетает и до более далеких мест. Например, в 1947 году произошло извержение наиболее крупного исландского вулкана — Геклы. Пепел, выброшенный Геклой, долетел через океан до Норвегии и Шотландии!

Иногда на берега исландских фьордов, тех из них, что находятся поблизости от ледников, обрушивается еще бо́льшая беда. Для ее обозначения в исландском языке есть даже специальное слово: «йокульхлаупт». Это — катастрофическое движение ледника в результате извержения вулкана, в особенности такого, кратер которого находится подо льдом. Заговорит вулкан, извергая из недр земли фонтаны раскаленной лавы, но нет им пути: толща льда закупорила кратер. И вот лед начинает дрожать, как папиросная бумага под ветром, пока наконец не прорвется, и тогда целые участки тающего ледника несутся, как река в половодье. А ледники в Исландии такие, равных которым не знает ни Европа с ее Альпами, ни Азия с хребтами Гималаев и Тянь-Шаня. Ватна-йокуль, например, простерся на сто пятьдесят километров в длину, на девяносто километров в ширину!

Извержение вулкана Гекла.

Сумасшедший, чудовищный вал катится по леднику, вал из кувыркающихся глыб льда, из сметенных со своих мест и подпрыгивающих, как мячики, каменных скал, вал лавы, продолжающей хранить температуру внутренности земли, вал шипящей, кипящей воды... Стихии, вечно противоборствующие, никогда не сливающиеся воедино, здесь грозно соединяются, и трепещет земля; на десятки, а то и сотни километров разносится ни с чем не сравнимый грохот йокульхлаупта, вселяя страх даже в неробкие сердца.

Только тут, пожалуй, обрадуешься, что Исландия малолюдна, что более или менее заселено в ней одно южное побережье, да и то в части, отдаленной от ледников, что многие районы этого громадного острова, всего в полтора раза уступающего Англии по площади, вообще необитаемы. Что было бы, если бы йокульхлаупт прошел по населенным местностям стеною до тридцати километров длиной да шести — шириной, высотою в десятиэтажный дом!

Скудна, до крайности скудна почва Исландии. Лишь на склонах гор, примыкающих к прибрежным низменностям, находят себе про-

Знаменитая исландская сельдь.

корм стада овец да карликовые лошадки — исландские пони.

Исландия не может похвастаться ни богатством животного мира, ни растительностью. Леса на ней тоже вроде пони: карликовая береза, недоросли — ива и рябина. Впрочем, даже их ничтожно мало. Ледники занимают площадь в тридцать раз большую, чем леса, лавовые образования — в пятнадцать раз. Уж на что исландцы привычны к суровой природе, а и то не выдержали, сердито прозвали крупнейшую вулканическую область страны «Оудадахраун», что в переводе значит: «Лавовое творение дьявола»!

Исландцев кормит не земля, а море — рыба.

Куда они только не заплывали на своих судах! На рубеже нынешнего тысячелетия, веков этак за пять до генуэзца Колумба, невзначай открыли Америку — все бороздили океан в поисках более щедрых земель. Но так как приплыли к ледовитым берегам дальнего севера Америки, оказавшимся ещё беднее, чем их собственная родина, то не воспользовались открытием и на много столетий в дальнейшем перестали интересоваться и Америкой и путем к ней.

Прибрежные воды Исландии — одни из богатейших в мире по обилию рыбы. Здесь водится треска, морской окунь, пикша, зубатка и, наконец, королева исландских вод, известная всему миру исландская сельдь. Рыболовецкие суда работают круглый год. Устремляются за косяками рыбаки. Начинается сельдяная путина — битва, от исхода которой зависит благополучие едва ли не любого из исландцев. В Исландии все живет ею. Будет улов — будет и обед на столе, будут деньги, чтобы расплатиться за кров над головой, одеться или уплатить врачу, если кто-нибудь заболеет в семье... Недаром правительство во время путины, как во время войны, выпускает регулярные правительственные бюллетени о ходе лова.

Если разложить выловленную рыбу поровну на всех исландцев, включая грудных детей и древних стариков, то ее пришлось бы по восемь кило в день на каждого. Поедать такое количество рыбы в состоянии только акула! Поэтому Исландия сотнями тысяч тонн вывозит рыбу за границу, приобретая взамен то, чего ей недостает: лес и металл, машины и бумагу, автомобили и моторы, зерно и картофель, зелень и фрукты...

Впрочем, я ошибся. В прошлом Исландия действительно полностью ввозила и все фрукты, которые потребляла, и почти всю картошку, капусту, огурцы, помидоры. Теперь же ввоз этого скоропортящегося добра сошел почти на нет. И не потому, что исландцы прекратили потреблять свежие овощи и фрукты,— наоборот, они стали есть их, возможно, больше, чем раньше. Дело в другом.

Есть у меня старая исландская марка — марка с Гейзером. Кое-кто, прочитав так, как у меня написано, Гейзер — с большой буквы,— наверно, сразу захочет устранить опечатку. Ведь гейзер — имя существительное нарицательное, значит, писать его следует с маленькой буквы, а не с большой.

Но не торопитесь. Опечатки здесь нет. Прежде я тоже думал, что гейзер только нарицательное существительное. А потом узнал, что все гейзеры мира — и на Камчатке, и в Америке, и на Новой Зеландии,— в общем, все, где бы только они не взметали к небу свои фонтаны кипящей воды, названы так по исландскому Гейзеру. А у него Гейзер — имя собственное! Он самый большой в мире. Температура выбрасываемого им столба воды—восемьдесят девять градусов.

В теплой воде Гейзера можно купаться даже в самый сильный мороз.

Треска.

С давних пор исландские гейзеры привлекают к себе туристов. Но однажды исландцы задумались: не слишком ли это легкая работа для гейзеров — выстреливать свои фонтаны на развлечение туристам?

И пустили по трубам целую реку горячей воды в Рейкьявик, а в Рейкьявике живет свыше трети населения Исландии — пятьдесят тысяч человек. И заставили эту реку отапливать дома столицы, обслуживать промышленные предприятия и колонки для мойки автомобилей, пустили ее в теплицы: выращивать картошку, апельсины, дыни, капусту, виноград, огурцы.

Эти теплицы уже почти полностью удовлетворяют потребность страны в овощах.

Горячо любящие родину исландцы свыше тысячи лет отстаивают свою независимость то от норвежских феодалов, то от датских королей, то, теперь, от североамериканских империалистов, которые во время второй мировой войны оборудовали на мирном острове крупнейшую военную авиабазу.

В отличие от исландцев, которые в свое время покинули берега Америки, североамериканские империалисты, отыскав дорогу к берегам Исландии, не хотят оставлять ее в покое.

А исландцы не желают видеть на своей земле ничьих военных авиабаз. Они яростно протестуют против того, чтобы американская военщина навязывала им свою волю. Они хотят, чтобы земля Исландии цвела золотыми апельсинами, матовыми гроздьями винограда, а не покрывалась бы воронками от взрывов авиабомб.

Он, конечно же, победит в своей борьбе, трудолюбивый, изобретательный и гордый народ Исландии.

СПОРТ

ВПЕРЕД И ВВЕРХ

Л. ФРИДМАН

Придет время — и они будут прыгать с этого трамплина.

Легко, когда смотришь

Борис Кривошеин из 43-й школы, как и все кировчане, гордится тем, что у них в городе такой хороший, высокий трамплин. От подножия трамплина до стартовой площадки — шестьдесят метров. Это как пятнадцатиэтажный дом. На вершину поглядишь — шапка падает. Вечером, как только стемнеет, на трамплине загорается красный огонек — сигнал, предупреждение для пролетающих самолетов.

Борис не раз видел, как прыгают мастера-лыжники. Сначала на стартовой площадке, на самой вершине, появляется маленькая фигурка спортсмена. Снизу даже нельзя различить, кто это, и мальчишки, которых всегда много возле трамплина, обязательно начинают спорить:

— Скопин.

— Какой тебе Скопин! Чернядьев.

Спортсмен поднимает руку — просит старта. Тренер на судейской трибуне взмахивает флажком. И пошел! Лыжник скользит по горе разгона все быстрее, быстрее. Толчок — и вот он уже летит, летит, как птица, только крылья не распластаны, а плотно прижаты к бокам, но от этого полет еще стремительнее.

Однажды Борис тоже попробовал прыгнуть. Конечно, не с самого большого трамплина. И даже не с сорокаметрового, который мастера называют учебным. Нет. Борис прыгнул с маленького, двадцатиметрового. Выбрал момент, когда поблизости не было взрослых, забрался наверх со своими старенькими лыжами-коротышками и поехал. Разогнался, оттолкнулся, даже руки успел

прижать к бокам «по-мастерски», но тут же почувствовал, что его кружит в воздухе, нелепо замахал руками и через секунду упал в снег. Дальнейший спуск Борис проделал сам по себе, а лыжи сами по себе.

Ребята вокруг хохотали. Борис сдержал слезы, показал кулак неизвестно кому и, выплюнув снег, сказал: «Посмотрим».

Через несколько дней Борис записался в секцию прыгунов, которой руководил мастер спорта Петр Данилович Захаров.

В стороне от трамплина

Занятия секции начинающих проходили на ровной площадке, в стороне от трамплина. Это были довольно скучные занятия: присели — встали, согнулись — разогнулись, присели — встали, побежали — остановились...

— Петр Данилович, ну когда эта гимнастика кончится?

— Никогда не кончится,— невозмутимо отозвался тренер.— Прыгуну нужны сильные ноги, крепкая спина, точная координация движений. Разве можно без гимнастики?

И опять: согнулись — разогнулись, присели — встали...

Потом, после гимнастики, разучивали движения прыгуна. Низкая стойка, толчок, прыжок — и все это на ровной площадке, в стороне от трамплина...

Только через месяц, а может, и больше Борису и его товарищам выдали лыжи. Широкие, с тремя желобками, тяжелые — настоящие прыжковые лыжи.

— Покатайтесь вон с той крутой горы, с горы приземления,— сказал тренер.— Привыкайте к ней, и к этим лыжам, и к скорости.

Сто спусков

Чего уж кажется проще — спуститься с горы! Но когда ребята вышли на гору приземления, ту, по которой лыжники продолжают свой спуск после прыжка, выяснилось, что и здесь придется одолевать целую науку. Оказывается, спортсмен должен после приземления спускаться не как придется, а обязательно «в разножку»: ноги сильно согнуты в коленях, одна лыжа впереди другой. При таком спуске он не упадет даже на большой скорости.

На ровном месте, пожалуйста, «разножка» получается у Бориса великолепно, даже Петр Данилович хвалит. А вот на горе, как только наберешь настоящую скорость, почему-то сразу забываются все правила, и Борис спускается, как привык с давних пор. Это в лучшем случае. Чаще же он просто летит носом в снег.

«Разножка» не получается. Вот и сегодня опять пришлось идти к Зиночке — медсестре детской спортивной школы. Она всегда дежурит у трамплина во время тренировок. Ребята часто обращаются к ней за помощью. Нет, не за медицинской. Просто у Зиночки есть пудра. А напудренный синяк не так заметен и, может быть, когда придешь домой, удастся избежать не очень веселого разговора с мамой.

«Разножка» не получается. Но почему же она не получается?!

— Как вы думаете, Петр Данилович?

— Трусишь,— убежденно отвечает тренер.— Трусишь и от страха забываешь все, чему тебя учили.

Борис хочет решительно возразить, но вдруг понимает, что тренер прав. Конечно, с испугу у него все вылетает из головы. И падает он часто оттого, что боится. Как испугается, так и упадет, начисто позабыв о том, что и падать-то надо умеючи: подогнув ноги и прижав локти, повалиться на бок. Да, Петр Данилович прав. Борис боится, и с этим ничего уже нельзя поделать. А может быть, можно?

Борис смотрит вниз, где барахтается в снегу не то Вася Скобелкин, не то Валерий Козловских, и, вздохнув, опять надевает лыжи.

— Вот это правильно,— слышит он за спиной голос тренера.— Раз сто спустишься, и пройдет весь твой страх.

Но на этот раз Петр Данилович ошибся: Борис перестал бояться после пятидесяти спусков. А к сотому он уже не мог спускаться с горы иначе как «в разножку».

И только после этого ему разрешают прыгнуть с двадцатиметрового трамплина, того самого, на котором он когда-то так повеселил мальчишек.

Борис поднимается на стартовую площадку. Смотрит вниз. Там, конечно, мальчишки. Вон они, все повернули лица к нему, ждут, что будет.

Борис отталкивается — пошел. Ветер бьет в лицо, упругий и жесткий. Секунда, другая — вот он, конец трамплина, «стол». В какой-то миг Борису припомнились так надоевшие упражнения: присесть, толчок вперед и вверх, руки резко вверх, а потом крепко прижать к туловищу. И вдруг Борис чувствует, что он летит, что вокруг у него не пустота, а воздух, плотный, надежный, на который можно лечь грудью и лететь, лететь без конца. Но это ощущение длится всего несколько мгновений. Вот уже лыжи коснулись снега.

Судья всесоюзной категории Петр Данилович Захаров вручает приз Лене Скопину, победителю соревнований на двадцатиметровом трамплине.

Пружинисто приземлиться и... «разножка». Скорость понемногу снижается. Все.

— Хорошо, Борис. Только при разгоне ниже приседай. Успеешь выпрямиться, не беспокойся.

Борис слышит голос тренера, кивает головой: «Да, да, понимаю»,— а внутри еще все полно тем непередаваемым ощущением полета. Как жаль, что это длится всего мгновения.

— Петр Данилович, а можно еще разок?

Тренер понимающе улыбается:

— Можно. Иди..

«Ныряльщик»

Разгон. Толчок. Полет. Приземление. Четыре элемента прыжка с трамплина. Если все они хорошо отработаны, если не приходится думать: рука сюда, нога туда, а руки и ноги сами идут куда надо, вот тогда получается хороший прыжок. Казалось бы, если добился этого на двадцатиметровом трамплине, то все получится как надо и на другом, более высоком. Но не тут-то было!

Когда ребята перешли на сорокаметровый трамплин, у всех вдруг появились разные недостатки: Вася почему-то начал махать руками во время полета, у Валерия не получалось пружинистое приземление, Слава Горбунов жаловался, что его «лыжи не тащат», хотя виноваты были не лыжи, а сам Слава, который недостаточно низко приседал на горе разгона. Словом, у каждого была своя беда.

А Борис... Борис стал «нырять». Вот он прошел гору разгона, выехал на «стол». Здесь надо сделать сильный толчок вверх и вперед. Даже руки надо резко выбросить вверх, чтобы они, как говорит тренер, потянули тебя повыше. Вот тогда полет будет далеким и плавным.

— Вперед и вверх! — кричал тренер.— Вперед и вверх!

А Борис, разогнавшись, не успевал опомниться, как его, словно ветром, сдувало со «стола» — так велика была скорость. И он, не сделав нужного толчка, «нырял». Лыжи уходили вниз, руки нелепо болтались, прыжок получался коротким, некрасивым.

В конце концов Борис стал просто злиться. Да что же это такое? В чем дело? Неужели ничего нельзя придумать? Он стоял на площадке и смотрел вниз. Вот там, у края «стола», снег как будто немного темнее. Там толкнусь. Ни на сантиметр дальше. Только бы не потерять это место из виду. Борис мчится с горы. Раз... Опять «промазал». А ну еще. Разгон. Толчок. «Эх, рановато толкнулся!» — успевает подумать Борис и тут же чувствует, что летит правильно. Так вот в чем загвоздка! Значит, надо наметить место для толчка, а толкнуться немного раньше. Тогда будет точно.

Приземлившись, Борис подходит к тренеру и задает ему традиционный вопрос:

— Ну как?

Этот вопрос задают после прыжка все — от начинающего до мастера. «Ну как?» — это значит правилен ли был разгон, красив ли полет, хорошо ли я приземлился, далеко ли прыгнул. Об этом всегда легче судить со стороны. И прыгун спрашивает: «Ну как?» — у тренера, у своих товарищей-спортсменов, а если понимающих людей поблизости нет, то спрашивает у мальчишек. И те авторитетно заявляют: «Промазал»,— если лыжник опоздал сделать толчок, или «грохнулся»,— если он недостаточно спружинил во время приземления. И даже мастера воспринимают эти ответы всерьез.

— Ну как? — спрашивает Борис.

— Кажется, ты понял, в чем дело,— говорит тренер.— Если еще оттолкнешься посильнее, будет совсем хорошо.

Борис оттолкнулся сильнее. Потом еще сильнее — вперед и вверх. Вперед и вверх!

На городских соревнованиях он, прыгая с самого большого трамплина, пролетел по воздуху шестьдесят метров и занял первое место среди юношей.

Зимой следующего года его включили в сборную города.

Хочу летать

Республиканские соревнования. Команда была уверена в Борисе. Никто не сомневался, что он покажет хорошие результаты в обоих элементах двоеборья: прыжках с трамплина и лыжной гонке.

Но в самом начале соревнований с Борисом случилась беда. Неудачно приземлившись после прыжка, он сломал ногу.

Два с половиной месяца Борис пролежал в постели. Однажды, осмотрев ногу, врач сказал:

— Ну, что ж, кость срастается хорошо. Скоро будешь бегать.

— А прыгать? — спросил Борис.

— С трамплина? — врач задумался.— Нет.

— Послушайте, доктор,— взволновался Борис.— Я не могу так. Что же делать?

— Что делать?.. Лечебную гимнастику.

Лечебная гимнастика. Ногу согнуть — разогнуть, согнуть — разогнуть, носок вытянуть. Согнуть — разогнуть. Согнуть — разогнуть. Носок вытянуть. Согнуть — разогнуть...

Невеселое занятие. Но ничего, не впервой. Борис знает, зачем это ему нужно.

Опять осмотр у врача.

— Можно прыгать?

Врач даже накричал на него:

— Подумаешь, герой нашелся! Маресьев! Сказано нельзя, и кончено.

— Нет не кончено! Не имеете права!

Врач и не подозревал, что упоминанием о Маресьеве задел человека за живое: Борис собирался стать летчиком.

И снова: согнуть — разогнуть, согнуть — разогнуть... Носок вытянуть. И снова осмотр у врача.

— Ну что ж. Пожалуй, разрешим вам прыгать. Но, разумеется, не с большого трамплина. Только с «двадцатиметровки».

Значит, сначала. Пусть так. Борис начал снова.

И вот он опять на «мастерском» трамплине. На том, который мальчишки называют «семьдесят пятый», потому что лучший результат, показанный на нем,— семьдесят пять метров. Этот рекорд принадлежит мастеру спорта Евгению Грозину.

А перворазрядник Борис Кривошеин прыгает пока только на шестьдесят. Но тренер говорит о нем:

— Борис? Этот допрыгнет до рекорда. Он воздух чувствует. А главное, характер у него есть...

Недавно Борис начал заниматься в аэроклубе, учиться на пилота. Узнав об этом, мама вздохнула, хотела что-то сказать, но, видимо, передумала и только спросила:

— А не тяжело будет, Боря? Десятый класс, тренировки да еще аэроклуб...

— Ну что ты, мама,— улыбнулся Борис.— Я еще и в кружок парашютистов запишусь. Обязательно.

После игры

А. ЛЕОНТЬЕВ,
мастер спорта

Наверное, каждый из вас, кто мечтает стать хорошим хоккеистом, старается играть лучше, разнообразнее, умнее.

А для этого надо обязательно знать, в чем вы ошибаетесь.

Прошла у вас игра — хорошая, плохая ли,— непременно соберитесь, подумайте все вместе над ходом игры, разберитесь, правильной ли была ваша тактика, кто подвел команду, кто помог добиться победы и почему.

Фотографии на следующих страницах показывают отдельные моменты встречи детских команд «Каучук» и «Метро». Давайте рассмотрим эти снимки.

Вот один из напряженных моментов — шайба за воротами «Метро» (нижний снимок на стр. 74). Как вы думаете, правильно ведет себя вратарь, повернувшись всем туловищем навстречу шайбе?

Глядя на эту фотографию, можно сразу сказать: вратарь растерялся. А растерянность в игре ведет к неизбежным ошибкам. Где бы ни была шайба, вратарь всегда должен стоять спиной к воротам и следить за шайбой, поворачивая только голову.

Вратарю «Метро» надо было лишь плотно стать к той штанге, недалеко от которой находится игрок с шайбой, закрыть угол и следить за противником: вдруг он выедет с противоположной стороны, и тогда надо быстро переместиться к другой штанге, опять заняв выгодную позицию.

В любом сложном положении вратарь должен стараться сохранить устойчивость и подвижность, чтобы в случае необходимости быстро изменить позицию.

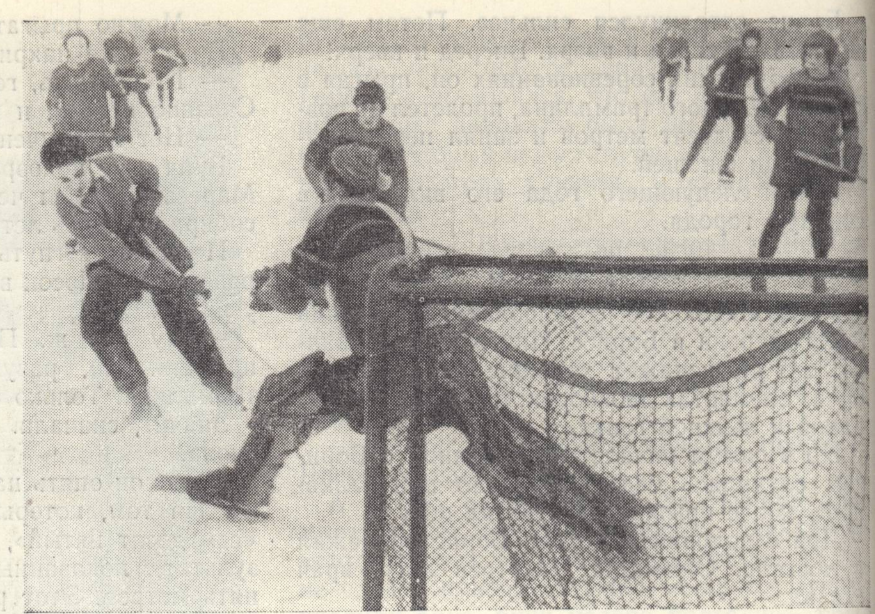
Посмотрите, как своевременно и смело выходит на бросок нападающего вратарь «Каучука» (снимок вверху). Ворота спасены! Но вы не увлекайтесь частыми выходами из ворот. Вратарь делает это лишь в том случае, когда твердо уверен в успехе. Здесь должен действовать точный расчет. Ну, а нападающий? Тот, в свою очередь, должен не упу-

скать момента и стараться обвести вратаря, загнать шайбу в пустые ворота.

Вообще запомните: вратарь должен быстро реагировать на действия противника, избегать ненужных, лишних выходов, избегать падений. А уж если пришлось упасть, надо быстро встать на ноги и принять основную стойку: ноги чуть согнуть в коленях, щитки сдвинуты вместе, крюк клюшки на льду перед коньками.

Хоккей требует умения хорошо маневрировать, уверенно владеть клюшкой, внимания, смекалки.

Но есть в хоккее и такие приемы, которые требуют еще и силы и смелости. Это приемы силовой борьбы, игра корпусом. Учитесь играть корпусом.

Посмотрите, как встретил высокого и сильного соперника защитник «Каучука» (снимок третий). У него одна цель — устоять самому, не пропустить нападающего к воротам, сорвать атаку. Сколько напряжения в его немного подавшейся вперед фигуре! Видите, как правильно держит он клюшку, как крепко врезались в лед лезвия его коньков? Устойчивое положение защитника позволило ему выйти победителем в схватке: противник потерял шайбу.

А вот игрок «Метро» (снимок четвертый) неправильным приемом только подвел свою команду. В азарте он совсем забыл, что при столкновении с противником нельзя выставлять клюшку, колено или локоть, и пытается оттолкнуть соперника рукой. Он видит перед собой только шайбу, и ему нет дела, что за нарушение правил ему придется сесть на скамью оштрафованных и этим ослабить свою команду.

Когда вы берете игрока «на корпус», вы должны следить не столько за шайбой, сколько за игроком, который ведет шайбу. Встречать противника не обязательно грудью, можно и боком, бедром или даже спиной. Надо только суметь выбрать выгодный момент, когда внимание противника привлечено к шайбе. И, как только он приблизится к вам на такое расстояние, что не сумеет вас объехать, атакуйте его и постарайтесь оттеснить его от шайбы.

Хоккеисту очень важно уметь хорошо бегать на коньках. Вам надо учиться лучше делать на большой скорости крутые повороты по часовой и против часовой стрелки, уверенно двигаться спиной вперед, резко и внезапно тормозить. Это поможет вам своевременно атаковать противника, первым занять удобную позицию.

Посмотрите, как далеко оставил всех за собой нападающий «Метро» (снимок пятый). Молниеносно обвел он противника. Удар — и шайба в воротах «Каучука».

Обратите внимание, что и после броска игрок продолжает двигаться на ворота и провожает шайбу взглядом. Он делает это на случай, если шайба отскочит от вратаря и придется еще раз ударить по воротам.

Обводка — нужный прием. Но многие из вас, ребята, неправильно пользуются обводкой. Начинают обводить далеко от ворот противника. К чему это приводит?

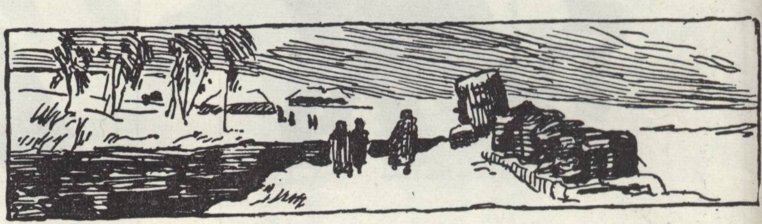
Обведенный противник старается, как правило, исправить свою ошибку и начинает преследовать игрока с шайбой. К нему присоединяются другие. Вот и приходит игрок в зону нападения, окруженный противниками. Конечно, вести атаку в таких условиях трудно.

С чего начинается целина

Освоение целины начинается по-разному. У молодого шофера — героя рассказа «Дорога» — оно началось в снежной степи.

Этот парень бахвалился, что он другим не чета, он-де «шофер второго класса». Но когда в степи начался буран, он стал творить одну глупость за другой и совсем пропал бы, если бы не его товарищ, оказавшийся действительно первоклассным шофером и к тому же хорошим человеком. «Вот тогда, я считаю, и началось у меня освоение целины», — заканчивает свое повествование герой, а вместе с ним и автор рассказа.

Лева из рассказа «Весна» стал настоящим целинником с той минуты, когда не побоялся броситься в ледяную воду, чтобы вовремя обеспечить доставку горючего... А «беглец» Саня Петушков — четвероклассник, которого отослали из совхоза обратно в школу... Конечно, у Сани и знаний нет, да и силенок, чтобы работать на целине, маловато, но все же директор совхоза только наполовину шутит, называя его трактористом и целинником. Саня искренне хотел помочь совхозу. А целина — это не только нетронутая земля, которую предстоит поднять. Это — испытание твоей самоотверженности, твоего мужества, твоей человеческой ценности. Об этом говорит книга Л. Квина «ПАЛАТКИ В СТЕПИ».

Ю. Савицкая

Книга скликает своих героев

Давно мечтал я встретиться с кем-либо из бойцов, выведенных в книге **«Бронепоезд «Гандзя»**. Однако знакома ли вам эта повесть? В ней рассказывается о событиях гражданской войны.

Бойцы бронепоезда испытывали огромную, страшную и в то же время дух захватывающую от счастья ответственность за судьбу революции. Победа или смерть — так стоял вопрос.

Мы на бронепоезде были вооружены шестидюймовой гаубицей. В те годы полевые сражения не знали более крупного калибра. Могучий басовитый рык нашей шестидюймовки выделялся в шуме и грохоте любого боя. И это веселило пехоту, придавало ей силы для новых атак на врага. Восторженно и нежно относились к «Гандзе» бойцы ныне уже легендарных Богунского и Таращанского полков, как легендарной стала и сама дивизия — 44-я дивизия Щорса, — в составе которой действовали совместно и богунцы, и таращанцы, и наш бронепоезд...

С окончанием войны все мы стали участниками великой стройки. И в то же время братские связи между бойцами, скрепленные кровью на полях сражений, не могли оборваться. Рано или поздно, казалось мне, бойцы должны отыскать друг друга.

Особенно часто вставал в моей памяти Федорчук, матрос-черноморец. Это товарищ, каких я больше не знал в жизни. Кстати, подлинная фамилия матроса — Басюк, а подлинная фамилия Медникова — та, что стоит под этой статьей.

В чем же заключалось наше товарищество? Басюк был способен пожертвовать за меня жизнью — в этом я убеждался не раз. Равным образом и я, не задумываясь, отдал бы жизнь за Басюка, в чем он тоже не раз мог убедиться. Но в этом ли сущность настоящей дружбы? Пожертвовать жизнью не так уж трудно, — важно, во имя чего. А это мы знали. Нас сроднила борьба за высшее благо на земле: интересы революции — вот что было мерой поведения бойца. Басюк считал, что из нас двоих я, командир бронепоезда, для революции ценнее. Сам же я думал наоборот. Вот и все.

Прошло много времени. Я уже примирился с мыслью, что бронепоезд «Гандзя» и его бойцы — это воспоминание далекой юности, и не больше. И вдруг...

Однажды мне подали письмо. Не-

знакомый человек, вручая его, сказал: «Это от Кришталя. Он живет в Одессе. Помните такого бойца на бронепоезде «Гандзя»?».

Взволнованный неожиданностью, я не сразу нашел в себе силы распечатать письмо. Кришталь — рабочий-столяр — писал: «Я прочитал в газете «Правда Украины» о том, что вы создали монумент-памятник нашему бронепоезду «Гандзя» № 93 — написали книгу...».

Через некоторое время Кришталь, седой 62-летний старик, навестил меня в Ленинграде, и, конечно, я сразу спросил его о моем друге, о матросе Басюке. И услышал: в 1920 году, когда меня откомандировали в штаб армии, Басюк был назначен командиром одного из новых бронепоездов. В том же, двадцатом году он погиб в бою с белополяками...

После Кришталя обнаружился еще один боец с бронепоезда «Гандзя». И привела его ко мне тоже книга. Это бывший пулеметчик Иван Крысько, теперь он пенсионер и живет в городе Хмельницке, Винницкой области. Пишет, что в витрине магазина увидел книгу «Бронепоезд «Гандзя» на украинском языке. Поспешил купить, прочитал и через издательство, обозначенное на книге, нашел автора.

Деятельно собирает материалы о гражданской войне на Подолии музей в Каменец-Подольске. А боевые маршруты бронепоезда «Гандзя» первоначально там и пролегали. Директор музея товарищ Хотюн составляет историю бронепоезда. Каждого бойца «Гандзи», который обнаруживается, я адресую к товарищу Хотюну и надеюсь, в недалеком будущем бойцов выявится столько, что все мы соберемся для встречи.

Николай Григорьев

Три вопроса

Самые маленькие обращают внимание только на содержание книги. Но вы уже постарше, вам пора приучаться судить о том, как книга написана.

Как же приучить себя замечать художественную сторону прочитанного?

Готовых рецептов здесь не дашь. Но для начала полезно было бы, прочитав книгу, ответить себе хотя бы на три вопроса: 1. Кто написал ее? 2. Какие особенности удалось мне заметить у автора? 3. Что в книге мне больше всего понравилось и запомнилось?

Если бы меня спросили про книгу «Послушайте старика!», вот как я ответила бы на эти вопросы:

1. Книгу «Послушайте старика!» написал старый украинский писатель Остап Вишня.

2. Это писатель очень наблюдательный, с острым и чуть-чуть грустным юмором. Он справедливо считает своим учителем Гоголя.

3. Что касается лучших мест в книге, то, разумеется, это дело вкуса. Мне, например, особенно запомнились теплые, до слез трогающие строки о старенькой учительнице Марии Андреевне. А вам, быть может, больше понравятся рассказы о шалунах и лодырях, забавные «охотничьи рассказы» или еще какие-нибудь страницы этой хорошей книги, которую мы от всей души советуем вам прочитать.

Ю. Новикова

Страна Шлараффия

Дома в Шлараффии построены не из кирпичей, а из пряников, крыши домов крыты вместо черепицы оладьями. Вокруг домов — заборы из сосисок и колбас. На березах и ивах растут свежие булки, а ручьи там из молока. Вместо скал там сыры, вместо дождя льет с неба мед. А град в Шлараффии — это конфеты, изюм, чернослив, шоколад и миндаль.

Не хотите ли, ребята, побывать в стране Шлараффии?

В больших лесах Шлараффии на деревьях растут куртки, пальто, плащи, а на кустах — женские платья из шелка и бархата. Любая старуха, три дня подряд искупавшаяся в шлараффской ванне, становится цветущей красивой девушкой...

Не прихватить ли нам в Шлараффию своих бабушек?..

Но в Шлараффии странные порядки. Кто лучше и больше всех соврет, тот становится там губернатором. Чтобы получить звание ученого, надо сдать экзамены по лжи, грубости, лени, обжорству. Каждый год там бывает состязание на самого ленивого, злого и тупого, и победитель становится королем Шлараффии...

— Похоже, ребята, что ни вам, ни вашим бабушкам нечего делать в такой стране!..

— И правда, ездить туда не стоит. Тем более, что эта страна сказочная...

А вот прочитать забавную и острую немецкую сказку о стране Шлараффии очень даже стоит. К тому же рядом с ней вы найдете такие же чудесные, дышащие здоровым юмором сказки других народов: датские, ирландские, шведские, английские... Все они помещены в небольшом сборнике зарубежных сказок «Яблоко здоровья».

С. Моисеева

Имя, полное значения

В книге аргентинского писателя Альваро Юнке четырнадцать рассказов. В ней много героев, и с каждым вам, наверно, захочется подружиться: такие это смелые, стойкие, великодушные парни, настоящие мужчины. Недаром и книга называется «Мужчины двенадцати лет».

Разные, но одинаково привлекательные, проходят они перед вами. Вот Дамиáн Бáльби (герой рассказа «Яйцо в тарелке супа») — сильный, трудолюбивый, немногословный. С каким истинным великодушием забыл он обиду, нанесенную ему несправедливой теткой, и в трудную минуту стал опорой семьи! А какая прекрасная дружба связывает двух школьников — Карлоса и Хуана — из рассказа «Друзья»! Сколько страстного чувства справедливости в сердце Клавдио, отважно заступившегося за мальчика, которого обидели! Дорого обошлась Клавдио эта защита, его снова выкинули на улицу, и снова он бездомный бродяжка «перекати-поле».

Маленьким аргентинцам есть чего бояться — с юных лет они знают, что значит подневольный труд, голод, безработица. Тем больше чести мальчикам, сохранившим в такой жизни отвагу и стойкость. Тем больше чести писателю, заступившемуся за бесправных ребят.

Писателя этого зовут Арúстидес Гандóльфи Эррéро; Альваро Юнке — его псевдоним.

Альваро Юнке — член Национального Совета Мира. За плечами у него годы борьбы, тюрьмы, эмиграции. Юнке — по-испански это слово значит «наковальня» — стойко выдержал удары судьбы.

Выдержат их и те мужественные парни, которых он так любит, белые и цветные мальчики, живущие в бедных кварталах Буэнос-Айреса. Порукой тому рассказы Юнке.

Н. Иринина

Внимание!

Юные техники!

СЕГОДНЯ НА КНИЖНОЙ ВИТРИНЕ ВЫСТАВЛЕНЫ КНИГИ ДЛЯ ВАС

Л. Киселев, Э. Микиртумов, П. Хлебников, Ф. Честнов КНИГА ЮНОГО ТЕХНИКА. Здесь много разделов по самым разным вопросам, есть и практические советы, и полезные рецепты, и справочные таблицы, и сведения о различных материалах — все необходимое юному технику.

П. Стрелков ЮНОМУ ЭЛЕКТРОТЕХНИКУ. **Ю. Верхало** САМОДЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ. **П. Стрелков** ЭЛЕКТРОТЕХНИКА В ПИОНЕРСКОМ ОТРЯДЕ. Большие возможности открывает электротехника в моделировании. А хорошо оформить спектакль, устроить вечер фокусов, изготовить детали прибора и конструкций разве можно без электротехники! Нет, без нее не обойтись. Вот тут эти книги и помогут вам.

П. Леонтьев РАБОТЫ ПО ДЕРЕВУ. **П. Леонтьев** РАБОТЫ ПО МЕТАЛЛУ. **И. Эпштейн** КАК НАУЧИТЬСЯ ВЫПИЛИВАТЬ. Хотите ли вы сделать модель яхты или самолета, полку для книг или фотоувеличитель, радиофицировать школу или устроить метеостанцию,— эти книги пригодятся вам в любом деле.

Почему и отчего

Лаборатория в растении

Дорогая редакция!

Объясните, пожалуйста, почему весной у деревьев веточки из красных делаются зелеными.

Слава Иванов, город Киев.

Твой вопрос правильнее было бы поставить так: почему верхушечные побеги зимой становятся красными, а весной зеленеют? Если ты уже проходил ботанику, то ты знаешь, что такое хлорофилл, знаешь, какую он играет роль в жизни растения и что это от хлорофилла листья и стебли большинства растений имеют зеленый цвет. На случай, если ты позабыл об этом, я объясню тебе.

Зеленые зернышки хлорофилла растений улавливают солнечный свет и с его помощью производят внутри растительных клеток химическое превращение кислорода, углерода и воды в вещества, из которых некоторые идут на построение самого растения, на его рост и развитие, а некоторые скопляются в его плодах и корнях как запасы питательных веществ.

С приближением холодов растение готовится к зимнему покою, к прекращению роста. Когда нет роста, хлорофилл не нужен. И вот еще с осени растение теряет свой хлорофилл, и тогда становятся видны другие вещества, которые и раньше были в клетках растения, но из-за хлорофилла не были видны. Листья становятся желтыми от ксантеина, или красными от антоциана, или бурыми от смеси ксантеина и антоциана.

Зеленые веточки тоже становятся красными или бурыми от антоциана, да им еще придает окраску слой пробковых клеток, защищающих от холода.

Возьмем, к примеру, такое растение, как абрикос или ива. Почки у них просыпаются ранней весной и развиваются у абрикоса в бутоны и цветы, а у ивы — в сережки, которые тоже являются цветами. Только потом, когда кончится цветение, разовьются молодые листочки.

Цветочные почки развиваются в бутоны за счет запасов пищи, заготовленных с предыдущего лета. Но дальше уже нужен хлорофилл, а листьев-то еще нет. Он образуется в верхушечных побегах и накопляет пищу для развития листьев. Вот тут-то веточки и зеленеют.

Е. Рубцова

Нерешенная задача

Дорогая редакция!

Почему вечером, когда включаешь свет, в открытое окно залетает множество жуков, бабочек и комашек?

Валерий Лемешко,
ст. Козельщина, Полтавской области.

Твой вопрос, Валерик, интересный, но не такой уж простой, каким кажется на первый взгляд.

На Украине для борьбы с вредителем сахарной свеклы — долгоносиком — применяют такой способ: по краю поля ночью разжигают большие костры, а потом идут по полю и спугивают долгоносиков. Насекомые тучами поднимаются, летят на костры и там погибают.

Летят на свет обычно ночные насекомые, различные бабочки и жуки. Это стремление насекомых к свету называется фототаксисом.

Я говорил по поводу твоего письма с заведующим энтомологическим отделом Зоологического музея МГУ, и он сказал мне, что объяснить фототаксис очень трудно. Наука еще не разгадала это явление. Некоторых насекомых привлекают, вероятно, невидимые нашему глазу ультрафиолетовые лучи. Но есть ночные насекомые, которые, наоборот, избегают света, прячутся от него, но почему-то слетаются на свет ацетиленовой лампы.

Дневные насекомые тоже летят на свет, но их привлекает не свет, а тепло.

Попробуй, Валерик, поставить такой опыт. Выставь вечером во двор или в сад зажженный фонарик, прикрытый прозрачной бумагой: то красной, то зеленой, то синей. Понаблюдай, на какой свет больше всего летят насекомые и какие. О своих наблюдениях напиши нам.

К. Кочетков

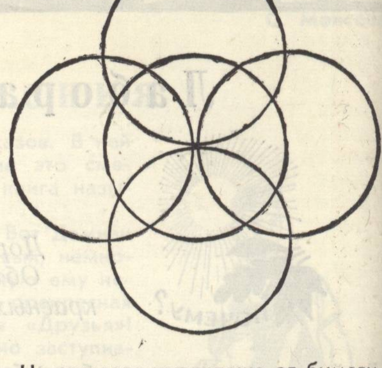
АНГЛИЙСКАЯ ПОГОВОРКА

В этом ребусе зашифрован текст английской поговорки. Прочитайте и переведите его.

Составил Толя Рычков, Брянск.

НЕ ОТРЫВАЯ КАРАНДАША

Не отрывая карандаша от бумаги, нарисуйте эту фигуру.

Составил суворовец Д. Панов.

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 1

Восемь музыкальных инструментов

Фортепьяно, фисгармония, флейта, фагот, фанфара, арфа, саксофон, ксилофон.

Шестая загадка

Ответы на первые пять загадок: 1. Топор. 2. Ухват. 3. Метла. 4. Арбуз. 5. Невод.

Повернув все пять кружков так, чтобы начальные буквы вписанных в них слов совместились с гнездами центрального круга, прочитаем в нем ответ на шестую загадку: туман.

А вот и сама загадка: «Белая вата поплыла куда-то».

Семь шестиугольников

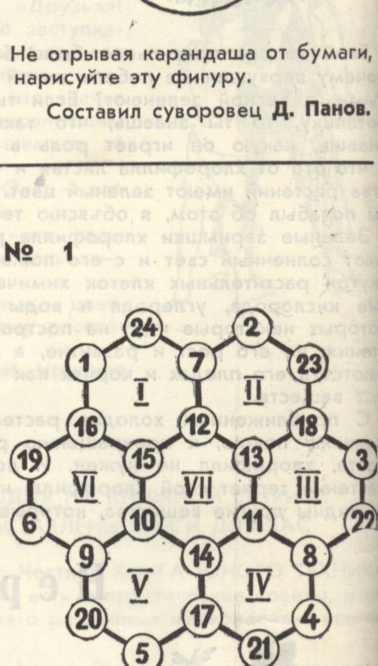
Сумма всех чисел семи шестиугольников равна: $7 \times 75 = 525$. Сумма же всех чисел от 1 до 24 равна 300. Разница в 225 объясняется тем, что шесть чисел считаются дважды и еще шесть чисел считаются трижды.

Сумма чисел внутреннего шестиугольника равна 75. Каждое из этих чисел считается трижды. Следовательно, из суммы чисел 525 на эти числа приходится $75 \times 3 = 225$, а на разницу в 225 (между суммами 525 и 300) приходится 150. Остаток разницы, равный 75, приходится на те шесть чисел, которые повторяются дважды и сумма которых также равна 75. Отсюда ясно, что сумма двенадцати чисел, расположенных по внешнему контуру фигуры и считаемых только по одному разу, равна: $300-75-75 = 150$, или на каждый шестиугольник приходится: $150 : 6 = 25$.

Теперь очень легко расставить все числа от 1 до 24 по шестиугольникам.

Один раз будут фигурировать числа: 1—24, 2—23, 3—22, 4—21, 5—20, 6—19. Два раза будут считаться числа: 7—18, 8—17, 9—16. Три раза будут считаться числа по внутреннему шестиугольнику: 10—11—12—13—14—15.

Задача имеет множество решений. Для примера приводим два из них. Римскими цифрами обозначены номера шестиугольников.

Первый вариант: I. 1—24—18—10—15—7. II. 2—23—8—14—10—18. III. 3—22—17—11—14—8. IV. 4—21—9—13—11—17. V. 5—20—16—12—13—9. VI. 6—19—7—15—12—16. VII. 10—14—11—13—12—15.

Второй вариант для наглядности приводится на рисунке.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор А. Ефимова.

А 00520. Подписано к печати 30/I 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 147. Заказ № 3372.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Для умелых рук

В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ЕСТЬ В ПРОДАЖЕ БРОШЮРЫ «ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК»

Это серия брошюр-пособий в помощь политехническому обучению, трудовому воспитанию и техническому творчеству пионеров и школьников.

АЭРОМОБИЛЬ. Описанная в брошюре модель аэромобиля отличается от моделей обычных автомашин тем, что она движется с помощью воздушного винта (пропеллера), развивая на ровной дороге скорость до 58 километров в час.

МАСТЕРСКАЯ ЮНОГО ТЕХНИКА (выпуск 1). Содержит указания о том, как своими силами сделать верстачную доску, стусло, рубанок, фуганок, лучковую пилу, угольник, рейсмус.

МОДЕЛЬ ВЕТРОДВИГАТЕЛЯ. Описание и чертежи действующей крупномасштабной модели ветродвигателя. Ее может построить каждый кружок юных техников, создав не просто игрушку, а настоящее техническое сооружение.

МОДЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН. В двух выпусках — «Трактор «Беларусь» и «Навесные орудия» — содержатся описание и чертежи указанных моделей; это хорошие пособия для кружков юных механизаторов сельского хозяйства и юных натуралистов.

МОДЕЛЬ ЯХТЫ. Описываемая модель яхты точно воспроизводит настоящее судно. Постройка ее доступна школьникам среднего возраста.

РАДИОДЕТАЛИ (два выпуска). В брошюрах есть справочные таблицы, содержащие необходимые сведения о радиодеталях, наиболее часто применяемых в любительской практике (сопротивления, конденсаторы, выключатели и переключатели и др.— указаны назначения, классификация, типы).

САМОДЕЛЬНЫЙ ФОТОАППАРАТ. Брошюра содержит чертежи и описание самодельного фотоаппарата, рассчитана на юных фотолюбителей-школьников, уже знакомых с устройством простого фотоаппарата (например, типа «Любитель») и умеющих им пользоваться.

ЮНОМУ АСТРОНОМУ (телескоп и подзорная труба). Пособие по расчету и постройке астрономической и подзорной труб средней сложности. Постройка описанных в брошюре труб представляет особый интерес для школьников в связи с наблюдениями по программе Международного геофизического года (в частности, за искусственными спутниками Земли).

Брошюры **«ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК»** служат пособиями для технических кружков школ, детских домов, внешкольных учреждений (домов пионеров, клубов и станций юных техников). Большинство самоделок доступно и для изготовления школьниками самостоятельно, в домашних условиях.

Цена каждой брошюры — 85 копеек.

Требуйте в магазинах Книготорга и потребительской кооперации брошюры «Для умелых рук».

Всесоюзное объединение книжной торговли

Цена 2 р. 50 к.

Рисунки Е. Ведерникова.

Что за история произошла с этим лыжником? Напишите и пришлите свой рассказ в редакцию. Пишите на том иностранном языке, который вы изучаете в школе.

Лучшие рассказы будут премированы. А премии прислали нам далекие друзья: английский журнал «Гёрл» («Девочка»). Подробней об этом рассказано на 48-й странице.